

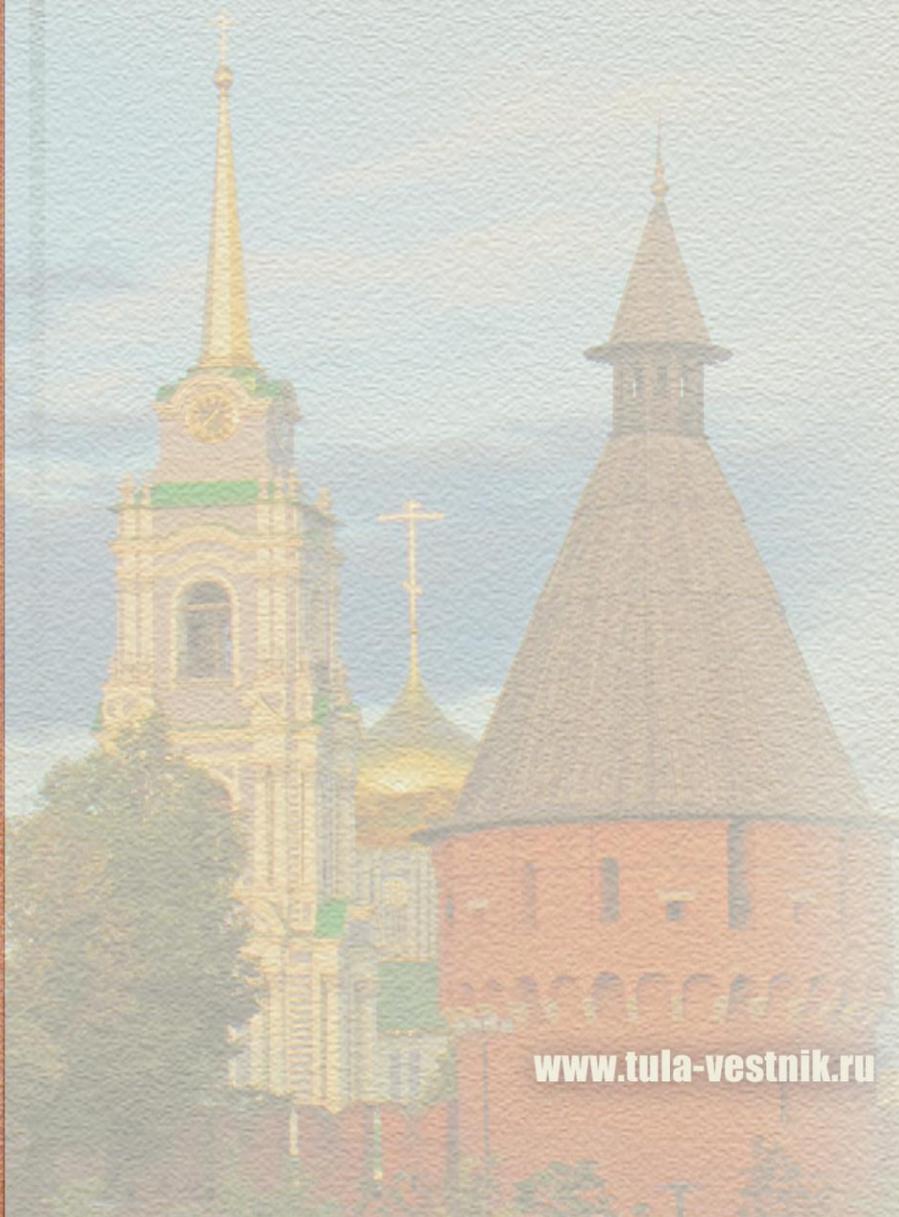
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 4 (20)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 4 (20)

**Тула
2024**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 4 (20)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-4

Дата выхода в свет: 28.12.2024 г.

Главный редактор –

доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

Заместитель

главного редактора –

доктор филологических наук,
профессор

Г. В. Токарев

Ответственный редактор –

кандидат исторических наук

Н. А. Биленко

Технический редактор –

кандидат исторических наук

М. О. Сафронова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Минобрнауки РФ (по специальностям: 5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. – Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология, антропология и этнография, 5.9.5. – Русский язык. Языки народов России, 5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано

Роскомнадзором 13.11.2020 г.

Регистрационный номер:

ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024

© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:

history@tspu.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:

info@tspu.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная история

Белов А. В. Пространство среднерусского города к началу реформ Екатерины II: особенности и закономерности **8**

Лобачева И. Н. Браки представителей тульского и ефремовского купечества 1850-х гг.: расчет, нужда или чувство? **16**

Сафронова М. О. Деятельность Тульского губернского земства по призрению сирот в конце XIX – начале XX в. **28**

Соколов А. В. Проблема типологии текстов тульского поморца-начетчика Д. В. Батова **42**

Шевелева О. В., Маркова С. М. «Беженские школы» в Тульской губернии в годы Первой мировой войны **54**

Бакаляр Е. Е. Перводекабрьское вооружённое восстание в Таллине **64**

Зверков Е. А. Спекуляция в СССР в 1918 – 1945 гг. и борьба с ней (на материалах Центрального Черноземья) **76**

Этнология и антропология

Макашова Н. В. Экологические арт-практики в современной России: этико-экономический аспект **85**

Мартынова Е. П. Фратрии у обских угров: полемика в угроведении как научное наследие Югры **100**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

100-летие со дня рождения А. Н. Карпова

Карпова И. А. «Словарь деонимов русского языка»: от замысла к воплощению **114**

Токарев Г. В. Пчеловодческий словарь А. Н. Карпова **122**

Герасименко И. Е. Номинации меда как хмельного напитка в «Пчеловодческом словаре» А. Н. Карпова **128**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание
Основан в 2020 г.

Выпуск 4 (20)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-4

- Беднарская Л. Д.* О развитии синтаксических идей
А. Н. Карпова в XXI веке **139**
- Романов Д. А.* Синтаксический аспект идиостиля
Михаила Чехова **150**
- Старцева Н. М.* К вопросу о сочетаниях пунктуационных
знаков запятая и тире в современной письменной речи **163**
- Пронина Е. В., Пронин Д. Д.* Исследование неологических
тенденций развития русского литературного языка
середины XIX века в творчестве Л. Н. Толстого
методами компьютерной лингвистики **172**
- Иванова В. И., Буряковская А. А.* К вопросу
о языковых характеристиках лент мессенджеров
категории «Новости и СМИ» **183**
- Красовская Н. А.* Лингворегионоведение в аспекте
изучения русского языка как иностранного
(некоторые обобщения опыта работы) **193**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020

Published 4 times a year

Issue 4 (20)

DOI 10.22405/2712-8407-2024-4

Released on December 28, 2024

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Executive editor

PhD in History
N. A. Bilenko

Technical editor

PhD in History
M. O. Safronova

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.
Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2024

© Authors of articles, 2024

Address of the founder and the editorial office:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: history@tsput.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:

info@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

The Local History

<i>Belov A. V.</i> Central Russian City at the Beginning of Catherine the Great's Reforms: Peculiarities and Patterns	8
<i>Lobacheva I. N.</i> Marriages Between Merchant Representatives from Tula and Efremov in the 1850s: Convenience, Need or Sentiments?	16
<i>Safronova M. O.</i> Activities of the Tula Provincial Zemstvo in Caring for Orphans in the Late 19th – Early 20th Centuries	28
<i>Sokolov A. V.</i> The Issue of Typology of Texts by the Tula Pomeranian Dogmatist D. V. Batov	42
<i>Shevelyova O. V., Markova S. M.</i> Refugee Schools in Tula Province During the World War I	54
<i>Bakalyar E. E.</i> December First Armed Uprising in Tallinn	64
<i>Zverkov E. A.</i> Speculation in the USSR in 1918 – 1945 and the Fight Against It (Based on the Materials of the Central Black Earth Region)	76

Ethnology and Anthropology

<i>Makashova N. V.</i> Ecological Art Practice in Contemporary Russia: Ethical and Economic Aspect	85
<i>Martynova E. P.</i> Phratries Among Ob Ugrians: Polemics in Ugric Studies as a Scientific Heritage of Yugra	100

LINGUISTICS

100th Anniversary of A. N. Karpov's Birth

<i>Karpova I. A.</i> «A Dictionary of Russian Deonyms»: from Conception to Realization	114
<i>Tokarev G. V.</i> A. N. Karpov's Beekeeping Dictionary	122
<i>Gerasimenko I. E.</i> Nominations of Honey as an Intoxicating Drink in the Beekeeping Dictionary by A. N. Karpov	128

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

<i>Bednarskaya L. D.</i> On the Development of A. N. Karpov's Syntactic Ideas in the XXI Century	139
<i>Romanov D. A.</i> Syntactic Aspect of Mikhail Chekhov's Idiostyle	150
<i>Startseva N. M.</i> On the Issue of Combinations of Punctuation Marks Comma and Dash in Modern Written Speech	163
<i>Pronina E. V., Pronin D. D.</i> The Study of Neological Trends in the Development of the Russian Literary Language of the Mid-nineteenth Century in the Works of Leo Tolstoy Using Methods of Computational Linguistics	172
<i>Ivanova V. I., Buryakovskaya A. A.</i> Language of News and Media Messenger Feeds	183
<i>Krasovskaya N. A.</i> Linguoregional Studies in the Aspect of Studying Russian as a Foreign Language (Some Generalizations of Work Experience)	193

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Мартынова Елена Петровна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Заместитель главного редактора

Токарев Григорий Валериевич,

доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Ответственный редактор

Биленко Никита Алексеевич,

кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,

доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Красовская Нелли Александровна,

доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Симонова Елена Викторовна,

доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия);

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария);

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия);

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада);

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия);

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия);

Кирева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия);

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБун «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран);

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия);

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБун «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия);

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР);

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия);

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия);

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБун «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия);

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северо-восточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР);

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия);

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсо, Норвегия);

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия);

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия).

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Executive editor

Nikita Bilenko, PhD in History
(TSPU, Tula, Russia);

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia);
Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia).

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia);

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria);

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada);

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia);

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary);

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia);

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia);

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia);

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia);

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran);

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia);

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia);

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland);

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China);

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia);

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia);

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia);

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China);

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia).

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway);

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia);

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная история

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 8–15.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 8–15.

Научная статья

УДК 94(47).066

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕРУССКОГО ГОРОДА К НАЧАЛУ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II: ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

**Алексей Викторович
Белов**

Институт российской истории

Российской академии наук

Москва, Россия, belovavhist@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Аннотация. Статья посвящена структуре и состоянию городского и включенного в орбиту его жизни близлежащего «подгородного» пространства. В работе рассматриваются процессы, происходившие непосредственно накануне и в ходе проведения реформ Екатерины II: административно-территориальной, городской (социальной) и реформы русского города (города как административного центра). Таким образом, предлагается оценка состояния как городского пространства и структуры города, так и отчасти характера городских поселений Центральной России, с которыми соприкоснулись реформаторы в ходе своей преобразовательной политики, формируя ее курс, оценивая возможности и выбирая задачи. Особое внимание обращено на взаимосвязь и взаимозависимость разных частей города (радиусов пространственной структуры города).

При этом в работе описывается как сам город, так и примыкающие к нему поселения и территории, которые официально не являлись частью городского пространства, но находились с ним в единстве или близком соседстве, став в итоге элементом городского выгона. Особое внимание обращено на особенности фактического слияния пригородов и города на всех стадиях данного процесса: от устойчивой экономической независимости бывших служилых слобод (которым принадлежали обширные земельные владения) до слияния части этих слобод с городским выгоном и селитебной территорией. Приведены примеры распространения процессов урбанизации на окраинные сельские поселения, в результате чего они приобрели ярко выраженные формы городского хозяйства. В статье показан переходный характер рубежа XVIII – XIX вв. для формирования города Нового времени.

Исследование написано на материалах Калужской губернии, которую автор рассматривает как возможный образец (реперную точку) для сравнения и анализа структуры городского пространства и ее эволюции в разных частях Центральной России, а также для изучения процесса эволюции и итогов реформирования среднерусского города в середине XVIII – начале XIX в.

Ключевые слова: дореформенный город, русский город, реформа города Екатерины II, городское пространство, слобода.

Для цитирования: Белов А. В. Пространство среднерусского города к началу реформы города Екатерины II: особенности и закономерности // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 8–15. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

Сведения об авторе: А. В. Белов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, Институт российской истории Российской академии наук, 117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

© Белов А. В., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).066
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15>

CENTRAL RUSSIAN CITY AT THE BEGINNING OF CATHERINE THE GREAT'S REFORMS: PECULIARITIES AND PATTERNS

Aleksey V. Belov

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, belovavhist@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Abstract. The article analyses the structure and state of the city and the surrounding 'suburban' space included in the orbit of its life. The work considers the processes that took place directly on the eve and during the reforms of Catherine the Great: administrative-territorial, urban (social), and reform of the Russian city (city as an administrative center). Thus, the author proposes to assess the state of both the urban space and the structure of the city, and partly the nature of the Central Russian urban settlements, with which the reformers came into contact in the course of their transformative policy, forming its course, assessing opportunities and choosing tasks. The author pays special attention to the relationship and interdependence of different parts of the city (radii of the city spatial structure).

At the same time, the work describes both the city itself and the adjoining settlements and territories. They were not officially part of the urban space, but were in unity or close neighborhood with it, becoming an element of the urban pasture. The author also highlights features of the actual merger of the suburbs and the city, at all stages of this process: from the stable economic independence of the former service settlements (which owned extensive land holdings), to the merger of part of these settlements with urban pasture and residential territory. The article gives examples of the spread of urbanization processes to the outskirts of rural settlements, as a result of which they acquired pronounced forms of urban economy. The article shows the transitional character of the 18th – 19th centuries turn for the formation of the New Age city.

The material for the study is the Kaluga province, which the author considers as a possible model (reference point) for comparing and analyzing the structure of urban space and its evolution in different parts of Central Russia, as well as for assessing the evolution process and the results of reforming the Central Russian city in the middle of the 18th – early 19th century.

Keywords: pre-reform city, Russian city, Catherine the Great's city reforms, urban space, settlement.

For citation: Belov, AV 2024, 'Central Russian City at the Beginning of Catherine the Great's Reforms: Peculiarities and Patterns', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 8–15, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-8-15> (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksey V. Belov* – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher of the Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitriya Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia.

Введение

Дискуссия вокруг дореформенного города очень часто сводится к утверждению о его слабой развитости, а в ряде случаев и крайней отсталости как основного качества и признака. Данное утверждение в свою очередь выступает доказательством ограниченности и незавершенности преобразований второй половины XVIII столетия, связанных с реформаторским курсом Екатерины Великой, много и целенаправленно работавшей в этом направлении.

Мы не станем погружаться в данный вопрос в рамках его оценочных тезисов, но обратим внимание на необходимость при анализе итогов реформ отталкиваться не от абстрактного представления о норме, а исходить из учета базовых условий или, точнее, стартовых возможностей, на которые опирались сановники-преобразователи в своих деяниях. Иными словами постараемся ответить на вопрос, что представляло собой пространство города в том виде и в том качестве, в каком он попал в руки реформаторов второй половины XVIII в. При этом необходимо отметить особую важность данного аспекта. Он, конечно же, выступает как внешняя отличительная черта, важный отличительный признак конкретного исторического времени. Но вместе с тем городское пространство само по себе является важной частью исторической природы города, фактором, детерминирующим особенности его характера и определяющим формы и цели его переустройства.

Материалы и методы

В основу исследования положен разрабатываемый нами регионально-сетевой подход. В основе его (помимо прочего) лежит оценка процессов, протекающих в рамках (под влиянием) конкретного исторического региона с имманентно присущими ему качествами, выступающими важным фактором развития. Города являются частью поселенческой (городской и функционально-хозяйственной) сети, звенья которой существуют во взаимосвязи друг с другом. Главным предметом нашего исследования выступает Центральная Россия. При этом, учитывая многообразие мест и форм, присущих масштабной территории как всей страны, так и этой ее части, мы останавливаемся на одном единственном регионе – Калужской губернии. С нашей точки зрения именно ее можно успешно использовать как репер, удобный пример для сравнения различных территорий, по крайней мере Центральной России. Калужская земля – это внутренняя губерния, но с прошлым, имевшим военное и приграничное значение; она находится в нечерноземной зоне; достаточно отдалена от Москвы с ее сильным трансформирующим влиянием; а также выступает крупным транзитным рынком и этапом торгового маршрута (к Киеву); имеет преимущественно сельскохозяйственный, а не торгово-промышленный характер. Все это делает ее удобным примером для оценки характера среднерусского города конца XVIII – XIX в.

В основу исследования положены материалы генерального межевания, охватывающие период второй половины XVIII – начала XIX в.

Результаты

К началу преобразований последней четверти XVIII в. структура города дробилась на ряд распространяющихся от центра к периферии радиусов, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Основу данной структуры составляла древняя крепость. Как правило, ее укрепления уже перестали существовать или находились в сильно разрушенном состоянии. При этом как часть города она имела четко очерченные границы по линии стен («внутри земляного вала» [2, л. 119]) и особый статус в составе города. В документах эта территория всегда (!) именуется «городом». Причем обозначение это не распространялось на какие бы то ни было иные части поселения. Данное понятие будет сохранять свою устойчивость в этом конкретном значении на протяжении все-

го XVIII столетия и сменит его, собственно, в результате реформирования города Екатериной II.

При этом место крепости уже не носило оборонительно значения. Здесь располагался главный храм, торговые ряды, административные учреждения и здания (на тот период еще не везде), иногда военные команды. В пространстве между древними валами так же, как и везде, находились дворы жителей [5, л. 1], относящихся к городским слоям. В том числе на территории Центральной России известны случаи, когда этот городской район включал в себя относительно обширные сельскохозяйственные угодья (огороды и сады) [14, л. 1].

Согласно описанию городов края вторым неизменным пространственным атрибутом их организации выступала территория так называемого «предместия». Несмотря на привычное нам сегодня название, подразумевающее территории, сопредельные с городской чертой и находящиеся в орбите его сильного влияния, для середины XVIII в. данный радиус городского развития имел совершенно иную коннотацию. Если сравнить описания пригородов всех городов, перед нами будет однозначно выявляться классический для русского средневекового города посад. То есть территория, населенная в трактовке екатерининского времени городскими обывателями, основной формой расселения которых были обширные дворы, встроенные в городскую систему улиц. Свое название данное обозначение получило не от польского «предшество» или русского «пригород», а, видимо, от древнего русского «город» в значении *крепость*.

При этом необходимо отметить, что «пригород» как форма административно-территориальной подчиненности (и соответствующий ей термин) существовал в практике городского устройства. Он означал подчиненность «младшего» города старшему, административно более значимому, т. е. также носил все еще крайне архаическую форму.

В пространственном отношении город и крепость выступали как место расселения городской общины (то есть посадских людей) [7, л. 1], в которую при благоприятных условиях могли встраиваться жители до того независимых близлежащих слобод. К началу XIX в. за этими территориями закрепилось обозначение, используемое статистиками, проводившими обмеры генерального межевания, «город ... и градская селидебная (т. е. заселенная) земля» [4, л. 1].

При этом (что характерно для процессов развития города второй половины XVIII в.) в состав «селидебской земли» в процессе межевания включались и некоторые слободы. Свидетельства этого процесса не так часто, но встречаются при описании структуры городского пространства. В том числе непосредственно между разными этапами межевания. Такие прежде автономные (как по сословному характеру, так и по территориальной организации) слободы утрачивали качества своей автономности, выражавшейся в четких и устойчивых границах поселений и собственной системы улиц, которые в процессе поглощения городом слились с его внутренней инфраструктурой. Что показательно, в этом случае и население слобод уже не обозначалось по своей прежней функции, а именовалась «разночинцами» и «разного звания людьми» [9, л. 1 об.].

Окружавшие город слободы, которые в середине столетия все еще сохраняют свою устойчивость, и составляли очередной третий радиус городского пространства.

Для рассматриваемого нами региона (в прошлом игравшего важнейшую роль военного форпоста России на ее юго-западных окраинах) слободская организация была в первую очередь связана с военной службой.

Данные поселения и общины и во второй половине XVIII в. оставались самостоятельными, самостоятельными и самоуправляющимися общинами, население которых было объединено общим промыслом, ремеслом или иной профессиональ-

ной деятельностью, а также сословным статусом. В свое время слободские общины получили в качестве жалования за службу земли и угодья, которыми активно и теперь уже, по сути, безусловно (без исполнения прежних обязанностей) пользовались.

Для рассматриваемого нами региона (будущей Калужской губернии) такая пространственная категория, как «подгородные слободы», была весьма заметной. Причем основную массу составляли именно военные слободы: пушкарей, городских казаков, стрельцов. Впрочем, к тому времени уже «преждебывших». Из десяти старых городов слободы присутствовали в пяти, а общее число «подгородных» приближалось к двадцати. Так, например, в Мосальске упомянуто три слободы: «Городенька» или «Городенка» [11, л. 2 об.–3; 3, л. 193 об.]; встречающаяся только в одной из ранних межевых документов «пушкарская слобода» (слившаяся к тому времени с городом и заселенная в том числе разночинцами) [11, л. 2 об.–3]; а также «слобода Арехова» [11, л. 2 об.–3].

Состав населения слобод (по количеству дворов и числу жителей) был хоть и не столь значителен, но в ряде случаев достаточно заметен по сравнению с посадами даже средних городов. Так ямская слобода Калуги насчитывала 159 дворов и в них 751 «душу обоего пола» [2, л. 1–2 об.; 5, л. 1–7; 6, л. 1], в то время как у Серпейска данные показатели составляли 225 дворов [3, л. 228] и 724 душ [3, л. 228].

При этом земельные владения слобод могли во много раз превосходить собственно городские (посадские), что и делало военно-служилые поселения, ставшие к тому времени уже явно архаичными, достаточно устойчивыми. Так, например, в Перемышле из всех земель, принадлежавших впоследствии городу, на долю одной из бывших военных слобод приходилось 8 % пашни, 23 % лугов и 100 % леса. Кроме того, в его собственности находилось без малого 70 % от всех объединенных городских пашен и земельных угодий [3, л. 80–83 об.; 12, л. 1–4 об.; 13, л. 1].

Ямские слободы также сохраняли свое значение, но это было вызвано еще и тем, что они по-прежнему занимали важное (по сути, главное) место в рамках транспортной системы страны. Не удивительно, что ямщики и их слободы повсеместно являлись наиболее устойчивыми и обособленными структурами в рамках пространства всего дореформенного города. Подобное положение дел оставалось не редкостью и сохранялось вплоть до середины XIX в. Например, в подмосковной Коломне [15, с. 23–24].

Следующей зоной радиального городского пространства выступали соседствующие с посадскими и подгородными слободскими дворами и уходящие дальше от них обширные земельные владения разных собственников, имевших непосредственное отношение к данному поселению. Естественно, что к этому перечню относились в первую очередь земли так называемого выгона городской общины. Именно они станут основой для будущих общегородских выгонов, активно внедряемых Екатериной II, включающих в ходе преобразований в свой состав соседствующие с ними участки прочих владельцев.

Благодаря тому, что до нас дошли описания разных лет, в ряде случаев представляется возможным восстановить изначальные земельные владения городской общины. Так, «градская выгонная земля города Лихвина купцов и мещан в двух частях» вмещала в себя 163 дес. Основу владений составляли в первую очередь не угодья (луга и лес, необходимые для городского хозяйства), а пашня – 62 %. На втором месте стояла неудобная земля (неизбежный результат освоения территории) – 26 %, и лишь затем можно говорить об относительно небольших для города сенных покосах – 17 дес. (10 %), и еще более скромных «лесных дач» – всего 2 дес., или 1,3 % от всего пространства выгона [2, л. 243–246; 8, л. 1].

На основании данного материала видно, что для всех городов характерны в первую очередь обширные пашни. Куда реже и меньше они имеют покосы. Лес в

рамках городской земельной собственности вообще выступает исключительным явлением. Им владеет Таруса, но это всего 1,6 % от общей площади ее выгона. А также Медынь, где размеры угодий огромны – 1493 дес., но это наверняка связано с происхождением новообразованного города из села, при котором собственные лесные ресурсы – вещь более распространенная, чем у старых городов.

К этой же группе, помимо земель слобод (речь о которых уже шла выше), относились еще несколько категорий владений. Это «принадлежащие к городу земли особых владений» [10, л. 7]. В частности, купцам и мещанам Лихвина (помимо общей выгонной земли) принадлежали участки общим размером в 6 дес. Из них 4 приходились на поселение, 1 дес. – на покос и 1 дес. – на неудобные земли [2, л. 243–246; 8, л. 1].

Кроме того, были земельные владения у городских мельниц, в составе которых значились как пашни, так и угодья. Упоминаются и земли, состоящие при фабриках. Наиболее значительными в этом списке были предприятия губернской Калуги (всего 3 фабрики и 1 завод) [2, л. 1–2 об.; 5, л. 1–7; 6, л. 1–2 об.].

Однако совершенно исключительное место в системе «подгородных» территорий», относящихся к пространству города, занимали церковные приписные земли. Они выступали не менее масштабной группой, чем даже угодья городского выгона и подгородных слобод. В основном это были небольшие по размеру, но многочисленные участки. Большое число их приходилось на Козельск, к которому примыкала пользующаяся особым поклоном Оптина пустынь. Имелись владения этой обители также при городе, часть которых (32 дес.) впоследствии будет обмежевана в общий городской выгон [2, л. 297 об.]. В процессе формирования единого городского выгона подавляющая часть церковных владений войдет в его состав. То же самое произойдет с близлежащими бывшими монастырскими деревнями, подвергшимися секуляризации.

Еще одной категорией подгородных земель, формирующих структуру городского (хотя и не необъявленного официально) пространства, выступали зоны хозяйственных пригородов. Причем в данном случае данный термин стоит понимать буквально, без кавычек. Под ним подразумевается группа поселений, которые, испытывали с его стороны глубокое, качественно трансформирующее влияние на хозяйственную жизнь. В результате этого жители пригородов не только переключились на традиционные городские промыслы, но в значительной степени вообще отказались от прежних сельскохозяйственных занятий.

Городов, которые оказались способными оказать столь фундаментальное влияние, было немного, и все они относились к первой, наиболее населенной и экономической активной категории. При этом в Калужской губернии к ним можно отнести даже не губернский центр, а уездный Боровск, вокруг которого сформировалась группа поселений, насчитывающая почти два десятка наименований и более тысячи дворов. Их население активно промышляло слесарным, кузнечным, иконописным и иным «делом». При этом данные производства были сориентированы не на собственное потребление, а на рынок. Хлебопашество же ушло на второй план [2, л. 120–121].

Заключение

Середина и вторая половина XVIII в. – это этапное время в истории русского города, обозначившее переход от позднего Средневековья к Новому времени. Поэтому не удивительно, что в рамках его пространства сосуществовали одновременно как старые, так и новые черты. Атрибут прошлой эпохи – слободы (точнее, их население) – теряли свои сословные качества. Населенные людьми прежде служивыми (пушкарями, городскими казаками и стрельцами), они, лишаясь прежних своих функций (и востребованности), обретают ранг «разных чинов людей», приблизив-

шись тем самым к городским сословиям. При этом остающиеся в их распоряжении обширные земельные владения (полученные некогда на условиях службы) гарантировали им экономическую независимость и, как следствие, устойчивость подгородной слободской системы.

Впрочем, непоколебленные социально-экономические пережитки не всегда тормозили процесс поступательного развития. В ряде случаев наблюдалось срастание населения слобод, их жизни и территории с городом (точнее, с посадом-«пригородом»), его социальной средой и хозяйственной деятельностью. Но процесс этот не обладал большой динамикой. Город был все еще не един. Общую картину подгородной территории отличали чересполосица, нередкая раскиданность в пространстве.

Механизм освоения городских (в широком смысле этого слова) земель формировался под влиянием двух процессов. С одной стороны, это жалование военных общин за службу, в результате чего их внимание было обращено на наиболее удобные участки. С другой стороны – сельскохозяйственная колонизация края горожанами, которые также ориентировались на эффективность участка для присущей им сельскохозяйственной деятельности.

Не столь заметным, но важным элементом развития городского пространства за пределами границ городской общины выступает производственная деятельность. Наиболее четко она заметна в крупнейших по своему потенциалу центрах – губернской Калуге и идущему сразу за ней Боровску. В обоих случаях мы имеем комплексы, к которым возможно отнести и большие, работающие на весь город частные мельницы. Последние (в более скромном масштабе) являлись также непременным атрибутом разных частей и владений городов.

Но наибольший интерес представляет процесс трансформации под влиянием города его окраин, которые превращались в несельскохозяйственные производственные пригороды, т. е. оказываются уже в эти «седые» годы вовлеченными в процесс урбанизации. Местные жители, несмотря на обширные угодья и статус крестьян, отказывались от активного занятия земледелием, успешно развивая различные производящие занятия, сориентированные как на заказ, так и на продажу.

Важно, что процесс урбанизации на территории губернии имел к этому времени общий, а не локальный характер, получивший развитие благодаря условиям конкретного места. Те же тенденции мы наблюдаем в других регионах. В частности, в торгующем селе Сухиничах, активность жителей которого составляла немалую конкуренцию купечеству города Мещовска [1, с. 147–148].

Таким образом, в третьей четверти XVIII в. трансформация городского пространства демонстрирует наличие процессов, присущих переходному времени. Для него, с одной стороны, характерно сохранение архаичных черт прежних веков, обладающих достаточной устойчивостью, а с другой – преобразования, наметившиеся под влиянием процессов Нового времени.

Структура города (пространственная, хозяйственная, сословная) находилась в полуразвалившемся (или уж во всяком случае – не прочном), но при этом все еще устойчивом состоянии. Данная структура требовала упорядочивания и достижения эффективности функционирования путем отказа от архаичных форм. На это и будут направлены преобразовательные усилия эпохи правления Екатерины II, предпринятые ей в рамках реформы города.

Список источников и литературы

1. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. 336 с.

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 454.
3. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 456.
4. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 460.
5. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 464.
6. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 465.
7. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 467.
8. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 471.
9. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 480.
10. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 482.
11. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 483.
12. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 485.
13. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 487.
14. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 754.
15. *Соза Л. Н.* Поререформенная Коломна: на пути к промышленному городу : монография. Коломна: МГОСГИ, 2012. 267 с.

References

1. Klokman, YuR 1967, *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda. Vtoraya polovina XVIII v.* (Socio-economic history of the Russian city. The second half of the 18th century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* (Russian State Archive of Ancient Acts), fund 1355, inventory 1, file 454. (In Russ.)
3. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 456. (In Russ.)
4. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 460. (In Russ.)
5. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 464. (In Russ.)
6. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 465. (In Russ.)
7. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 467. (In Russ.)
8. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 471. (In Russ.)
9. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 480. (In Russ.)
10. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 482. (In Russ.)
11. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 483. (In Russ.)
12. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 485. (In Russ.)
13. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 487. (In Russ.)
14. *RGADA*, fund 1355, inventory 1, file 754. (In Russ.)
15. Soza, LN 2012, *Poreformennaya Kolomna: na puti k promyshlennomu gorodu* (Post-reform Kolomna: on the way to an industrial city), MGOSGI publ, Kolomna (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 01.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 16–27.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 16–27.

Научная статья
УДК 93/94(470.312)(075.4)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

БРАКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОГО И ЕФРЕМОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА 1850-Х ГГ.: РАСЧЕТ, НУЖДА ИЛИ ЧУВСТВО?

**Ирина Николаевна
Лобачева**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, irina3478@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7202-0228>

Аннотация. В статье на основании анализа метрических книг двух городов Европейской части России анализируется ряд характеристик брачного поведения провинциального купечества (средний возраст вступления в брак, сословная принадлежность брачных партнеров, возможные мотивы заключения брака). Показано, что браки с равным по своей социальной принадлежности партнёром заключались в более раннем возрасте. Представлена география брачных связей купечества Тулы и Ефремова. Установлено, что в рассматриваемый период значительная часть браков заключалась купечеством за пределами своей социальной группы. Представлены доли браков, заключенных купеческими мужчинами и купеческими женщинами с оружейниками, дворянами, мещанами, крестьянами и др. Показано, что купеческие женщины в более крупных городах реже вступали в неравные браки по сравнению с купеческими мужчинами. Выдвинуто предположение, что основной причиной, вынуждавшей значительную долю купеческих женщин из уездного города вступать в неравные браки, была относительная узость «брачного рынка» в небольших городах. Приведен ряд примеров других факторов, оказывавших влияние на заключение брака с партнером из менее привилегированной социальной группы. Проанализированы ситуации, в которых, по мнению автора, представители купечества не руководствовались расчетом при заключении брака. Сделано предположение, что возможность установления родственных связей друг с другом посредством брака для купеческих семейств могла быть не менее значима, нежели финансовое благосостояние брачного партнера.

Ключевые слова: купечество, оружейники, мещанство, Тульская губерния, гендер, межсословный брак.

Для цитирования: Лобачева И. Н. Браки представителей тульского и ефремовского купечества 1850-х гг.: расчет, нужда или чувство? // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 16–27. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

Сведения об авторе: И. Н. Лобачева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Лобачева И. Н., 2024

Scientific Article
UDC 93/94(470.312)(075.4)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27>

MARRIAGES BETWEEN MERCHANT REPRESENTATIVES FROM TULA AND EFREMOV IN THE 1850S: CONVENIENCE, NEED OR SENTIMENTS?

Irina N. Lobacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, irina3478@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7202-0228>

Abstract. The article analyzes the characteristics of provincial merchants' marital behavior (average age of marriage, class affiliation of marriage partners, possible motives for marriage) based on the analysis of two European Russian cities' metric books. The author shows that marriages with a socially equal partner were arranged at an earlier age and presents the geography of marriage relations of the Tula and Efremov merchants. In the period under consideration a significant part of marriages were concluded by merchants outside their social group. The shares of marriages arranged by merchant men and merchant women with gunsmiths, nobles, burghers, peasants, etc. are presented. The study shows that merchant women in larger cities were less likely to enter into unequal marriages compared to merchant men. The author suggests that the main reason for forcing a significant proportion of merchant women from a district town to enter into unequal marriages was the relative narrowness of the "marriage market" in towns. The author gives a number of examples of other factors that influenced the conclusion of marriage with a partner from a less privileged social group. In the author's opinion, representatives of the merchant class did not always enter into marriages of convenience and the possibility of establishing kinship ties with each other through marriage could be no less important for merchant families than the financial well-being of the marriage partner.

Keywords: merchants, gunsmiths, bourgeoisie, Tula Governorate, gender, morganatic marriage.

For citation: Lobacheva, IN 2024, 'Marriages Between Merchant Representatives from Tula and Efremov in the 1850s: Convenience, Need or Sentiments?', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 16–27, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-16-27> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina N. Lobacheva* – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

В наши дни вопрос влияния процессов урбанизации на брачно-семейное поведение оказывается в центре внимания политиков, социологов, философов, историков. Это обуславливает возрастающий интерес к сравнительному изучению сельских и городских групп населения в их исторической динамике. Купечество как специфичная группа внутри городского сословия вызывает особый интерес в контексте изучения брачного поведения горожан. Прежде всего, «открытость» этой привилегированной группы (в состав купечества мог вступить практически любой совершеннолетний подданный Российской империи независимо от социального происхождения и пола, просто уплатив определённый денежный взнос) предоставляет исследователям широкие возможности по изучению процессов социальной мобильности в обществе, а также особенности их протекания для различных сословий. Вместе с тем факт привилегированности этой группы, а также ведения значительной ее частью торгово-производственной деятельности, делает для нее при выборе брачного партнера актуальной не только экономическую целесообразность, но и престижность заключаемого союза, а также установление деловых связей.

Таким образом, более пристальное изучение матримониального поведения купечества позволяет нам как минимум ответить на вопросы: как изменялись и изменялись ли такие характеристики браков, заключаемых в купеческой среде, как возраст вступления в брак и социальная принадлежность брачного партнера? Определенные возможности открываются и для исследования интереснейшей, но крайне сложной для объективного анализа проблемы такого явления, как браки «по расчету». В изучении деловой стороны жизни городского сословия также нельзя обойтись без столь значимого и по сей день аспекта, как роль семейных связей. Наконец, исследование брачных союзов купеческих семей может дать дополнительную информацию для изучения закономерностей формирования и функционирования групп, претендующих на элитарность.

Серьезное исследование брачного поведения различных групп горожан второй половины XIX в. было предпринято Г. В. Жирновой. В ее книге «Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем», опубликованной в 1980 г., рассматривались, в частности, такие аспекты, как средний возраст вступления в брак женщин и мужчин, а также социальная принадлежность супругов. Эти данные были собраны Галиной Васильевной путем анализа метрических записей ряда городов Средней полосы России. В том числе были использованы метрики уездного города Тульской губернии – Ефремова за период 1877 – 1918 гг. В работе был сделан вывод о том, что купеческие браки, как и дворянские, совершались в подавляющем большинстве случаев внутри своего сословия, «смешанные браки были единичны» за исключением 1917 г. [21, с. 22]. С этим тезисом соглашались некоторые позднейшие исследователи, однако уже с определенными оговорками [24, с. 111; 25, с. 62; 23, с. 33].

Исследователь вятского купечества И. В. Маслова обратила внимание на то, что выбор брачного партнера из своей среды чаще встречался в купеческих семьях, пребывающих в гильдиях уже не одно поколение [28, с. 190–191]. Однако по данным О. А. Задорожной, полученным при изучении брачных связей наиболее именитых купеческих семейств Тобольской губернии конца XVIII – первой четверти XIX в., и во втором, и в третьем поколениях браки с представителями своей социальной группы составляли менее половины как для купеческих сыновей, так и дочерей [22, с. 204–205]. Ю. М. Гончаров в своей монографии констатирует, что и во второй половине XIX в. внутрисословные браки были характерны только для трети купцов городов Сибири [1, с. 192]. Ранее проведенное нами изучение купеческой семьи Тульской губернии также не позволяет говорить о сословной замкнутости местных гильдейцев [27, с. 111]. Таким образом, представляется важным дальнейшее изучение вопроса с

целью, в частности, уточнить, как менялась доля гомогенных (т. е. социально однородных) браков среди провинциального купечества европейской части России.

Материалы и методы

Источником настоящего исследования выступили метрические записи о венчаниях, осуществленных в городских церквях Тулы [11–19] и Ефремова [2–10] за период 1851 – 1860 гг. При этом по Туле за период 1856 – 1860 гг. были собраны все записи о браках, в которых хотя бы одним из партнеров был член купеческого семейства, а за период 1851 – 1855 гг. – лишь частично. По Ефремову были обработаны записи по всем годам указанного периода, кроме 1856 г. Выбор Ефремова был обусловлен, во-первых, наличием вышеуказанного исследования Г. В. Жирновой, открывающего возможности для дальнейшего сопоставления полученных данных, а, во-вторых, относительной многочисленностью купечества в этом городе – наибольшей среди всех уездных городов Тульской губернии (в 1858 г. по Ефремову числилось 172 купеческих семейства, больше было только в губернском центре – 247).

Также необходимо отметить, что определенный процент брачных союзов заключался, вероятно, в сельских церквях соответствующих уездов. Прежде всего, потому, что, хотя купечество и учитывалось по городам, часть его проживала в сельской местности. И, если для Тулы в 1868 г. процент таких купцов – сельских жителей был минимален и составлял около 3 %, то в Ефремовском уезде в селах и деревнях проживала пятая часть представителей купечества [27, с. 70]. Это объяснялось преимущественно сельскохозяйственной ориентацией всех уездных городов Тульской губернии и, в частности, Ефремова, «преуспевающего посредника в сбыте серых хлебов» [30, с. 234]. Таким образом, можно предположить, что, используя в качестве основного источника метрические записи городских церквей, мы смещаем наш фокус внимания именно на ту часть купечества, которая проживала преимущественно в городах.

Результаты

Собранные данные позволили уточнить средний возраст вступления в брак в исследуемый период для купеческих мужчин и купеческих женщин (см. табл. 1). Было установлено, что средний возраст вступающих в первый брак купеческих мужчин в Ефремове составлял 26,4 года, а женщин – 19,7 лет. Несколько старший возраст брачующихся мужчин и женщин из купеческой среды зафиксирован по Туле – соответственно 27,8 и 20,3 лет. Эти данные вполне согласуются с абсолютным брачным возрастом, указанным Г. В. Жирновой для купечества (26 – 35 и 17 – 20 лет) [21, с. 25]. В исследовании Б. Н. Миронова средний возраст жителей относительно небольших городов Российской империи во второй половине XIX в. указан как 24,2 года для мужчин и 21,4 года для женщин, для крупных городов ученый называет более высокие показатели, но уже для начала XX в. [29, с. 169]. Таким образом, в 1850-е гг. купеческие мужчины даже в уездном городе Тульской губернии заключали браки позже, а купеческие женщины – раньше среднестатистической горожанки.

Любопытно следующее наблюдение: в браках, в которых оба партнера происходили из купечества, средний возраст и жениха, и невесты в Туле и в Ефремове был примерно на год ниже среднего возраста жениха и невесты в браках с различным социальным происхождением партнеров. Ранее нами уже было показано, что желание «не упустить выгодного жениха» (т. е. происходившего из купеческой семьи, успешно ведшей коммерческие дела) вынуждало купеческую семью невесты спешить с заключением брака, едва дождавшись достижения дочерью определенного законом возраста [27, с. 98–99]. Вероятно, что появление на горизонте «выгодной» невесты могло поторопить с засылкой сватов и семейство жениха.

**Средний возраст вступления в первый брак
представителей купечества Тулы и Ефремова в 1850-е гг.**

Город	Купеческие браки			Смешанные браки		
	Средний возраст		Разница в возрасте (средн.)	Средний возраст		Разница в возрасте (средн.)
	Жених	Невеста		Жених	Невеста	
Тула	27,2	19,8	7,6	28,7	20,8	8,5
Ефремов	28,2	19,4	8,9	29,1	20,5	8,1

Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 735, 739, 743, 746, 750, 758, 763, 769, 774, 1247, 1248, 1258, 1262, 1263, 1266, 1267, 1270, 1275.

Что касается географии брачных связей купечества Тулы и Ефремова, то в обоих городах только 10 % купечества заключали браки с условно иногородними партнерами. Условно иногородними их можно назвать потому, что значительную их часть составляли люди, хотя и записанные в ту или иную социальную группу по другому уезду или даже губернии, но постоянно проживавшие в рассматриваемых городах. Речь, прежде всего, идет о младших членах купеческих семейств (сыновья и племянники), а также мещанах, занятых в качестве приказчиков в лавках местных торговцев, их женах и детях. Более пристальное изучение региональных особенностей браков тульского и ефремовского купечества позволило установить, что в Туле среди иногородних брачных партнеров преобладали жители Тульской губернии (30 из 35, т. е. 86 %), наиболее часто встречались представители Богородицка, Алексина и Крапивны, т. е. уездов, непосредственно граничивших с Тульским. В Ефремове – городе, расположенном на южной границе губернии, большую часть иногородних брачных партнеров представляли жители других губерний (12 из 19, т. е. 63 %), в особенности г. Ельца соседней Орловской губернии (5 человек).

Проведенное исследование показало, что в 1850-е гг. социально однородные браки составляли менее трети (28 %) в среде тульского купечества и лишь пятую часть от браков купечества Ефремова. В уездном городе купечество имело меньше возможностей для поиска «достойных» в социальном и финансовом отношении брачных партнеров.

Нами был предпринят сравнительный анализ социального происхождения супругов отдельно для купеческих мужчин и купеческих женщин в рассматриваемый период, позволяющий уточнить и дополнить изучаемую картину брачного поведения купечества (см. табл. 2). При такой системе подсчёта оказывается, что в условно однородные браки купеческие мужчины Ефремова вступали заметно чаще, нежели купеческие девушки этого города (55 % против 42 %), в то время как в Туле картина была противоположная, но с меньшим разрывом в показателях (42 % против 46 %). Безусловно, компромисс в выборе брачного партнера был уделом купеческих девушек, чей брачный возраст был жестко ограничен силой традиции (после 25 лет девица признавалась «засидевшейся в невестах») и чья привлекательность для семейства жениха во многом определялась размером приданного. Однако в Туле как крупном городе с более основательной прослойкой зажиточных предпринимателей родители купеческих девушек могли иметь больше возможностей для выбора подходящего зятя.

Особо необходимо выделить такую специфичную для Тулы социальную группу, как оружейники. Мастера Тульского оружейного завода обладали целым рядом привилегий (свобода от рекрутской повинности, от постоя, от «черных» работ и др.). Многие из них занимались предпринимательской деятельностью, а наиболее зажи-

точные из оружейников, владельцы собственных фабрик, имели право увольняться от работ для записи в купечество. Таким образом, по своему положению оружейники были близки купечеству. В рассматриваемый период как минимум пятая часть тульского купечества происходила из этой социальной группы [21, с. 53]. Поэтому браки между купеческими и оружейническими семьями, хотя и были нами выделены в особую группу, могут рассматриваются как союзы близких по социальному статусу людей. В Туле такие союзы составили примерно пятую часть браков как для купеческих мужчин, так и женщин. Закономерно, что в Ефремове, чье купечество было в большей степени ориентировано на деловые и личные связи с представителями других регионов, мы встречаем только один союз с представителем оружейников. Его заключили два овдовевших человека: 41-летний ефремовский купец С. А. Алексеев и 44-летняя оружейница Е. Е. Морозова, имевшая, кстати, родственные связи в среде тульского купечества. Учитывая разницу в возрасте брачующихся, можно предположить, что их брачный союз был обусловлен не только взаимной симпатией жениха и невесты.

Таблица 2

Социальная принадлежность женихов и невест представителей купечества Тулы и Ефремова, вступавших в брак в 1850-е гг.

Социальная принадлежность	Тула				Ефремов			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Купечество	47	42,7	47	46,1	28	54,9	28	41,8
Оружейники	24	21,8	23	22,5	1	2,0	0	0,0
Мещане	32	29,1	18	17,6	19	37,3	32	47,8
Чиновники	1	0,9	6	5,9	0	0,0	3	4,5
Дворяне	2	1,8	4	3,9	0	0,0	0	0,0
Духовенство	2	1,8	0	0,0	1	2,0	0	0,0
Крестьяне	1	0,9	3	2,9	1	2,0	3	4,5
Солдаты	1	0,9	1	1,0	1	2,0	1	1,2
<i>ИТОГО</i>	110	100	102	100	51	100	67	100

Составлено по: ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 735, 739, 743, 746, 750, 758, 763, 769, 774, 1247, 1248, 1258, 1262, 1263, 1266, 1267, 1270, 1275.

Весьма распространенными, особенно в небольших городах, были браки купеческих мужчин и женщин с мещанами. Причем вновь можем констатировать, что в Туле в такие союзы чаще вступали мужчины, а в Ефремове – представительницы «слабого» пола, озабоченные устройством своей судьбы в обозначенные традицией сроки. Анализ возраста купеческих невест по Туле позволил нам установить, что только около трети девиц в возрасте, который можно обозначить как «засиделись в невестах» (24 лет и старше) заключали неравные в социальном отношении браки (с мещанами и мелкими чиновниками). В Ефремове же девушки вышеобозначенной возрастной группы в 70 % случаев выходили замуж за жениха из мещан, крестьян или мелких чиновников. Конечно, нужно также учитывать, что у семейства невесты могли быть и иные резоны «не перебирать» женихов. Так, в Ефремове был зафиксирован, весьма вероятно, показательный пример «покупки жениха»: купеческая дочь Е. С. Юрцева в 1852 г. родила ребенка вне брака, а уже в следующем году был заключен ее брак с мещанином И. Я. Головасиным (фамилия неразборчива), который был на 14 лет ее старше. Многие выходящие замуж купеческие девушки были сиротами, приходясь главе капитала внучками или племянницами, а значит, могли не обладать столь уж значимым приданным.

Говоря о весьма распространенных как в Туле, так и в Ефремове союзах купеческих мужчин с мещанками, стоит обозначить целый ряд способствующих им факторов. Так, мещанское семейство, пусть и не выбирая купеческое свидетельство, могло обладать определенным достатком. Как минимум три мещанских семейства по Туле, чьи представительницы заключили браки с купеческими мужчинами, в дальнейшем стали объявлять капиталы. Также было зафиксировано пять случаев по Ефремову и два случая по Туле, когда мещанин, женившийся на девушке из купеческой семьи, через некоторое время вступал в купечество. Возможно, здесь мы видим пример эффективного использования полученного за невестой капитала и установления полезных связей.

Некоторые мещанские семьи, формально не обладая купеческим статусом, могли похвастаться определенными связями. Для более поздних периодов неоднократно фиксировались союзы купеческих семейств с мещанами, в прошлом состоявшими в купечестве. И в Туле, и в Ефремове встречаем ситуации, когда после брака одной мещанской дочери с представителем купеческой семьи, замуж за купца или члена его семейства выходила и вторая (сестры Дагаевы и сестры Пусичевы по Ефремову), а в случае тульских сестер Белоусовых и третья. Таким образом, брак одной сестры с представителем более престижной социальной группы, открывал возможности для успешного замужества и второй.

Вероятно, в каких-то случаях союзов купцов с мещанскими девицами существенную роль играла и личная симпатия жениха и невесты, которая могла входить в противоречие с расчетами купеческого семейства. В этой связи обращает на себя внимание брак с мещанкой 23-летнего тульского купеческого сына А. К. Струкова, поручителями на свадьбе которого были два дьячка, канцелярский служитель и мещанин. Такой состав поручителей был необычен и может свидетельствовать о неодобрении брака среди близких жениха.

В ситуации повторного брака купеческие мужчины, многие из которых были уже зрелого возраста (средний возраст по Туле – 37,1, по Ефремову – 38,4), в случае достижения финансовой независимости, уже могли выбирать невесту, руководствуясь собственными желаниями, а не волей семьи. У вдов такая независимость встречалась реже, что затрудняло им повторное замужество в принципе. И по Туле, и по Ефремову мы видим кратно большее число повторных браков для купеческих мужчин, нежели для купеческих женщин. Интересно другое: по Туле подавляющее большинство купеческих мужчин, вступая в повторный брак, в 77 % случаев выбирали себе жену из своей сословной группы, а женщины – только в половине случаев, однако еще весьма частыми были браки с социально близкими оружейниками. Зато по уездному городу видим иную картину – только в 42 % случаев вдовцом из купеческой семьи заключался брак с купеческой дочерью или вдовой. Обе ефремовские купеческие вдовы вышли замуж за женихов более низкого сословного статуса. Мы склонны искать объяснение этому опять-таки в более представительном составе купечества в крупном городе, позволявшем мужчине найти привлекательную для него кандидатуру среди женщин, равных ему по положению. У уездного купечества было меньше для этого возможностей и, оказавшись перед выбором, как минимум половина купеческих мужчин «выбирала сердцем»: на эту мысль наводит весьма юный возраст многих мещанских невест, вступавших в брак с вдовыми купцами (в среднем 19,8 лет, а для равных браков – 21).

Определенную специфику можно выделить и для браков представителей купечества с крестьянами. Такие браки были эпизодическими для купеческих девушек и Ефремова, и Тулы, и еще более редкими для купеческих мужчин. Вероятно, здесь мы говорим о крестьянах (государственных, казенных, вольноотпущенных и даже дворовых), живших и работавших в городе приказчиками в лавке, а то и ведущих само-

стоятельную мелкую торговлю. Для купеческого семейства, находящегося под угрозой разорения и стремящегося поскорее устроить судьбу своих незамужних представительниц, такой союз, по-видимому, был вполне оправдан. О том, что дело обстояло подобным образом, говорит тот факт, что большинство семей, девушки из которых выходили за крестьян, в скором времени перестали объявлять капиталы. К тому же в двух случаях был зафиксирован еще и весьма зрелый возраст невест (26 и 28 лет). Однако тот факт, что два купеческих зятя из крестьян в дальнейшем сами вступили в купечество, а один из них вел достаточно крупную торговлю (Н. Н. Лукичев в Туле имел три хлебных лавки на одной из центральных улиц города) указывает на то, что при выборе жениха достаток мог быть важнее статуса. Любопытно, что два брачных союза с крестьянами по Ефремову пришлись на одну семью (П. Т. Слемзиной), а в семью женившегося на крестьянке купеческого сына Е. С. Воронова ранее также через брак вошла крестьянская дочь. Возможно, эти купеческие семьи сами происходили из крестьян и сохраняли тесные связи с представителями своей прежней социальной среды.

Что касается браков с мелким чиновничеством, не относящимся к потомственному дворянству, то мы видим, что такие союзы куда больше были характерны для купеческих женщин крупных городов, где управленческий корпус был более многочислен, нежели мелких, и не встречались или почти не встречались в отношении купеческих мужчин. Единственный брак с представительницей чиновничества – вдовой губернского секретаря – заключил тульский купец С. М. Строганов. Ряд признаков позволяет утверждать, что купцом двигал в этом браке расчет: жена была старше мужа на семь лет, вскоре семейство перешло в купечество уездного города, а потом и вовсе покинуло гильдию.

Особняком стоят браки с представителями белого духовенства: мы не встречаем таких союзов для купеческих девушек. Определенно утверждать, что их не было в принципе, нельзя. Традиционно браки заключались в приходе жениха, следовательно, в метриках церквей Тулы и Ефремова могли быть отражены только браки городского духовенства. Однако, учитывая специфику положения священников, можно сказать, что такой союз был крайне маловероятен. Зато в отношении купеческого мужчины, вступавшего в брак с дочерью пономаря или священника, с высокой долей вероятности можно исключить фактор денежного расчета и предположить наличие сильных чувств. Вероятно, именно таким был союз ефремовского купеческого племянника, 38-летнего вдовца Кузина с 16-летней дочерью пономаря. Любопытны обстоятельства и двух других браков. В одном случае невеста тульского купеческого сына М. В. Петрова, П. П. Сахарова, дочь сельского дьячка Крапивенского уезда, оказалась сестрой жены купеческого сына из Мосальска Н. Ф. Коростелева, впоследствии перешедшего в купечество Тулы. Таким образом, вновь видим, как уже созданные родственные связи помогают образоваться новым, причем даже для невест из, на первый взгляд, более чем скромного семейства. Еще один брак, между достаточно юными (22 и 18 лет) женихом – купеческим сыном В. П. Афанасьевым и невестой – В. А. Златоверховниковой, дочерью сельского священника, также, возможно, был заключен не без помощи родни: брат девушки служил в Туле коллежским регистратором. Можно предположить, что именно он познакомил молодых.

Интерес вызывают и редко, но встречавшиеся браки представителей купечества с такой специфической группой, как военные рядового и младшего офицерского состава. Только в одном случае такой брак мог быть определенно продиктован нуждой – за солдатского сына вышла дочь умершего богородицкого купеческого брата М. А. Бритарева, семья которой уже перестала к тому времени объявлять капитал. Зато чем-то помимо чувств сложно объяснить женитьбу купеческих мужчин, 52-летнего вдовца Д. Ф. Ульянова и 40-летнего холостяка Е. Г. Дружинина на, соответ-

ственно, 24-летней дочери прапорщика и 26-летней вдовой солдатке. А вот за браком вдовой 28-летней ефремовской купеческой невестки Н. А. Хариной и 35-летнего фельдфебеля Якутского пехотного полка (который был расквартирован в Ефремове в 1857 – 1863 гг. [20, с. 215] И. Е. Клеопатрова могли стоять как расчет (жених не ранее чем за год до свадьбы вышел в отставку, возможно, планируя жить на капитал супруги), так и искренние чувства (на свадьбе поручителями были исключительно военнослужащие полка, что может свидетельствовать о неодобрении самостоятельного выбора невесты ее окружением).

Примеры восходящей социальной мобильности, к каковым можно отнести брачные союзы с представителями дворянства, были зафиксированы только по губернскому центру. Уездному купечеству, вероятно, часто не хватало капиталов для привлечения внимания женихов и невест из дворянского сословия. Стоит отметить, что как минимум в двух браках с выходцами из дворянства, заключенных представителями тульского купечества в рассматриваемый период, социальная дистанция между супругами фактически была не такой уж большой. Так, Н. В. Страхов женился на дворянке-вдове, в предыдущем браке состоявшей замужем за купцом 1-й гильдии, а А. И. Владимирова вышла за представителя известного в Туле семейства Баташевых, в прошлом купеческого, но приобретшего дворянство. Зато в супругах купеческих дочек Е. И. Засыпкиной, Е. М. Юрищевой и А. С. Даниловой, двух офицеров и одного чиновника, действительно, можно заподозрить охотников за богатым приданым. Несколько особняком стоит брак купеческого сына Н. П. Махалина с дочерью титулярного советника. С одной стороны, к моменту венчания отец невесты уже умер, возможно, семья нуждалась в средствах. С другой стороны, семья Махалиных, насколько можно судить, не занимала видного положения в купечестве Тулы. На крестинах первенца пары его восприемниками не стали родственники ни со стороны мужа, ни со стороны жены. Это может указывать на некий конфликт в семье, например, вследствие неодобрения старшими родственниками мезальянса.

Заключение

Таким образом, продолжая ранее начатое исследование купеческих брачных союзов [26], мы можем подтвердить, что, по крайней мере, в 1850-е гг. представители этой социальной группы, хотя и отдавали предпочтение бракам с членами привилегированных семейств, ведущих сходный образ жизни (купечество, оружейники), на практике весьма часто вступали в браки, смешанные в социальном отношении. В частности, семейства купеческих девушек на союзы с представителями менее статусных социальных групп могло толкать отсутствие «приличного» приданного, возраст невесты, а также такие «форс-мажорные» обстоятельства, как появление внебрачного ребенка. Наличие у жениха или невесты значимого состояния, перспективного бизнеса или родственных связей с представителями купечества могло заставить гильдейцев закрыть глаза на их сословный статус. В частности, по-видимому, распространенным явлением было установление родственных связей одним купеческим семейством с другим в форме своячества. Выбор «достойного» брачного партнера в небольших городах был более затруднен, что обуславливало большее число неравных в социальном отношении союзов среди купеческих девушек. Очевидно, что далеко не все брачные союзы исследуемой социальной группы были продиктованы расчетом. С наибольшей долей вероятности такой резон можно предполагать для брачующихся, вступавших в неравные в сословном отношении союзы, что вовсе не исключает их наличия, причем, в не меньшей степени и среди так называемых купеческих браков. Повторные браки в купеческой среде представляют особый интерес, поскольку в них, с одной стороны, имелась зачастую объективная необходимость в скорейшем заключении брака, а с другой стороны, в меньшей степени сказывался фактор влияния старших членов семьи на выбор брачного партнера.

Список источников и литературы

1. *Гончаров Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. 384 с.
2. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 3. Оп. 15. Д. 735.
3. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 739.
4. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 743.
5. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 746.
6. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 750.
7. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 758.
8. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 763.
9. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 769.
10. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 774.
11. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1247.
12. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1248.
13. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1258.
14. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1262.
15. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1263.
16. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1266.
17. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1267.
18. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1270.
19. ГУ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 1275.
20. *Дьяков В. А.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов : (биобиблиографический словарь). М.: Наука, 1967. 256 с.
21. *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем : (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980. 148 с.
22. *Задорожная О. А.* Ведущие купеческие семьи городов Тобольской губернии (1785 – 1825) // Север России: стратегии и перспективы развития : материалы III Всероссийской науч.-практ. конф., Сургут, 26 мая 2017 г. : в 3 т. / отв. ред. О. В. Бодрова. Сургут, 2017. Т. 1. С. 203–207.
23. *Кузнецова О. А.* Семья в жизни делового человека: традиции, брак, дети (на материале губерний Верхней Волги середины XIX – начала XX века) // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 30–38.
24. *Кусова И. Г.* Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань: Март, 1996. 157 с.
25. *Лернер Л. А.* Частная жизнь русского провинциального купечества в XIX в. (на примере Курской губернии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лернер Лариса Александровна. Курск, 2003. 212 с.
26. *Лобачева И. Н.* Брачные союзы представителей тульского купечества в 50-е гг. XIX века: альянсы и мезальянсы // Региональная история России в социокультурном измерении: образы прошлого и сохранение исторической памяти : материалы XI Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 29 – 30 июня 2023 г. / сост. Р. Р. Жилкибаева, И. Е. Кропоткина, Л. Г. Насырова. Елабуга, 2023. С. 149–155.
27. *Лобачева И. Н.* Семья и частная жизнь русского купечества во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Тульской губернии) : монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
28. *Маслова И. В.* Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Маслова Инга Владимировна. Казань, 2011. 447 с.
29. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства : в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
30. Тульская историко-культурная энциклопедия / [редкол.: Е. В. Симонова (отв. ред.) и др.]. Тула : Дизайн-коллегия, 2018. 751 с.

References

1. Goncharov, YuM 2002, *Gorodskaya semya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* (Urban family of Siberia in the second half of 19th – early 20th century), AGU publ, Barnaul. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye «Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti» (GU GATO)* (State Archive of the Tula Region), fund 3, inventory 15, file 735. (In Russ.)
3. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 739. (In Russ.)
4. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 743. (In Russ.)
5. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 746. (In Russ.)
6. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 750. (In Russ.)
7. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 758. (In Russ.)
8. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 763. (In Russ.)
9. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 769. (In Russ.)
10. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 774. (In Russ.)
11. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1247. (In Russ.)
12. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1248. (In Russ.)
13. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1258. (In Russ.)
14. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1262. (In Russ.)
15. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1263. (In Russ.)
16. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1266. (In Russ.)
17. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1267. (In Russ.)
18. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1270. (In Russ.)
19. *GU GATO*, fund 3, inventory 15, file 1275. (In Russ.)
20. Dyakov, VA 1967, *Deyateli russkogo i polskogo osvoboditel'nogo dvizheniya v tsarskoy armii 1856 – 1865 godov (bibliograficheskiy slovar)* (Figures of the Russian and Polish liberation movement in the Tsarist army of 1856 – 1865 (bibliographic dictionary)), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
21. Zhirnova, GV 1980, *Brak i svadba russkikh gorozhan v proshlom i nastoyashchem* (Marriage and wedding of Russian townspeople in the past and present), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
22. Zadorozhnaya, OA 2017, 'Vedushchiye kupecheskiye semyi gorodov Tobolskoy gubernii (1785 – 1825)' (Leading merchant families of the cities of Tobolsk province (1785 – 1825)), Sever Rossii: strategii i perspektivy razvitiya : materialy III Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. (The North of Russia: strategies and prospects of development : materials of the III All-Russian scientific and practical conf.), vol. 1, ed. O. V. Bodrova, 26 May, Surgut, pp. 203–207. (In Russ.)
23. Kuznetsova, OA 2009, 'Semya v zhizni delovogo cheloveka: traditsii, brak, deti (na materiale guberniy Verkhney Volgi sereдины XIX – nachala XX veka)' (Family in a businessman's life: traditions, marriage, children (based on the materials of the Upper Volga provinces of the middle 19th - early 20th centuries)), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 92, pp. 30–38. (In Russ.)
24. Kusova, IG 1996 *Ryazanskoye kupechestvo: Ocherki istorii XVI – nachala XX v.* (Ryazan merchants: Essays on the history of the XVI – early XX century), Mart publ, Ryazan. (In Russ.)
25. Lerner, LA 2003, *Chastnaya zhizn russkogo provintsial'nogo kupechestva v XIX v. (na primere Kurskoy gubernii)* (Private life of Russian provincial merchants in the 19th century (on the example of Kursk province)), PhD thesis, Kursk. (In Russ.)
26. Lobacheva, IN 2023, 'Brachnyye soyuzy predstaviteley tul'skogo kupechestva v 50-e gg. XIX veka: alyansy i mezalyansy' (Marital unions of Tula merchants in the 50s of the 19th century: alliances and mesalliances), *Regionalnaya istoriya Rossii v sotsiokulturnom izmerenii: obrazy proshlogo i sokhraneniye istoricheskoy pamyati: materialy XI Mezhdunarodnykh Stakheevskikh chteniy (Regional history of Russia in the socio-cultural dimension: images of the past and preservation of historical memory : materials of the 11th International Stakheev Readings)*, eds. R. R. Zhilkibaeva, I. E. Kropotkina, L. G. Nasyrova (ed.), 29 – 30 June, Yelabuga, pp. 149–155. (In Russ.)

27. Lobacheva, IN 2019, *Semya i chastnaya zhizn russkogo kupechestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Tulskoy gubernii)* (Family and private life of Russian merchants in the second half of the 19th – early 20th century (on the materials of Tula province)), INFRA-M publ, Moscow. (In Russ.)
28. Maslova, IV 2011, *Mentalitet provintsialnogo kupechestva Rossiyskoj imperii v XIX – nachale XX vv. (na materialax uezdnykh gorodov Vyatskoy gubernii)* (Mentality of provincial merchants of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries (on the materials of district towns of Vyatka province)), doctoral thesis, Kazan. (In Russ.)
29. Mironov, BN 2000 *Sotsialnaya istoriya Rossii* (Social history of Russia), vol. 1, Dmitry Bulanin publ, St. Petersburg. (In Russ.)
30. Simonova, YeV 2018, *Tulskaya istoriko-kulturnaya entsiklopediya* (Tula Historical and Cultural Encyclopedia), Dizayn-kollegiya publ, Tula. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 08.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 28–41.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 28–41.

Научная статья

УДК 94(47).08

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-28-41>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА ПО ПРИЗРЕНИЮ СИРОТ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

**Мария Олеговна
Сафронова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, mashasafronova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Аннотация. В статье рассматриваются мероприятия по попечению детей-сирот, проводимые Тульским губернским земством в конце XIX – начале XX в. Цель исследования – показать, что решение земством этой важной социальной задачи до начала XX в. носило противоречивый и фрагментарный характер. Только с переходом на новый этап развития земского здравоохранения – этап качественного реформирования инфраструктуры и улучшение оказываемой медицинской помощи – происходит кардинальное изменение земской системы призрения сирот.

Основной источниковой базой исследования являются документы земского делопроизводства: доклады и отчеты управ, журналы собраний, содержащие статистические сведения и общую организационную информацию, а также отчетная документация сиропитательного отделения при Тульской губернской земской больнице. Большую роль в изучении становления и развития земского призрения играют труды врачебных съездов начала XX в. Анализ комплекса исторических источников с точки зрения социально-исторического подхода позволил проследить эволюцию земской деятельности по призрению сирот, исследовать организацию и функционирование сиропитательного отделения. Впервые были проанализированы недостатки деятельности губернского земства, которые привели к высоким показателям детской смертности среди сирот – от 72 до 89 %. Также в статье рассмотрен комплекс мер, разработанный врачами-специалистами и земскими деятелями, реализация которого привела к позитивным сдвигам в работе учреждения для сирот. В рамках изменений ключевую роль играло появление патронажной системы. Автором рассмотрено ее развитие и эффективность для выживаемости младенцев-подкидышей, в частности сделан вывод о значительном снижении уровня смертности призреваемых сирот.

Ключевые слова: земство, земская медицина, общественное призрение, сиропитательное отделение, сироты, патронаж.

Для цитирования: Сафронова М. О. Деятельность Тульского губернского земства по призрению сирот в конце XIX – начале XX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 28–41. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-28-41>

Сведения об авторе: М. О. Сафронова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Сафронова М. О., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).08
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-28-41>

ACTIVITIES OF THE TULA PROVINCIAL ZEMSTVO IN CARING FOR ORPHANS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Mariya O. Safronova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, mashasafronova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0626-8860>

Abstract. The article examines the activities for the care of orphans carried out by the Tula provincial zemstvo in the late 19th – early 20th centuries. The objective of the present study is to demonstrate that the zemstvo's response to this significant social issue was both contradictory and piecemeal prior to the dawn of the 20th century. It was only upon the transition to a new stage in the development of zemstvo healthcare (namely, the stage of high-quality reform of infrastructure and improvement of medical care) that the zemstvo system of care for orphans underwent a radical change.

The main source base for the research is the documentation of the zemstvo: reports and records of the zemstvo board, journals of assemblies and the reporting documentation of the orphanage department at the Tula provincial zemstvo hospital. It contains statistical data and general organizational information. The works of medical congresses of the early 20th century play a major role in the study of the formation and development of zemstvo charity. Within the framework of a socio-historical approach, the analysis of a set of historical sources enabled the tracing of the evolution of zemstvo activities for the care of orphans, as well as the research of the organization and functioning of the orphanage department. For the first time, the present study has analyzed the shortcomings of the activities of the provincial zemstvo, which led to high rates of child mortality among orphans – from 72 % up to 89%. The article also considers a set of measures developed by specialist doctors and zemstvo officials. The implementation of this measures taken to positive changes in the work of the institution for orphaned children. The emergence of a patronage system played a key role as part of the changes. The author has reviewed its development and effectiveness for the survival of foundling infants, in particular concluding that it significantly reduced the mortality rate of adopted orphans.

Keywords: zemstvo, zemstvo medicine, public charity, orphanage department, orphans, patronage.

For citation: Safronova, MO 2024, 'Activities of the Tula Provincial Zemstvo in Caring for Orphans in the Late 19th – Early 20th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 28–41, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-28-41> (in Russ.)

Information about the Author: *Mariya O. Safronova* – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Общественное призрение – это система организованной помощи нуждающимся лицам. До начала земской реформы содержание учреждений и проведение различных мероприятий в рамках социальной поддержки сирот, инвалидов, недееспособных лиц была возложена на Приказы общественного призрения. Во второй половине XIX в. заботы о призрении нуждающихся государство разделило с обществом, в частности, с земскими учреждениями. При этом уставом «Об общественном призрении» в редакции 1892 г. забота об общественном призрении в земских губерниях была возложена на губернские и уездные земства, также был определен круг их обязанностей. Но несмотря на попытки земских учреждений выстроить эффективные системы общественного призрения, в Тульской губернии эта деятельность до начала XX в. зачастую носила номинальный характер, что признавалось самими земскими деятелями. Одной из самых сложных была ситуация, сложившаяся в сиропитательном отделении при Тульской губернской земской больнице. Десятилетия тяжелое положение отделения оставалось практически без внимания со стороны земской управы.

Несмотря на то, что общественное призрение – это социальная задача, решение которой должно было стоять остро перед земствами и городскими самоуправлениями, вопрос призрения подкидышей оставался на периферии земской работы. Хотя, несомненно, граничил с одной из главных забот – с делом охранения народного здоровья.

Материалы и методы

Осмысление и обобщение опыта общественного призрения земств началось еще до революции. В качестве примера можно назвать труд Е. Максимова «Очерки земской деятельности в области общественного призрения» [11]. В очерке достаточно подробно рассмотрена проблема выделения средств из земских бюджетов на общественное призрение, но проблемы организации призрения сирот раскрыты фрагментарно. Автор отмечал, что это один из «исключительно сложных вопросов» земств. Обзорные сведения по сиропитательным земским учреждениям, включая тульское отделение, можно найти в сводном четырехтомнике Б. Веселовского. Однако о постановке дел в сфере общественного призрения ярко говорит тот факт, что автор посвятил этому вопросу буквально несколько страниц своего труда в отличие от объемных очерков по другим земским задачам [2]. Более подробную информацию о призрении сирот можно почерпнуть в работах М. Д. ван Путерена [1] и М. А. Ошанина [16]. Последний на страницах своего обзора критикует тезис Б. Веселовского о том, что деятельность земств по призрению сирот носит случайный характер, автор, наоборот, говорит о том, что земства уделяли много внимания и приложили достаточно усилий в этой сфере.

В советское время вопросы изучения земской деятельности не были актуальными для историков, только с 1950-х гг. врачи и историки медицины начали обращаться к изучению опыта земской медицины и в этом контексте – к организации призрения. С 1990-х гг. вновь было актуализировано изучение опыта организации государственного, земского, частного попечения над сиротами. Здесь стоит отметить труд В. Н. Егошиной и Н. В. Елфимовой – это одна из первых специальных работ в современной историографии, посвященная призрению несовершеннолетних [7]. В 2000-х гг. был защищен ряд диссертаций, посвященных данной тематике: М. В. Раттур, Л. В. Хотимова, Ю. В. Сиренко, С. В. Зайцева и др. [17; 22; 18; 10].

Непосредственно деятельность тульского земства в сфере призрения сирот до сих пор не становилась предметом отдельного изучения. Этот вопрос чаще всего затрагивается опосредованно при характеристике земской деятельности вообще или анализе становления земской медицины. Единственной работой, которая частично

посвящена сиропитательному отделению Тульского губернского земства, является статья А. А. Яшина, О. В. Терешкиной, М. С. Терешкиной [23]. Авторы в своей работе дают краткий обзор проблемы высокой смертности детей в отделении.

Необходимо отметить, что характеристика работы сиропитательного отделения как центрального учреждения Тульского губернского земства для призрения сирот, затрудняется отсутствием широкой источниковой базы. В земских докладах работа отделения освещалась фрагментарно, поэтому сведения о его деятельности не всегда можно найти в ежегодных докладах и отчетах управы перед собранием. Редкие сведения были связаны, прежде всего, с утверждением расходной сметы по учреждениям общественного призрения. Даже на губернских съездах земских врачей долгое время этот вопрос не поднимался в качестве отдельной проблемы для земской медицины Тульской губернии. Тем не менее земское делопроизводство, а также профессиональные материалы съездов земских врачей и представителей земств Тульской губернии являются основной источниковой базой данной работы, написанной в рамках социальной истории.

Результаты

В Тульской губернии сиропитательное отделение при богадельне существовало еще при Приказе общественного призрения и было принято в управление земством в рамках процесса передачи всех заведений в ведение новых органов. Наряду с богадельней земства приняли в свое ведение и другие благотворительные учреждения: Баскаковский инвалидный дом и вдовый дом в Белеве [19, с. 186].

После открытия Тульской губернской земской больницы (ТГЗБ) сиропитательное отделение было формально отнесено к ней в качестве структурного подразделения. Однако даже в земских документах бюджет, штат, материальная база ТГЗБ чаще проходили с пометкой «без сиропитательного отделения». Общественное призрение было иной статьей расходов в земских бюджетах, поэтому формально для земского делопроизводства клинические отделения были разведены с сиропитательным. На общественное призрение земства Тульской губернии в первые десятилетия своего существования выделяли меньше 2 % бюджета, при этом львиная доля средств уходила на содержание богаделен и инвалидных домов, но не на улучшение деятельности сиропитательного отделения. При этом процент ассигнований не увеличивался долгое время. В 1901 г. губернское земство тратило на общественное призрение 1,83 % бюджета. Для сравнения, Орловское губернское земство на эту статью расходов выделяло 11,1 %, Калужское – 3,5 %, Рязанское – 2,1 %, а Московское – 1,42 % [2, с. 439]. При этом в Московской губернии гораздо активнее выступали уездные земства, и в целом система общественного призрения в денежном плане была обеспечена лучше.

С конца 1860-х гг. в тульском сиропитательном отделении призывались как подкинутые в больницу дети, так и привезенные из губернского центра и уездов полицией младенцы, чьи родители были неизвестны или которых не взяли на воспитание родственники (по ст. 543 Устава общественного призрения 1857 г.). Эти дети назывались в документах «подкидышами». Также отделение принимало детей тех матерей, которые временно находились на излечении в больнице (так называемые «больничные» дети). С ноября 1870 г. на попечение земства стали поступать дети из «секретного отделения». Оно было учреждено для рожениц, не желавших раскрыть свою личность, с правом оставлять детей в больнице [6, с. 3–8]. Младенцы, от которых отказались матери, а также новорожденные, чьи матери умерли во время родов в секретном отделении, оставались в больнице при условии наличия кормилиц. Если же женщин не хватало, то по договоренности младенцев отправляли в Московский воспитательный дом. Надзор за детьми осуществляла надзирательница и 3–4 няньки [14, с. 3].

Как говорилось выше, деятельность сиропитательного отделения до начала XX в. практически не освещалась в докладах губернской земской управы и редко обсуждалась на губернских земских собраниях. При этом попечение сирот и временных воспитанников находилось на стыке забот об «охранении народного здоровья» и об «общественном призрении». В редких земских докладах на эту тему звучали фразы о высокой смертности детей, о необходимости совершенствования принципов призрения подкидышей. Однако никакой серьезной и планомерной деятельности в этом отношении земства не проводили.

Только к началу XX в. члены губернской земской управы наконец поставили вопрос о ненормальности обстановки в сиропитательном отделении. Тревогу вызвал доклад управы на сессии губернского собрания 1905 – 1906 гг., в котором прозвучал страшный показатель смертности среди вновь прибывающих сирот – 94 % [4; с. 2]. Положение дел в сиропитательном отделении в первые годы XX в. ярко характеризуют слова из доклада доктора И. К. Стржельбицкого на IX Съезде земских врачей в 1908 г.: «Поголовное вымирание».

В 1908 г. на IX Съезде земских врачей и представителей земств председатель Тульского губернского земского собрания Н. А. Руднев бросил хлесткую фразу, что управа решила: «...уничтожить эту “фабрику ангелов”» [20, с. 40]. В дореволюционной России «фабрикой ангелов» называли воспитательные дома, сиротские приюты и иные «богоугодные заведения», в которых призревались дети. Такое образное название эти учреждения получили за трагическое явление – крайне высокую детскую смертность в их стенах.

Статистика смертности в отделении была действительно высокой, но достоверно проанализировать ее будет крайне сложно из-за того, что тульское земство так и не выработало критерии учета смертности среди призреваемых детей. Seriously стоял вопрос о том, учитывать ли умерших детей, ранее отданных на воспитание в семьи крестьян и горожан, или только скончавшихся в отделении, а также земство не могло решить: включать ли в статистику умерших детей, матери которых временно были на лечении, или считать только призреваемых сирот. Исходя из сложности статистического учета, приведем сведения до 1899 г. в общем виде – в соответствии со статистической таблицей, размещенной в «Систематическом своде постановлений Тульского губернского земства».

Таблица 1

**Детская смертность в сиропитательном отделении
Тульского губернского земства**

Год	На 1 января (чел.)	Прибыло (чел.)	Умерло		Всего призреваемых за год
			Человек	% от всех призреваемых	
1866	Сведений в документах нет				
1870	32	17	9	18 %	49
1875	22	18	8	20 %	40
1880	11	20	7	23 %	31
1885	15	25	7	18 %	40
1890	13	41	7	13 %	54
1895	11	133	51	35 %	144
1899	7	109	59	51 %	116

Составлено и рассчитано по: Систематический свод постановлений Тульского Губернского Земского Собрания. Вып. 2. 1866 – 1900 годы. Таблицы. Тула, 1901. С. 11.

Фактически «взрывной» рост детской смертности в сиропитательном отделении начал наблюдаться в 1890-е гг. Это было связано с трехкратным увеличением прибывавших в отделение детей. Такой быстрый рост числа призреваемых был обусловлен, прежде всего, введением устава «Об общественном призрении» 1892 г., который служил нормативно-правовым регулированием этой сферы и четко определил обязанности земств. Кроме того, рост числа воспитанников, как и уровень смертности объясняется общей сложной эпидемической обстановкой в указанный период. Неурожаи, голод, холера, тиф – вероятно, все эти факторы могли сильно повлиять на рост числа подкидышей, младенцев, от которых отказались матери, а также «больничных» детей.

Примечательно, что высокая планка смертности в сиропитательном отделении практически не опускалась полтора десятилетия. При этом существовала определенная разница в показателях смертности среди «больничных» детей и земских воспитанников-подкидышей.

Сравним смертность в разных категориях призреваемых детей за 10 лет, предшествовавших реформе сиропитательного отделения.

Таблица 2

Смертность детей сиропитательного отделения в 1895 – 1905 гг.

Год	На 1 января (чел.)	Прибыло (чел.)		Умерло (от общего числа призреваемых)						Всего призреваемых за год
		сироты	«Больничные» дети	сироты		«Больничные» дети		Всего		
				Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
1895	11	41	92	35	25	16	11	51	35	144
1896	14	29	80	27	22	13	11	40	33	123
1897	15	27	90	26	20	20	15	46	35	132
1898	16	29	93	30	22	28	20	58	42	138
1899	7	40	69	39	34	20	17	59	51	116
1900	7	30	76	30	27	14	12	44	39	113
1901	9	33	67	30	28	12	11	42	39	109
1902	15	27	74	26	22	18	16	44	37	116
1903	12	41	84	36	26	19	14	55	39	140
1904	17	30	78	31	25	23	18	54	43	125
1905	17	53	80	48	34	12	8	60	43	140
Всего за 11 лет:				358		195		553		

Составлено и рассчитано по: Доклад о Сиропитательном отделении // Доклады Тульской губернской земской управы ХLI очередному Губернскому земскому собранию 1905 – 1906 г. Больничный отдел. Тула, [б.и]. С. 5–8.

Приведенная выше таблица показывает, что доля умерших в сиропитательном отделении сирот от общего числа призреваемых варьировалась от 20 до 34 %, тогда как «больничных» детей – от 8 до 20 %. Средний показатель детской смертности за 11 рассмотренных лет составил 40 % (от min 33 % до max 51 %) от общего числа призреваемых детей. Однако даже такое внушительное процентное выражение не дает

нам полной картины ситуации, вызвавшей глубокую тревогу у членов управы. Поскольку дети матерей, находившихся на лечении в больнице, – это временные воспитанники сиропитательного отделения, для объективной оценки необходимо исключить их из статистического расчета. И рассмотреть смертность исключительно среди подкидышей – воспитанников земства.

Таблица 3

Смертность воспитанников земства в 1895 – 1905 гг.

Год	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Воспитанники земства на 1 января	4	7	9	8	4	6	4	6	7	11	10
Прибыло за год	41	29	27	29	40	30	33	27	41	30	53
Умерло, чел.	35	27	26	30	39	30	30	26	36	31	48
Умерло, %	78	75	72	81	89	83	81	79	75	76	76

Составлено и рассчитано по: Доклад о Сиропитательном отделении // Доклады Тульской губернской земской управы XLI очередному Губернскому земскому собранию 1905 – 1906 г. Больничный отдел. Тула, 1906. С. 5–8.

Опираясь на представленные данные, можно констатировать, что уровень смертности среди воспитанников земства варьировался от 72 % до катастрофических 89 % в 1899 г. Судя по метрическим книгам больничной Александро-Невской церкви, большинство умерших – вновь поступавшие подкидыши в возрасте до 1 года. К сожалению, не удалось найти записи за 1899 г., однако по сведениям 1898 г. у всех подкинутых младенцев стояла одна причина смерти – «от слабости» [3, с. 205–336]. Вероятно, такая же ситуация наблюдалась и в метриках за 1899 г., поскольку «слабость» – одна из самых часто встречающихся в церковных записях причин детской смертности. Даже в 1912 г. на Съезде земских врачей И. К. Стржельбицкий, отвечая на вопрос доктора Шорохова, признавал, что точные причины смерти детей не выяснились, но клинически у всех диагностировался сепсис [21, с. 80].

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать вывод, что земские врачи совершенно справедливо называли сиропитательное отделение «фабрикой ангелов». Сохранявшийся больше десятилетия высокий процент смертности среди земских воспитанников доказывает, что проблема призрения сирот и улучшения качества их питания, бытовых условий практически не решалась земством. Элементарно дети, нуждающиеся в материнском молоке, не получали его из-за нехватки кормилиц, а молоко коровы, которую содержала прислуга отделения, становилось зачастую причиной повальной дизентерии среди младенцев.

Переломный момент для губернской земской медицины наступил в 1905 г., когда было принято решение о том, чтобы реорганизовать учреждения Тульского губернского земства. В русле реформирования больничных учреждений также были пересмотрены принципы организации сиропитательного отделения.

Для того чтобы начать перестройку деятельности отделения, земская управа обратилась к упомянутому выше доктору И. К. Стржельбицкому – одному из первых специалистов по педиатрии в Туле. После обсуждения проблемы с членом управы В. Л. Любенковым, смотрителем больницы Н. Е. Никольским к заседанию губернского земского собрания 1906 г. доктор Стржельбицкий подготовил ряд предложений по улучшению деятельности сиропитательного отделения. При этом тульский педиатр вполне резонно указывал, что невозможно полностью устранить причины,

которые приводили к такой сложной ситуации, поскольку часть их была объективна и присуща всем заведениям подобного рода [4, с. 10].

В чем заключался смысл инициатив? По сути, доктор Стржельбицкий предложил следующее: разделение отделения на старшее и младшее, расширение квадратуры занимаемой площади, увеличение числа нянек до 1 штатной единицы на два ребенка, расширение штата кормилиц, организация естественного кормления, а при его невозможности – перевод сирот на козье молоко. Действительно, в июне 1906 г. дети младшего возраста были выведены на отдельную квартиру [14, с. 3]. А позже все учреждение стало занимать три площади: старшее отделение – в каменном здании, два младших – в квартире около больницы на 20 чел. и в бывшей квартире смотрителя тоже на 20 чел. [8, с. 82] При этом на земских собраниях не раз поднимался вопрос оптимизации двух младших отделений и помещения их в одно здание.

Ключевым же предложением И. К. Стржельбицкого было введение патронажа (в терминологии начала XX в.), т. е. устройство детей-сирот в семьи на возмездной основе. Сейчас такую форму социальной помощи несовершеннолетним принято называть «патронат», т. е. возмездная опека. Патронаж (передача детей на воспитание, и в первую очередь сельским обывателям) был распространенной практикой губернских земств повсеместно [1; 16]. Однако в Тульской губернии детей отдавали в частные руки очень редко – патронажа как системы не существовало до 1906 г.

По новой системе предполагалось, что в отделении будут содержаться младенцы до 3–4 месяцев [20, с. 192]. В этом возрасте становилось понятно: болен ребенок сифилисом или нет. Это было важно, поскольку часто на социальное обеспечение земства попадали дети проституток, рожденные в секретном отделении. Такие младенцы внутриутробно были заражены сифилисом от матерей и были источником опасности для других детей и патронажных семей.

Пока младенцы содержались в сиропитательном отделении, за ними должен присматривать целый штат прислуги, кормилиц, а также было реализовано важное нововведение – врачебный надзор. Только в начале XX в. после долгих профессиональных дискуссий земские врачи пришли к мнению, что постоянное врачебное попечение – это необходимая и неотъемлемая часть призрения младенцев. Постоянным ординатором отделения при увеличении сметы стал доктор Стржельбицкий, оклад которого составил 1200 руб. в год. Кроме того, в 1910 г. в отделении была уже не одна, а три надзирательницы.

При достижении сиротами возраста 3–4 месяцев предполагалось медицинское освидетельствование, после чего земство рассматривало несколько вариантов устройства дальнейшей судьбы детей. В случае наличия инфекционных и иных заболеваний, дети оставались в отделении до выздоровления. Если состояние здоровья ребенка позволяло, его отдавали на воспитание. В первом варианте это была индивидуальная передача в городскую семью на возмездной или безвозмездной (реже) основе. Такая форма предполагала продолжение земского попечения над патронажным ребенком. Крайне редко практиковалась передача младенца в частные руки в виде фактического усыновления или удочерения. Тогда дети полностью выходили из-под надзора земства.

Основной тактикой устройства патронажа было следующее – губернское земство отправляло детей партиями в Епифанский уезд для распределения по селам в крестьянские семьи. Однако если в случае индивидуального городского патронажа члены управы, врачебного совета или служащие сиропитательного отделения лично контактировали с семьями, пожелавшими взять ребенка, то во втором имело место практически слепое распределение детей на воспитание.

С 1907 г. патронажным центром стало село Бучалки, в котором существовал приют для детей-сирот, открытый княгиней А. С. Голицыной [13, с. 29]. Она с самого

начала обещала губернскому земству содействие в распределении детей в патронаж по ближайшим к ее имени населенным пунктам Елифанского уезда – первоначально это было 6 селений, не далее 7 верст от Бучалок, затем селений стало 13. В 1910 г. в патронаже находилось 130 детей тульского сиропитательного отделения. При том, что Московский воспитательный дом, также открыв патронажные участки в Тульской губернии, в 1908 г. размещал своих воспитанников, 5700 детей в 616 селениях [5, с. 23].

Положительным моментом было то, что Бучалки находились в 3 верстах от Сухановского врачебного пункта: по проекту доктора Стржельбицкого в патронажном участке должен был находиться врач, на которого возлагали функции медицинского надзора за детьми. Поэтому в Бучальском патронаже этой проблемой занялся участковый врач. Для организации медицинской помощи в дороге до Бучалок губернское земство с каждой партией детей-сирот отправляло фельдшерицу для сопровождения. В 1908 г. в самих Бучалках была открыта специальная больница («больничка») на 5 коек для сирот, отданных на воспитание.

Вознаграждение за распределенных на воспитание детей выплачивалось семьям, в среднем, до 10 / 12-летнего возраста ребенка. За грудного ребенка земство платило 4 рубля, за ребенка 2–3 лет – 3 рубля в месяц, а с 3-летнего возраста до 10 лет – 2 руб. [12, с. 7–8; 5, с. 9] После достижения ребенком 10 или 12 лет земства устраивали патронажных детей в учебные заведения, или дети оставались в семьях, но уже без земской финансовой поддержки.

Устроенный Тульским земством патронаж был своевременным. Дело в том, что с 1908 г. Петербургскому и Московскому воспитательным домам было предписано принимать детей только из столиц и пригородов. Соответственно, договор о передаче призреваемых Тульским земством детей Московскому воспитательному дому прекращал свое действие [16, с. 18]. И сиропитательному отделению грозило переполнение, которое могло усугубить ситуацию.

Новая система работы отделения принесла свои плоды. Доктор Стржельбицкий, которого назначили ординатором сиропитательного отделения, отмечал на X Съезде врачей Тульской губернии падение смертности в отделении. А видный деятель тульской медицины – доктор Е. Г. Лазарев предложил считать постановку дел в отделении прекрасной [21, с. 81]. К сожалению, доклад И. К. Стржельбицкого не был издан в сборнике трудов Съезда, однако для понимания изменений мы можем воспользоваться сохранившимися отчетами по отделению.

В отчете за 1910 – 1911 гг. указано, что процент смертности сирот в отделении за несколько лет был следующим [15, с. 6]:

- 1906 – 1907 гг. – 45,3 %;
- 1907 – 1908 гг. – 44,9 %;
- 1908 – 1909 гг. – 20,3 %;
- 1909 – 1910 гг. – 17,6 %;
- 1910 – 1911 гг. – 16,1 %.

Опираясь только на эти данные, можно было бы сделать вывод о явных успехах деятельности земства по призрению сирот-подкидышей, однако в реальности с 1908 – 1909 отчетного года наблюдается всего лишь изменение принципов подсчета. Дело в том, что с введением патронажа земство по-разному учитывало умерших детей: в отчетах могла суммироваться, а могла не учитываться смерть в патронаже и на индивидуальном воспитании в городе, а долю умерших подкидышей считали от всех сирот, прошедших по документам за отчетный год, а не только от тех, кто оставался на попечении в отделении. Поэтому мы видим такое резкое падение уровня смертности до 16 % по бумагам, но не в реальности.

Однако для сравнения сделаем расчет для первого и пятого года работы реформированного отделения.

Таблица 4

Смертность в реформированном сиропитательном отделении в 1906 – 1907 и 1910 – 1911 гг. (отчетный год считается с 1 сентября)

	Всего детей в отделении, чел.						Умерло, чел.					Умерло, % (по категориям)				
	Сироты			«больничные» дети	Дети кормилиц	Всего	Сироты		«больничные» дети	Дети кормилиц	Всего	Подкидыши		«больничные» дети	Дети кормилиц	Всего
	На попечении отделения	Подкидыши, отданные в патронаж	Выбывшие по иным причинам				На попечении отделения	В патронаже				Доля от находящихся на попечении отделения	Доля от патронимруемых детей			
1906–1907	92	18	6	98	29	243	53		9	3	65	46		9	10	27
	ВСЕГО подкидышей 116						Всего 67					От общего числа сирот – 52				
1910–1911	46	78	5	74	35	238	21	46	6	4	77	46	59	8	11	32
	Всего подкидышей 129						Всего 67					От общего числа сирот – 52				

Составлено и рассчитано по: Отчет по Сиропитательному отделению [Тульского губернского земства] с 1-го сентября 1906 г. по 1-е сентября 1907 г. со включением отчета с 9-го июня по 1-е сентября 1906 г. Тула: Тип. Губ. правления, 1907; Отчет по Сиропитательному отделению [Тульского губернского земства] с 1-го сентября 1910 года по 1-е сентября 1911 года. Тула: Тип. Е. И. Дружининой, 1911.

Как видно из представленной таблицы, если суммировать сирот, умерших в отделении и в патронаже, как это делалось в 1906 – 1907 и в 1907 – 1908 гг., тогда смертность в этой категории в 1910 – 1911 гг. составит 52 %. Против указанного в отчете 16,1 %. К сожалению, такая вольная замена принципа расчета для отчетной документации дала несопоставимый ложный критерий, не отражающий реальной картины.

При этом все же нельзя не констатировать тот факт, что смертность в отделении действительно снизилась. Даже общая смертность по всем категориям призреваемых детей в 1906 – 1907 гг. составила 27 %, тогда как в 1904 и 1905 гг. она держалась на уровне 43 %. Однако важнее является показатель смертности детей-сирот. Ранее было указано, что самый низкий показатель в 1897 г. составлял 72 %, здесь же мы видим 46 % в первый год работы реорганизованного отделения и 52 % в 1910 – 1911 гг. Однако некоторый рост показателя к 1910 г. объективно объясним. 1910 г. выделялся аномально высокой смертностью в первую очередь в патронаже, что было связано с общей неблагоприятной эпидемической ситуацией в губернии. Таким образом, можно резюмировать, что новые подходы к признанию сирот показывали позитивный эффект.

Нововведения требовали от земства увеличения расходной статьи на общественное признание. Чем больше детей оказывалось в патронаже, тем выше становились земские траты, зачастую внеплановые. Это вызывало споры на IX и X съездах врачей. До переустройства отделения земство тратило на него 1,5 тыс. рублей. С но-

вой ассигновкой с 1906 по 1908 гг. расходы земства на призрение сирот увеличились с 4 тыс. руб. до 20 тыс., и в перспективе финансирование земствами этого социального учреждения должно было только расти. Этот факт подвергался критике со стороны доктора Е. Г. Лазарева. Он справедливо отмечал, что «поставщиком детей» для отделения является, в первую очередь, город: в него попадают внебрачные дети мещан и городских проституток, а, значит, город также должен принимать финансовое участие в деятельности сиропитательного заведения. Кроме того, врачи вышли с инициативой предложить государственной власти разделить расходы с земством. Этот вопрос обсуждался в 1910, 1912 гг. Но ни к какому решению ни губернская земская управа, ни медицинская общественность не пришли. Если обратить внимание на сметы губернского земства, можно констатировать правоту доктора Лазарева. Например, смета на 1916 г. по сиропитательному отделению была больше сметы предыдущего года на 4235 руб. Даже учитывая, что из этой суммы 1720 руб. выделялись на ремонт помещений отделения и патронажной больницы, т. е. данные расходы были ситуативными, а не ежегодными, все равно видна тенденция быстрого роста ассигнований на сиропитательное отделение [9, с. 124].

В начале 1910-х гг. в земской управе было предложено организовать рассеянный по губернии патронаж, однако в годы начавшейся Первой мировой войны принципиальных преобразований в деле призрения сирот со стороны губернского земства сделано не было.

Заключение

Таким образом, в истории становления и развития земского призрения детей-сирот выделяется два этапа, водоразделом между которыми стал 1906 г. До начала XX в. земства, хотя и приняли на себя заботу о сиротах, не проводили систематической работы в этой сфере. Только устав «Об общественном призрении» 1892 г. регламентировал эту сферу, но к планомерной и системной работе земства приступили позже, чем через 10 лет.

Полученное в наследство от Приказа общественного призрения сиропитательное отделение называлось среди земских деятелей и профессиональных медиков «фабрикой ангелов», поскольку демонстрировало крайне высокий уровень детской смертности, в первую очередь, среди «подкидышей» – как называли и младенцев, подкинутых в больницу или оставленных в секретном отделении, и младенцев, которых в отделение привозила полиция. Смертность таких детей в отделении достигала 89 %. Только в русле реорганизации губернской земской медицины, общего реформирования губернской земской больницы член управы В. Л. Любенков инициировал изменения в сиропитательном отделении. План мероприятий, разработанный доктором И. К. Стржельбицким, привел к ряду позитивных последствий. Устройство патронажа, хотя и в отделенном от Тулы Епифанском уезде, а также организация врачебного надзора за опекаемыми в отделении, привели к снижению смертности среди сирот. Однако часть вопросов, которые можно отнести к организационно-финансовой сфере, решить земству так и не удалось.

Список источников и литературы

1. Ван-Путерен М. Д. Материалы по вопросу о призрении бесприютных детей и подкидышей в России. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел., 1893. 106 с.
2. Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. 724 с.
3. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 93. Оп. 1. Д. 69.

4. Доклад о сиропитательном отделении // Доклады Тульской губернской земской управы XLI очередному Губернскому земскому собранию 1905 – 1906 г. Больничный отдел. Тула, 1906. С. 1–16.
5. Доклады Тульской губернской земской управы XLVI очередному Губернскому земскому собранию. Больничный отдел. Тула, 1910. 78 с.
6. Доклады Тульской губернской земской управы шестому очередному Губернскому земскому собранию [1870 г.]. Кн. 2. Тула, 1870. 34 с.
7. *Егошина В. Н., Елфимова Н. В.* Из истории призрения и социального обеспечения детей в России. М.: Ин-т молодежи, 1993. 70 с.
8. Журналы Тульского губернского земского собрания 45 очередной сессии 10-16 января 1910 года. Тула: Тип. Губ. правления, 1910. 176 с.
9. Журналы Тульского губернского земского собрания 51-й очередной сессии 1915 года. Тула: Тип. Е. И. Дружининой, 1916. 558 с. Разд. паг.
10. *Зайцева С. В.* Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв.: на примере Санкт-Петербургской губернии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зайцева Светлана Валентиновна. СПб., 2014. 204 с.
11. *Максимов Е.* Очерки земской деятельности в области общественного призрения. СПб.: тип. Правительств. сената, 1895. 105 с.
12. О смете по сиропитательному отделению губернского земства. Доклад 15 / Доклады Тульской губернской земской управы Тульскому губернскому земскому собранию 1907 г. Больничный отдел. Тула, 1907. С. 1–10. Разд. паг.
13. Обзор Тульской губернии за 1905 год. Тула: Тип. губ. правления, 1907. XVI, 67 с.
14. Отчет по Сиропитательному отделению [Тульского губернского земства] с 1-го сентября 1906 г. по 1-е сентября 1907 г. со включением отчета с 9-го июня по 1-е сентября 1906 г. Тула: Тип. Губ. правления, 1907. 22 с.
15. Отчет по Сиропитательному отделению [Тульского губернского земства] с 1-го сентября 1910 года по 1-е сентября 1911 года. Тула: Тип. Е. И. Дружининой, 1911. 15 с.
16. *Ошанин М. А.* О призрении покинутых детей. 1912 год. Ярославль: Типолит. Губ. Зем. Управы, 1912. 283 с.
17. *Раттур М. В.* Развитие системы общественного призрения детей и подростков в России: 1881 – 1894 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Раттур Мария Владимировна. М., 2004. 235 с.
18. *Сиренко Ю. В.* Развитие системы призрения и воспитания детей-сирот Уфимской губернии в XIX – начале XX веков : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Сиренко Юлия Валериевна. Оренбург, 2009. 251 с.
19. Систематический свод постановлений Тульского Губернского Земского Собрания со времени введения земских учреждений в Тульской губернии за XXXV лет / сост. И. А. Воронцов-Вельяминов. Тула: Тип. В. Н. Соколова, 1901. Вып. 2. 542 с.
20. Труды IX съезда земских врачей и представителей земств Тульской губернии с 21-го по 30-е апреля 1908 года. Тула: Тип. Тул. Губ. правления, 1909. 544 с.
21. Труды X съезда врачей и представителей земств Тульской губернии с 6-15 августа 1912 года. Вып. 1: Журналы заседаний съезда, доклады бюро X съезда, некрологи, доклады секций и постановления съезда. Тула: Тип. Е. И. Дружининой, 1913. 264 с.
22. *Хотимова Л. В.* Система социального призрения детей на Европейском севере России: последняя четверть XVIII – начало XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Хотимова Любовь Васильевна Сыктывкар, 2004. 187 с.
23. *Яшин А. А., Терешкина О. В., Терешкина М. С.* Из истории здравоохранения в Тульской области: земская медицина, сиропитательные отделения // Вестник новых медицинских технологий. 2011. Т. 18, № 1. С. 190–192.

References

1. van Puteren, MD 1893, *Materialy po voprosu o prizrenii bespriyutnyh detej i podkidyshej v Rossii* (Materials on the issue of the care of homeless children and foundlings in Russia), Tipografiya Ministerstva vnutrennih del Publ, St. Petersburg. (In Russ)

2. Veselovsky, B 1909, *Istoriya zemstva za sorok let* (Forty years of the history of the Zemstvo), vol.1, O.N. Popova Publ, St. Petersburg. (In Russ)
3. *Gosudarstvennoye uchrezhdeniye "Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti"* (GU GATO) (State Institution "State Archive of the Tula region"), fund 93, inventory 1, file 69. (In Russ)
4. *'Doklad o siropitatel'nom otdelenii'* (Report on the orphan department) [without a year], *Doklady Tul'skoy gubernskoy zemskoy upravly XLI ocherednomu Gubernskomu zemskomu sobraniyu 1905 – 1906 g.* 1–16 pp. (In Russ)
5. *'Doklady Tul'skoy gubernskoy zemskoy upravly XLVI ocherednomu Gubernskomu zemskomu sobraniyu. Bol'nichnyy otdel'* (Reports of the Tula Provincial Zemstvo Board to the XLVI next Provincial Zemstvo Assembly. Hospital Department) 1910, [without a publ.], Tula. (In Russ)
6. *'Doklady Tul'skoy gubernskoy zemskoy upravly shestomu ocherednomu Gubernskomu zemskomu sobraniyu'* (Reports of the Tula Provincial Zemstvo Board to the six next Provincial Zemstvo Assembly.) 1870, vol. 2, [without a publ.], Tula. (In Russ)
7. Egoshina VN & Elfimova, NV 1993, *Iz istorii prizreniya i social'nogo obespecheniya detey v Rossii* (From the history of charity and social welfare of children in Russia), Institut molodezhi Publ, Moscow. (In Russ)
8. *'Zhurnaly 45 ocherednoy sessii 10-16 yanvarya 1910 goda Tul'skogo gubernskogo zemskogo sobraniya'* (Journals of the Tula Provincial Zemstvo Assembly of the 45th regular session on January 10-16, 1910) 1910, Tipografiya gubernskogo pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
9. *Zhurnaly Tul'skogo gubernskogo zemskogo sobraniya 51-y ocherednoy sessii 1915 goda* (Journals of the Tula Provincial Zemstvo Assembly of the 51th regular session, 1915) 1916, Tipografiya E.I. Druzhininoy Publ, Tula. (In Russ)
10. Zaytseva, SV 2014, *Deyatel'nost' gosudarstva i obshchestva v oblasti organizatsii prizreniya nezakonnorozhdennykh detey v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: na primere Sankt-Peterburgskoy gubernii* (The activities of the state and society in the field of organizing the care of illegitimate children in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries: on the case of the St. Petersburg province), PhD thesis, St. Petersburg State University, St. Petersburg. (In Russ)
11. Maksimov, E 1895, *Ocherki zemskoy deyatel'nosti v oblasti obshchestvennogo prizreniya* (Essays on zemstvo activities in the field of public charity), Tip. Pravitel'stvuyushchego senata Publ, St. Petersburg. (In Russ)
12. *'O smete po siropitatel'nomu otdeleniyu gubernskogo zemstva. Doklad 15'* (About the estimates for the orphan department of the provincial zemstvo. Report 15) 1907, *Doklady Tul'skoy gubernskoy zemskoy upravly Tul'skomu gubernskomu zemskomu sobraniyu 1907 g. Bol'nichnyy otdel.* Tula. (In Russ)
13. *'Obzor Tul'skoy gubernii za 1905 god'* (Review of Tula province in 1905) 1907, Tula (In Russ)
14. *'Otchet po Siropitatel'nomu otdeleniyu [Tul'skogo gubernskogo zemstva] s 1-go sentyabrya 1906 g. po 1-e sentyabrya 1907 g. so vklucheniem otcheta s 9-go iyunya po 1-e sentyabrya 1906 g.'* (Report on the Orphan Department [Tula Provincial Zemstvo] from September 1, 1906 to September 1, 1907, with the inclusion of a report from June 9 to September 1, 1906.) 1907, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
15. *'Otchet po Siropitatel'nomu otdeleniyu [Tul'skogo gubernskogo zemstva] s 1-go sentyabrya 1910 goda po 1-e sentyabrya 1911 goda'* (Report on the Orphan Department [Tula Provincial Zemstvo] from September 1, 1910 to September 1, 1911) 1911, Tipografiya E.I. Druzhininoy Publ, Tula. (In Russ)
16. Oshanin, MA 1912, *O prizrenii pokinutykh detey. 1912 god* (About the care of abandoned children. The year 1912), Tipolitogr. Gub. Zem. Upravly Publ, Yaroslavl. (In Russ)
17. Rattur, MV 2004, *Razvitiye sistemy obshchestvennogo prizreniya detey i podrostkov v Rossii: 1881 – 1894 gg.* (The development of the system of public care for children and teenagers in Russia: 1881 – 1894), PhD thesis, Russian State Social University, Moscow. (In Russ)
18. Sirenko, YuV 2009, *Razvitiye sistemy prizreniya i vospitaniya detey-sirot Ufimskoy gubernii v XIX – nachale XX vekov* (The development of the system of care and upbringing of orphans on the Ufa province in the 19th – early 20th centuries), PhD thesis, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg. (In Russ)

19. Vorontsov-Vel'yaminov, IA (ed.) 1901, *Sistematicheskiy svod postanovleniy Tul'skogo Gubernskogo Zemskogo Sobraniya so vremeni vvedeniya zemskikh uchrezhdeniy v Tul'skoy gubernii za XXXV let* (A systematic set of resolutions of the Tula Provincial Zemstvo Assembly since the introduction of zemstvo institutions in the Tula province for 35 years), vol. 2, Tipografiya V.N. Sokolova Publ, Tula. (In Russ)
20. *Trudy IX sezda zemskikh vrachey i predstaviteley zemstv Tul'skoy gubernii s 21-go po 30-e aprelya 1908 goda* (Works of the 9th Congress of zemstvo doctors and delegates from zemstvos of Tula province from April 21 to April 30, 1908) 1909, Tipografiya Tul'skogo Gubernskogo Pravleniya Publ, Tula. (In Russ)
21. *Trudy X sezda vrachey i predstaviteley zemstv Tul'skoy gubernii s 6-15 avgusta 1912 goda* (Works of the X Congress of zemstvo doctors and delegates from zemstvos of Tula province from August 6 to August 15, 1912) 1913, vol. 1, Tipografiya E.I. Druzhininoj Publ, Tula. (In Russ)
22. Khotemova, LV 2004, *Sistema social'nogo prizreniya detey na Evropeyskom severe Rossii: Poslednyaya chetvert' XVIII-nachalo XX veka* (The system of social care for children in the European North of Russia: The last quarter of the 18th – the beginning of the 20th century), PhD thesis, Syktyvkar State University, Syktyvkar. (In Russ)
23. Yashin, AA, Tereshkina, OV & Tereshkina, MS, 'Iz istorii zdravookhraneniya v Tul'skoy oblasti: zemskaya meditsina, siropitatel'nye otdeleniya' (From public health services history in the tula area: zemsky medicine, almshouse units), *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy*, 2011, vol. 1, 190–192 pp. (In Russ)

Статья поступила в редакцию: 30.11.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 30.11.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 42–53.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 42–53.

Научная статья
УДК 94(908+82-1/-9:241.51:242)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-42-53>

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВ ТУЛЬСКОГО ПОМОРЦА-НАЧЕТЧИКА Д. В. БАТОВА

**Александр Владимирович
Соколов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Аннотация. Целью статьи является комплексный анализ текстов, изданных тульским поморским начетчиком Д. В. Батовым. Для достижения поставленной цели автор проанализировал 50 из 300 работ поморского начетчика. Было выделено две группы текстов: словословные и полемические. Словословные тексты были представлены в виде нот крюкового пения и отдельных молитв. Полемические тексты Д. В. Батова отличаются по целевому назначению, в ходе исследования было выделено четыре типа текста этой категории: напрямую направленные против «господствующей церкви» и единоверия, историософские, отстаивающие отдельные догматические позиции поморского согласия и направленные на представителей белокрынского согласия. Отметим, что нарратив Д. В. Батова строился таким образом, чтобы подтвердить верность старообрядческого религиозного пути. Зачастую его тексты обосновывали скорее верность направления не столько поморского согласия, сколько старообрядческого в принципе. Строились же его тексты преимущественно как тезис или же антитезис, за которым следовал набор аргументов, его подтверждающих. В своей аргументации Дионис Васильевич как обращался к столпам веры, так и использовал работы светских авторов, в том числе представителей инорелигиозных групп. Особый пласт составляют переиздания Д. В. Батова. Можно сказать, что он по-разному относился к переиздаваемым материалам, отдельные работы он мог в принципе не менять, даже если они противоречили его религиозным установкам, другие же он переделывал таким образом, чтобы они представляли из себя апологию поморского религиозного понимания мира. Основным выводом исследования является то, что тексты Д. В. Батова, несмотря на следование четкой старообрядческой парадигме, имели заметное жанровое разнообразие.

Ключевые слова: поморцы, «господствующая церковь», Д. В. Батов, старообрядческая книжность, полемические сочинения.

Для цитирования: Соколов А. В. Проблема типологии текстов тульского поморца-начетчика Д. В. Батова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 42–53. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-42-53>

Сведения об авторе: А. В. Соколов – аспирант, ассистент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Соколов А. В., 2024

Scientific Article
UDC 94(908+82-1/-9:241.51:242)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-42-53>

THE ISSUE OF TYPOLOGY OF TEXTS BY THE TULA POMERANIAN DOGMATIST D. V. BATOV

Aleksandr V. Sokolov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alks_2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5016-3199>

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the texts published by Tula Pomeranian dogmatist Dionis Vasilyevich Batov. To achieve this goal, the author has analyzed 50 of the 300 works of the Pomeranian dogmatist. The article has identified two groups of texts: verbal and polemical. The verbal texts are presented in the form of notes of znamenny chants and individual prayers. D. V. Batov's polemical texts are distinguished by their intended purpose. The study has identified four types of text in this category. They are directed against the "ruling church" and the co-religionists, historiosophic, defending certain dogmatic positions of the Pomeranian accord and aimed at representatives of the Belokrinitzky accord. It should be noted that D. V. Batov's narrative was built in such a way as to confirm the fidelity of the Old Believers' religious path. His texts often argued rather for the faithfulness of the direction not so much of the Pomeranian concord as of the Old Believers as a whole. His texts were constructed mainly as either a thesis or an antithesis, followed by a set of arguments supporting it. In his arguments, Dionysus Vasilyevich both appealed to the pillars of faith and used the works of secular authors, including representatives of non-religious groups. A special layer of the research consists of reprints by D. V. Batov. It can be said that he approached republished materials in different ways; some works he may have kept intact in principle, even if they contradicted his religious attitudes, while others he reworked in such a way that they represented an apologia of the Pomeranian religious understanding of the world. The main conclusion of the study is that the texts of D. V. Batov, despite following a clear Old Believer paradigm, had a noticeable genre diversity.

Keywords: Pomeranian accord, "the ruling Church", D. V. Batov, Old Believers' book learning, polemical writings.

For citation: Sokolov, AV 2024, 'The Issue of Typology of Texts by the Tula Pomeranian Dogmatist D. V. Batov', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 42–53, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-42-53> (in Russ.)

Information about the Author: *Aleksandr V. Sokolov* – Postgraduate Student, Assistant of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Дионис, или Денис Васильевич Батов был начетчиком поморского согласия г. Тулы с 1880 г. и оставался в этой должности практически до своей смерти в 1911 г. [39]. Широкою же известностью среди староверов он получил в первую очередь в качестве публициста и издателя. Гектографируемые им книги и брошюры имели широкое хождение не только в европейской части России, но и на Урале, а также были известны за его пределами, в частности изданные Д. В. Батовым тексты заказывались поморцами Алтайского края [38, с. 72; 24, с. 327–328].

Несмотря на то что работы Дионисия Васильевича ранее уже становились объектами изучения исследователей, однако не рассматривались комплексно [39; 36; 21; 22; 23]. Именно поэтому целью данной работы является комплексный анализ текстов, издаваемых Д. В. Батовым. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить ряд задач. Во-первых, необходимо установить целевое назначение каждого текста, зачем он был написан (в том числе и те, что были не за авторством Диониса Васильевича) и издавался. Установив целевое назначение текстов, мы сможем их классифицировать. Во-вторых, определить структуру текстов и их нарративы. В-третьих, определить степень вмешательства Д. В. Батова в издаваемый им текст, автором которого он не являлся.

Методологический аппарат определяется целью и задачами данной работы. Работа строится на принципах историзма, целостности и объективности. Мы обращаемся к сравнительно-функциональному методу, необходимому при сопоставлении текстов, издаваемых Батовым. Кроме того, нами использовался метод классификации для типологизации текстов, а также кон-анализ при сравнении брошюр, издаваемых Д. В. Батовым за авторством других людей. Цитаты из первоисточника мы будем давать в современном начертании с учетом норм современного русского языка.

В его каталоге «Список книг и тетрадей письменного-копированных» насчитывалось к 1900 г. 168 наименований различных произведений [2, л. 47–об.], к концу его жизни их было около 300 [36, с. 372; 40, с. 7], вопрос же о тираже остаётся открытым. По предположению Банова Н. Ю., Денис Васильевич имел самую масштабную печать в среде старообрядцев [40, с. 6–7]. Мы же располагаем 50 батовскими произведениями, что является корректной выборкой. Гектографируемые им книги и брошюры имели широкое хождение не только в европейской части России, но и на Урале, а также были известны за его пределами, в частности изданные Д. В. Батовым тексты заказывались поморцами Алтайского края [38, с. 72; 24, с. 327–328]. Причины такого успеха во многом связаны были с ценой, которую предлагал Денис Васильевич. Так, в ходе судебного разбирательства выяснилось, что поскольку Батов не получал никаких разрешений на издания, его «Азбука пения» продавалась без пересылок за 50 копеек, тогда как имея она все документы и пройдя процесс цензурной проверки, то цена книги выросла бы до 3 рублей, то есть в 6 раз [2, л. 6–об.]. Все они были составлены полууставом и подражали церковно-славянской орфографии, в том числе и в начертании цифр, т. е. использовали не арабское, а кириллическое обозначение. Рассмотренные тексты хранятся в Государственном архиве Тульской области (далее – ГУ ГАТО) и в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Все тексты, издаваемые Д. В. Батовым, мы можем разделить на две категории: словословные (молитвы и ноты для крюкового пения) и полемические. Словословные тексты записывались крюковыми нотами и поэтому требуют отдельного большого исследования теми, кто занимается историей музыки и словесности, нас же интересуют полемические работы и издания Дениса Васильевича. Отметим, что целевое назначение словословных текстов в принципе понятно – они издавались в помощь староверам, проживающим в отдельных частях страны для передачи молит-

венной и песенной традиции [2, Л. 118–140, 197–221]. По всей видимости, начетчики или же отдельные старообрядцы сами определяли, каким гласом следует петь тот или иной текст. Ими же определялся и формат исполнения: групповой или же индивидуальный. Это следует из того, что в подобных текстах не давалось конкретных рекомендаций, определялись лишь ноты, следование которым зависело от традиции и предпочтений конкретной общины.

Полемические же тексты мы можем классифицировать по их целевым установкам – на кого они были направлены и какой основной нарратив они продвигали. Конечно, общей их целью была защита или же продвижение поморского мировосприятия и мироощущения. В первую очередь стоит сказать о работах Д. В. Батова, которые были открыто направлены против господствующей церкви и / или единоверия. К ним следует отнести «О Новом завете. Вопросы–ответы» [18], «Рассмотрение новоучительных назиданий» [6], «Отзыв» [5; 7], «Обращение к священнику-единоверцу Холопову Дементию Ерофеевичу» [8; 29], «На письма вероизменника В. Ф. Нежникова. Замечания и возражения» [3], «Тульское-миссионерское беседословие» [35], «Господину Приставу 4 части города Тулы» [2, Л. 32–42], «Старообрядческие униаты 19 столетия. Москва 1838 года» [9] и «Броня правды» [16]. Все эти тексты, за исключением последних двух, имели первоначально как бы конкретного адресата. Так, брошюра «О Новом завете. Вопросы–ответы» начинается следующим пояснением: «Вопросы написанные не многим позже 1880 года бывшим в г. Петровске (Саратовской губернии) поморско-старообрядческим школьным учителем Кармановым, молодых лет и умом мирским толстяком и при этом преуспевающим высокоумием нрава и либеральностью. Притесненный со стороны духовной администрации недопущением к экзамену на должность учителя по староверию, Карманов при лишней крепости и прочих дарований благодати увлекся на чтении новоучительных фраз, и вверившись в них, запечатлелся в старообрядческое униатство, в котором возведен в сан иерея мнимого самостроителя Нового Завета, о котором и соградил свои пытливые вопросы» [18]. Иными словами, формальной целью данной брошюры являются ответы Д. В. Батова на вопросы усомнившегося в поморском согласии Карманова. Дионисий Васильевич будто бы поясняет, что не он является актором начала дискуссии, т. е. он устраняется от прозелитских целей данной работы. Подобная же ситуация с брошюрой «Обращение к священнику-единоверцу Холопову Дементию Ерофеевичу» [8; 29], в рамках которой Д. В. Батов отвечает на вопросы, заданные миссионером-единоверцем священником Д. Е. Холоповым.

Брошюра «Рассмотрение новоучительных назиданий» начинается, в некотором роде, в схожей манере – здесь Д. В. Батов пишет: «Тульская купчиха В. А. Земцова, урожденная в беспоповском Христианском староверии поморского согласия, за двадцать с лишком лет назад. Пристрастившись к чтению литературных творений от имени вероизменника Павла Прусского – многосложно напечатанных и прочих новоучительных слово художественных брошюр и с любезною приязненностью вверившись в них, запечатлелась в нововерии, в котором окормляясь теми же плевельными фразами, развивает их и в бывших единоверных родственниках и успела некоторых ветроумов уловить» [6, л. 1]. В данном случае первичными адресатами являлись родственники В. А. Земцовой и она сама. На первый взгляд может показаться, что Д. В. Батов здесь занимает наступательную позицию, так как он инициирует публичный спор, однако, как и ранее, он стремится защитить поморское согласие. Только если раньше он оспаривал выпады на своё согласие с инорелигиозной группой, то здесь целью его работы является сохранить статус-кво в численности поморцев.

Другая брошюра «Отзыв» отображает спор Д. В. Батова с перешедшим из поморского согласия в единоверие Д. Земцовым [5; 7]. Название данной брошюры не

случаен, поскольку она является реакцией на публикацию новообращенного в журнале «Листок единоверческого братства». Стремясь все так же защитить поморское согласие от полемических атак, Д. В. Батов использует некорректный софистский метод, который отчасти и является целью данной брошюры. Батов пытается дискредитировать Д. Земцова в глазах широкой общественности. Помимо пестрящих оскорблений, в тексте приводятся конкретные кейсы, доказывающие «низость» Д. Земцова. Самым показательным примером этому является сообщение Д. В. Батова, что Д. Земцов «не ужился с родною матерью, воспитательницею его по усопшем отце сиротства, но вытеснил её на скорбное одиночное помещение в надворную баню, в которой эта благонравная и благочестивая вдова и кончила свою жизнь, почив блаженным и малоболезненным сном праведников по совершении обычного правила животворной молитвы, потерпев при жизни от своего сына не редко произносивший досадительные злоречия» [5, л. 2–об; 7, л. 2–об]. Причем позже Батов указывал на то, что Земцов проживал в очень большом доме. Можно сказать, что основной задачей этого текста является дистанцировать поморцев от Д. Земцова и его влияния, а также доказать неприглядность «единоверцев». Схожая ситуация и с брошюрой «На письма вероизменника В. Ф. Нежникова. Замечания и возражения» [3]. Стоит лишь подчеркнуть, что здесь дискредитация и навешивание ярлыков (что отображает хотя бы название этого текста) остается лишь методом, а не самоцелью, как в рассмотренной ранее брошюре. Схожи эти две брошюры с открытым письмом Д. В. Батова «Господину Приставу 4 части города Тулы» [2, л. 32–42]. Причиной написания этого письма, как пишет сам Денис Васильевич, стала «клевета» на него со стороны священника Д. Холопова. Холопов обвинял начетчика в том, что он со­вращал в «раскол» единоверцев и прихожан господствующей церкви, что Д. В. Батов отрицал.

Нами была обнаружена только одна брошюра, исходя из которой инициатором религиозного диспута выступили сами староверы: речь идёт о брошюре «Тульское-миссионерское беседословие» [35]. Данная публикация связана с проведенным публичной беседы Д. В. Батова с миссионером Шустовым в июне 1893 г. [35, л. 1] В ней Д. В. Батов осуждает излишнюю опасливость своих единоверцев и выступает за возможность публичных диспутов с представителями господствующей церкви [35, л. 3–4]. Исходя из этой брошюры, он сам инициировал это «беседословие» [35, л. 3–4]. Данный текст представляет собой своеобразный отчет о диспуте. Как и все ранее обозначенные тексты, он первоначально направлен на конкретного человека – миссионера Шустова, с которым Д. В. Батов вёл полемику. Однако обращение к персоне миссионера вторично, здесь Дионисий Васильевич концентрируется на своей аргументации в защиту старой веры. Реальная цель данного издания заключается в том, чтобы показать, как вести публичный диспут и продемонстрировать возможные аргументы для отстаивания позиций старой веры. Во многом данный текст является подтверждением того, что стремление к полемическому противостоянию исходило не только от сторонников господствующей церкви, но и от старообрядцев, в частности от Д. В. Батова. В то же время изначальная инициатива в проведении подобных бесед, как указывает сам Д. В. Батов, исходила от представителей господствующей церкви [35, л. 1]. Фактически он как бы инициирует собеседование, институализированное синодальной церковью. Свою инициативу он маскирует под инициативу официального православия. Батов видел в уклонении от подобных собеседований признак слабости, что могло быть использовано представителями синодальной церкви как аргумент против старообрядцев. Издание этого «отчета» говорит о нормализации публичных собеседований для самих старообрядцев.

Итак, все ранее рассмотренные нами тексты объединяет то, что они как бы изначально были обращены к конкретному лицу. Отсутствие этой особенности у изда-

ний «Старообрядческие униаты 19 столетия. Москва 1838 года» и «Броня правды» объясняется тем, что они не являлись оригинальными батовскими сочинениями, а лишь им издавались. Это подтверждается «названием» первой брошюры, Д. В. Батов практически всегда указывал дату выхода текста, который он цитировал или издавал. В данном случае он в название поместил дату выхода переиздаваемого им текста. В случае с «Броней правды» мы находим схожий вариант текста, изданный другим гектографистом и, судя по всему, примерно в одно время [27].

Брошюра «Старообрядческие униаты 19 столетия. Москва 1838 года» мотивирована тем, что «Христовой церкви, движимая самим адом: решился с помощью Всемогущего Бога просветить Благочестивых в их невежестве и отклонить их от гибельного падения, открыть и показать им зловерие различающих членов Православной церкви с униатскою (единоверческою – прим.)» [9, л. 1–об]. Таким образом, целевой аудиторией данной брошюры являются сами староверы, причем достаточно широкая часть, не только поморская. Во многом она рассчитана и на самих единоверцев. Несколько иначе обстоит дело с брошюрой «Броня правды», мотивация издания которой обусловлена распространением миссионерских бесед в последней четверти XIX в. [16, л. 2–5]. Эта брошюра скорее представляет из себя пособие для спора с миссионерами, а, следовательно, в первую очередь ориентирована на начетчиков. Обе эти брошюры интересны тем, что являются инструментами превентивной атаки в споре с представителями синодальной церкви и единоверцами. Декларируемая в них мотивация идёт, скорее, с позиции защиты старообрядческой веры, а не для прозелитизма.

Таким образом, можно сказать, что тексты, прямо направленные против господствующей церкви и единоверия, преследовали цель «защиты» поморского согласия на концептуально-религиозном уровне. Оборонительная позиция, видимо, диктовалась тем, что законодательство Российской империи предусматривало наказание за нападки на синодальную церковь. Нами в этих брошюрах не было обнаружено прямых выпадов против господствующей церкви, Д. В. Батов фокусируется преимущественно на достоинствах и верности старообрядческого пути к спасению. Тексты под авторством непосредственно Д. В. Батова первично были нацелены на конкретных людей, однако гектографический способ их издания говорит о том, что в реальности они были направлены на достаточно широкую аудиторию. В отдельных случаях Д. В. Батов стремился дискредитировать перешедшего в единоверие или в лоно господствующего православия, что иногда выходило за рамки только некорректной аргументации, а иногда становилось самоцелью. Изданные же брошюры, автором которых не являлся Денис Васильевич, не содержат в себе первичной нацеленности на конкретного человека, они преимущественно были материалами контраргументации в спорах с представителями господствующей церкви и с единоверцами. Стоит подчеркнуть, что первый тип текстов включает в себя элементы других.

Другим типом полемических текстов Д. В. Батова являются его историософские сочинения. К ним относятся: «О церковно-иерархических клятвах и значении их» [17], «Исторический взгляд современных ученых людей на греко-русский симонизм 676 года, по тысячи» [13], «О падении от благоверия греко-восточной церкви» [14], «Корень горести 1676 года» [10], «Елино-Русский 1666 года иерархический собор и его установления и последствия» [34], «Исторический взгляд» [2, л. 249–252]. Отметим, что исторические рассуждения в текстах Д. В. Батова встречаются практически везде, однако в остальных текстах обращение к прошлому является фрагментарным, в них его демонстрация не является какой бы то ни было целью, а лишь одним из инструментов в аргументации своей позиции.

Целью историософских брошюр является обоснование того, что к середине XVII в. «не русским у греков, а грекам у русских следует учиться истинной вере» [6, л. 15]. Такой емкий тезис характеризует в принципе весь корпус историософского блока. В данном типе работ прошлое является и средством – поскольку оно служит полемической цели обоснования неверности заимствования греческой модели православия; и самоцелью – поскольку Д. В. Батову необходимо показать процесс проведения реформ. Для достижения этих целей Д. В. Батов дает широкий греческий контекст с целью показать потерю греками божественной благодати. В то же время отечественный контекст его мало заботит – исходя из текстов Д. В. Батова, реформы произошли по прихоти Алексея Михайловича и патриарха Никона. Соответственно, вину за церковный раскол он целиком и полностью возлагает на них, что не выходит за рамки сложившейся среди староверов историософской традиции.

Третий тип текстов нацелен на утверждение отдельных догматов поморского согласия. Если тексты первой группы напрямую или отчасти могли быть используемы в полемическом противостоянии староверами всех или, во всяком случае, значимой части согласий, а вторая группа – в обосновании неправильности никоновской реформы в целом, то данная группа была нацелена на обоснование верности отдельных поморских догматов. К ним стоит отнести «Вопросы ожидающим чувственного явления святых Еноха, Илии и Иоанна Богослова и их сопровратника Антихриста» [19], «Кафолическая апология: на обличение ложного мнения буквалистов, ожидающих пришествие антихриста в самообразной личности» [12], «О поморских ответах. Список газеты “Сын отчества” 1886 г. №№ 140–142» [4; 29], «О творении четверописменной молитвы Иисусовой при осенении крестным знаменем» [33], «О причастии по христовой вере семью церковным таинствам» [2, л. 174–79], «О спасительных двустественности Иисуса Христа Бого-человека образованиях» [2, л. 180–196], «О приписках на изображении распятия Христова» [2, л. 231–234], «О разносложности имени Иисуса, обрятающейся в книге бесед святого Златоуста» [2, л. 241–245], «Святоотеческий взгляд на всемирно царствующего антихриста» [2, л. 253–256], «Сопровословие о таинстве покаяния» [2, л. 257–260], «О пениях на часах по блаженных трисвятого, и затем пред апостольским чтением прокинемов и пред Евангелием Аллилуйя» [2, л. 261–264] и стоящий особняком «О течении небесных святил» [32]. Все эти тексты продвигают сугубо поморские нарративы, указывают на верность отдельных догматических и идеологических особенностей этого направления (за исключением последней брошюры). Все данные тексты были нацелены на широкий круг читателей, сами поморцы могли вычленив обоснования своей веры и использовать отдельные их положения в религиозном диспуте, представители других религиозных направлений могли увидеть аргументы в пользу определенных догматов поморского согласия. В этом перечне выделяется брошюра «О течении небесных святил» в которой Д. В. Батов с опорой на отцов церкви и священное писание стремится доказать геоцентрическую систему мира [32]. Конечно, не стоит утверждать, что это говорит о «дремучести» Д. В. Батова, ведь как раньше, в XVIII в., духовенство господствующей церкви выступало за запрет переводов Коперника [1, с. 398–434], так и несколько позже Павел Флоренский настаивал именно на такой картине мира [41, с. 39–50]. Можно говорить о том, что в нашей стране религиозные деятели с XVIII до начала XX вв. пытались оспорить утвердившуюся научную картину мира, которая не согласовывалась с изначальной религиозной.

Четвертым типом текстов была нравоучительная группа. Она была нацелена на поддержание нравственных устоев в среде старообрядцев. К ним относились: «Семь грехов смертных» [15], «Житие преданных пределов мздовоздания» [2, л. 226–228], «О законовевенье» в котором говорится о том, что жить надо по законам Христа [2, л. 229–230], «... исповедание творить» [2, л. 243–244], «О... огнедышащих

гор» [2, л. 222–225]. Вся эта группа не фокусируется на обрядовой стороне, а предписывает то, что кажется Д. В. Батову нравственным вариантом поведения.

Пятый тип текстов был направлен против представителей поповского согласия, к ним относятся брошюры «Старообрядцам и нарицаемым австрийско-амвросиевским беглопоповцам» [28] и «Старообрядческим беглопоповцам и новообразовавшейся австрийско-старообрядческой иерархии последователям» [30]. Отметим, что оба текста практически идентичны. Данный тип текстов представлен в виде вопросов, на которые должны были бы ответить представители белокриницкого согласия. Разумеется, Д. В. Батов их составил таким образом, чтобы поставить поповцев идейно в затруднительное положение.

Однако Дионис Васильевич не только спорил по вопросам веры с представителями белокриницкой иерархии, но с ними и сотрудничал. Показательным является изданная им книга «Жизнь Амвросия, митрополита Белокриницкого» [20], в которой присутствуют пассажи в стиле «пришедши же в белокриницкий монастырь и рассмотрев все уставы и правила, которыми руководствуется старообрядческая церковь, митрополит Амвросий соизволил по правилам святых отцов, через святое миропомазание присоединиться к истинной святой соборной апостольской церкви, по правому исповеданию у единых старообрядцев, обретающейся» [20, л. 5]. Подобный фрагмент говорит об апологическом характере данной книги, в ней Денис Васильевич устраняется от полемики с поповским направлением староверов. Отметим, что данная книга не была за авторством Д. В. Батова, а являлась переизданием книги В. Мельникова [31]. Отметим, сравнивая два текста, мы не обнаружили каких бы то ни было расхождений и отступлений от оригинала.

Другим примером издательства поповского текста является «Броня правды», однако исходный текст и батовское издание существенно отличаются. Сравнивая поповский и батовский текст, мы видим прямое вмешательство Дениса Васильевича в оригинал. Различия прослеживаются уже в первом предложении, в более раннем тексте говорится: «Кто бывал на публичных духовных беседах, тот, вероятно, слышал, как защитники никонианской веры держатся правила, чтобы руководствоваться книгами, носящими на себе исключительно как бы печать безукоризненной и непререкаемой справе давности свидетельство русской цензуры» [31, л. 1]. В варианте, издаваемом Батовым, предложение сохраняет свою суть, но отличается в наполнении, у него первое предложение выглядит следующим образом: «Кто бывал на образовавшихся в истекающем 19 столетии противораскольничьих публичных миссионерских беседах, тот вероятно заметил, как защитники Никонианской веры держатся буквально правил, чтобы руководствоваться книгами старопатриархального печатного славянизма» [16, л. 1]. Более существенные изменения прослеживаются далее по тексту, к примеру автор этого сочинения является окружником и поэтому выступает за равнозначность в написании имени «Иисус» и «Исус» [31, л. 81–об.], в то же время для Батова этот вариант является в принципе недопустимым и поэтому он доказывает истинность исключительно второго варианта [16, л. 52–53]. Иными словами, если ранний текст является полемическим сочинением, отстаивающим позиции и представления конкретно белокриницкой иерархии, то батовский вариант, скорее, является обоснованием поморского понимания веры. По структуре тексты в принципе идентичны, за исключением четвертой части – если в белокриницком варианте речь идёт о «противоречиях» внутри господствующей церкви [31, л. 70–119–об.], то у Батова о «прекословиях», т. е. о нежелании подчиниться божественной воле в господствующей церкви [16, л. 52–60].

Структура в текстах Д. В. Батова представляет собою набор тезисов или же антитезисов, каждый из которых он подтверждает, как минимум тремя аргументами. Аргументация Дионисия Васильевича строится не только на доводах отцов церкви,

отрывках Священного писания и апологетах старой веры, но и на публикациях представителей инорелигиозной группы. Наиболее ярко это проявляется в его историко-философских сочинениях, где он обращается к «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева [17, л. 1], работам католика Цезаря Барония [19, л. 18], «Истории русского раскола» митрополита Макария [14, л. 20–об.], работам профессора и миссионера П. В. Знаменского [14, л. 12–13] и профессора и миссионера И. Ф. Нильского [13, л. 4–об.], критически он рассматривает работы Дмитрия Ростовского [11, л. 15]. При этом Батов соглашается с доктором и ординарным профессором Пенезица (псевдоним) о том, что все грехи идут от цивилизации и надо бы отчасти вернуться назад [3, л. 4–об.–6–об.], а также обращается к американскому астроному Р. А. Проктору, в работе которого находит подтверждение «скорого апокалипсиса» в 1897 г. [12, л. 47], и ряду иных авторов. Такой подход в аргументации и в обращении к текстам не своих единоверцев получил широкое хождение к концу XIX в. в старообрядческой среде [25, с. 177; 37, с. 135].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тексты Д. В. Батова, несмотря на следование четкой старообрядческой парадигме, имели заметное жанровое разнообразие. От жанра зависел как набор цитат, к которым обращался Д. В. Батов, так и стиль самих текстов. К примеру, для нравоучительных текстов был в целом характерен спокойный формат аргументаций и следование «жанровым канонам». Poleмические же тексты пестрили эпитетами, в них Батов был склонен к экспрессивным формам выражения, а иногда откровенной иронии. Само отношение к издательской деятельности у Дениса Васильевича, видимо, было преимущественно как к религиозному служению, а не способу заработка. Именно этим обосновывается то, что несмотря на преследование властями за подпольное издательство, периодическое изъятие текстов, гектографов и аресты, Денис Батов все равно продолжал активно этим заниматься.

Список источников и литературы

1. Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М.: Политиздат, 1990. 480 с.
2. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО) Ф. 3 Оп. 7 Д. 4943.
3. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 31.
4. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 32.
5. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 33.
6. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 34.
7. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 35.
8. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 36.
9. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 37.
10. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 42.
11. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 44.
12. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 45.
13. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 47.
14. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 48.
15. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 49.
16. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 50.
17. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 51.
18. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 52.
19. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 54.
20. ГУ ГАТО Ф. 664 Оп. 1 Д. 57.

21. *Есипова В. А.* Старообрядческие гектографированные издания: к вопросу о технике тиражирования, формате и целевом назначении // Вестник ЕДС. 2017. №3 (19). С. 169–186.
22. *Казанцева Т. Г.* Старообрядческое сочинение о темпе знаменного распева и реалии современной литургической практики // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. №3 (19). С. 130–144.
23. *Казанцева Т. Г.* Старообрядческие гектографированные издания певческих книг знаменной нотации // Книга: Сибирь – Евразия: труды I Международного научного конгресса. Т. 2. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2016. С. 48–58.
24. *Куприянова И. В.* Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации Российского общества (конец XIX – первая треть XX века): дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. Барнаул, 2018. 583 с.
25. *Мицук А. А.* Православные миссионеры и старообрядческие сообщества переселенческих деревень Западной Сибири: практики социальной коммуникации (конец XIX – начало XX вв.): дис. кад. ист. наук: 05.06.01 Томск, 2023. 226 с.
26. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ) Ф. 17 Т. 1 Д. 108.
27. ОР РГБ Ф. 579 Т. 1 № 77.
28. ОР РГБ Ф. 579 Т. 1 № 107.
29. ОР РГБ Ф. 579 Т. 1 № 108.
30. ОР РГБ Ф. 579 Т. 1 № 109.
31. ОР РГБ Ф. 579 Т. 2 № 202.
32. ОР РГБ Ф. 579 Т. 2 № 271.
33. ОР РГБ Ф. 579 Т. 2 № 289.
34. ОР РГБ Ф. 579 Т. 2 № 316.
35. ОР РГБ Ф. 579 Т. 2 № 338.
36. *Палкин А. С.* Отношение старообрядцев поморского согласия к единоверию: (на примере полемических сочинений И. И. Зыкова и Д. В. Батова из собрания Древлехранилища ЛАИ УрФУ) // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Екатеринбург, 2012. С. 372–376.
37. *Прокуратова Е. В.* Книжная и литературная традиция крестьян-старообрядцев Удорского края в конце XVIII – XX в.: дис. фил. наук: 10.01.01 Сыктывкар, 2002. 374 с.
38. *Скворцов Д. И.* Тульский поморский настоятель Денис Васильевич Батов // Тульские епархиальные ведомости. 1911. №3/4. С. 69–76.
39. *Соколов А. В.* Старовер с гектографом: жизнь Дениса Батова как феномен пореформенного старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 241–244.
40. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук / авт.- сост. Н.Ю. Бубнов. СПб: БАН, 2012. 460 с.
41. *Флоренский П. А.* Мнимости в геометрии М.: Поморье, 1922. 69 с.

References

1. Bogdanov, A 1990, *Pero i krest: Russkie pisateli pod tserkovnym sudom* (Pen and Cross: Russian Writers under Church Court), Politizdat Publ, Moscow. (In Russ.)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)* (State Archive of Tula Oblast (SATO), fund 3, inventory 7, file 4943. (In Russ.)
3. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 31. (In Russ.)
4. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 32. (In Russ.)
5. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 33. (In Russ.)
6. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 34. (In Russ.)
7. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 35. (In Russ.)
8. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 36. (In Russ.)
9. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 37. (In Russ.)
10. *GATO (SATO)*, fund 664, inventory 1, file 42. (In Russ.)

11. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 44. (In Russ.)
12. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 45. (In Russ.)
13. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 47. (In Russ.)
14. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 48. (In Russ.)
15. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 49. (In Russ.)
16. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 50. (In Russ.)
17. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 51. (In Russ.)
18. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 52. (In Russ.)
19. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 54. (In Russ.)
20. GATO (SATO), fund 664, inventory 1, file 57. (In Russ.)
21. Esipova, VA 2017, 'Staroobryadcheskie gektoografirovannye izdaniya: k voprosu o tekhnike tirazhirovaniya, formate i celevom naznachenii' (The Old believer's hectographed editions: the question of printing technique, format and purpose), *Vestnik EDS* (Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary), no. 3 (19), pp. 169–186. (In Russ.)
22. Kazantseva, TG 2015, 'Staroobryadcheskoe sochinenie o tempe znamennoogo raspeva i realii sovremennoj liturgicheskoy praktiki' (Old Believers' work about a tempo of znamenny chant and the realities of contemporary liturgical practice), *Vestnik PSTGU. Seriya 5: Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva* (Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Episode 5: Questions of the History and Theory of Christian Art), no. (19), pp. 130–144. (In Russ.)
23. Kazantseva, TG 2016, 'Staroobryadcheskiye gektoografirovannye izdaniya pevcheskikh knig znamennoy notatsii' (Old Believers' hectographed editions of singing books of znamenny notation), in *Kniga: Sibir' – Evraziya: trudy I Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. T. 2.* (Book: Siberia – Eurasia: proceedings of the First International Scientific Congress. Vol. 2), GPNTB SO RAN Publ, Novosibirsk, pp. 48–58. (In Russ.)
24. Kupriyanova, IV 2018, 'Staroobryadchestvo Altaya v usloviyakh radikal'noy transformatscii Rossiyskogo obshchestva (konets XIX – pervaya tret' XX veka)' (The Old Believers of Altai in the context of the radical transformation of Russian society (late 19th – first third of the 20th century)), doctoral thesis, Altai State University, Barnaul. (In Russ.)
25. Mitsuk, AA 2023, 'Pravoslavnye missionery i staroobryadcheskie soobshchestva pereselencheskikh dereven' Zapadnoy Sibiri: praktiki social'noy kommunikatsii (konets XIX – nachalo XX vv.)' (Orthodox Missionaries and Old Believer communities of resettlement villages in Western Siberia: Social Communication Practices (late 19th – early 20th centuries)), PhD thesis, Tomsk State University, Tomsk. (In Russ.)
26. *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (OR RGB)* (Department of Manuscripts Russian State Library (DM RSL)), fund 17, vol. 1, file 108. (In Russ.)
27. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 1, no. 77. (In Russ.)
28. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 1, no. 107. (In Russ.)
29. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 1, no. 108. (In Russ.)
30. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 1, no. 109. (In Russ.)
31. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 2, no. 202. (In Russ.)
32. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 2, no. 271. (In Russ.)
33. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 2, no. 289. (In Russ.)
34. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 2, no. 316. (In Russ.)
35. *OR RGB* (DM RSL), fund 579, vol. 2, no. 338. (In Russ.)
36. Palkin, AS 2012, 'Otnoshenie staroobryadtsev pomorskogo soglasiya k edinoveriyu: (na primere polemicheskikh sochineniy I. I. Zyкова i D. V. Batova iz sobraniya Drevlekhranilishcha LAI UrFU)' (The attitude of the Old Believers of the Pomeranian accord to the Same faith: (on the example of the polemical writings of I. I. Zykov and D. V. Batov from the collection of the Ancient Repository of LAI UrFU)), in *Informacionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii* (Information support of science: new technologies), Ekaterinburg, pp. 372–376. (In Russ.)
37. Prokuratova, EV 2002, 'Knizhnaya i literaturnaya tradiciya krest'yan-staroobryadcev Udorskogo kraja v konce XVIII – XX v.' (The book and literary tradition of the Old Believers of the Udora region in the late 18th-20th century), PhD thesis, Vologda State Pedagogical University, Syktyvkar. (In Russ.)

38. Skvortsov, DI 1911, 'Tul'skiy pomorskiy nastoyatel' Denis Vasil'evich Batov' (Tula Pomeranian rector Denis Vasilyevich Batov), *Tul'skie eparhial'nye vedomosti* (Tula Diocesan Gazette), no. 3/4, pp. 69–76. (In Russ.)
39. Sokolov, AV 2019, 'Starover s gektografom: zhizn' Denisa Batova kak fenomen poreformennogo staroobryadchestva' (An Old Believer with a hectograph: the life of Denis Batov as a phenomenon of post-Reformation Old Believers), *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* (Old Believers: history, culture, modernity), no. 18, pp. 241–244. (In Russ.)
40. Bubnov, NYu 2012, *Staroobryadcheskie gektografirovannye izdaniya Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk* (Old Believers' hectographed editions of the Library of the Russian Academy of Sciences), BAN Publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
41. Florensky, PA 1922, *Mnimosti in Geometry* (Imaginarities in Geometry), Pomor'e Publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.10.2024
Одобрена после рецензирования: 30.11.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 16.10.2024
Approved after reviewing: 30.11.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-54-63>

«БЕЖЕНСКИЕ ШКОЛЫ» В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**Оксана Викторовна
Шевелева**¹

**Светлана Михайловна
Маркова**²

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия

¹ oksana-sheveleva@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6934-4766>

² svetlanka-m3@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-5596-1261>

Аннотация. В настоящее время в связи со сложной геополитической ситуацией для мирового сообщества интерес к беженцам как сложному историческому и социальному явлению заметно возрос. Поэтому обращение к опыту царской России в решении подобных проблем может быть интересным и поучительным. В статье рассматривается процесс организации и осуществления эвакуации учебных заведений с территорий, охваченных боевыми действиями в период Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. Исследование выполнено на основе опубликованных источников и материалов государственного архива Тульской области (далее ГАТО). В качестве архивных источников при написании статьи были использованы в первую очередь документы фонда канцелярии тульского губернатора (Ф. 90), фонда Тульского губернского жандармского управления Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 1300), а также фонд эвакуированной в Тульскую губернию из предместья Варшавы Прагской мужской гимназии (Ф. 547). Особое внимание уделяется нормативно-правовой базе существования «беженских школ», мерам государственного попечительства по отношению к детям-беженцам, учителям и их семьям, а также влиянию на деятельность указанных учебных заведений со стороны общественных организаций и национальных комитетов. На региональном материале Тульской губернии авторами выявлен ряд проблем, с которыми столкнулись эвакуированные учебные заведения. В первую очередь, к ним относились бытовые сложности, нехватка специальных учебных помещений, учителей, многие из которых были призваны в действующую армию. Кроме того, актуальной являлась проблема инкультурации в социокультурном пространстве центральных губерний России лиц неправославного вероисповедания. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на тяготы военного времени, власти Российской империи уделяли большое внимание организации эвакуации учебных заведений, их сотрудников и учащихся из западных прифронтовых районов. Существующие проблемы решались зачастую с привлечением общественности – национальных комитетов и общественных благотворительных организаций по оказанию помощи беженцам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Тульская губерния, эвакуация, дети-беженцы, «беженские школы», Прагская мужская гимназия.

Для цитирования: Шевелева О. В., Маркова С. М. «Беженские школы» в Тульской губернии в годы Первой мировой войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 54–63. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-54-63>

Сведения об авторах: О. В. Шевелева – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии, доцент института туризма и креативных индустрий, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125;
С. М. Маркова – кандидат исторических наук, директор института туризма и креативных индустрий, доцент кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Шевелева О. В., Маркова С. М., 2024

Scientific Article
UDC 94(47).083
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-54-63>

REFUGEE SCHOOLS IN TULA PROVINCE DURING THE WORLD WAR I

*Oksana V. Sheveleva*¹

*Svetlana M. Markova*²

^{1,2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia

¹ oksana-sheveleva@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6934-4766>

² svetlanka-m3@yandex.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-5596-1261>

Abstract. Currently, due to the difficult geopolitical situation, the interest of the world community in refugees as a complex historical and social phenomenon has increased significantly. Therefore, turning to the experience of Tsarist Russia in solving such problems can be interesting and instructive. The article considers the process of organizing and implementing the evacuation of educational institutions from the territories covered by military operations during the World War I of 1914 – 1918. The basis for the study is published sources and materials of the State Archive of the Tula Region (hereinafter GATO). As archival sources when writing the article, the authors use documents from the fund of the Tula Governor's Office (Fund 90), the fund of the Tula Provincial Gendarme Department of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs (Fund 1300), as well as the fund of the Prague Boys Secondary School evacuated to the Tula Province from the suburbs of Warsaw (Fund 547). The authors pay special attention to the legal and regulatory basis for the existence of 'refugee schools', the measures of state care towards refugee children, teachers and their families, as well as the influence of public organizations and national committees on the activities of these educational institutions. Using regional material from the Tula province, the authors identify a number of problems that evacuated educational institutions faced. First of all, these included: domestic difficulties, lack of special educational facilities, teachers, many of whom were drafted into the active army. In addition, the problem of enculturation of non-Orthodox people in the Russian central provinces socio-cultural space was also topical. The authors come to the conclusion that, despite the hardships of wartime, the Russian Empire authorities paid great attention to organizing the evacuation of educational institutions, their employees and students from the western front-line areas. The communities - national committees and public charity organizations to assist refugees – were often involved in solving existing problems.

Keywords: World War I, Tula province, evacuation, refugee children, refugee schools, Prague Boys Secondary School.

For citation: Shevelyova, OV & Markova SM 2024, 'Refugee Schools in Tula Province During the World War I', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 54–63, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-54-63> (in Russ.)

Information about the Authors: *Oksana V. Sheveleva* – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Archeology, Associate Professor of the Institute of Tourism and Creative Industries, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia; *Svetlana M. Markova* – Candidate of Sciences (History), Head of the Institute of Tourism and Creative Industries, Associate Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Испокон веков людям приходилось покидать свои дома и родные места, чтобы спастись от вооруженных конфликтов. Однако до XX в. не существовало каких-либо универсальных норм в отношении защиты таких людей. Оказание помощи, как правило, организовывалось на местном уровне и носило локальный характер. В этот непростой процесс были втянуты и дети, для которых нужно было не только решать бытовые проблемы, но и организовывать процесс обучения на новом месте и оказывать им особое внимание в плане попечения и адаптации.

Актуальность исследования связана с тем, что в современном мире проблема миграций в целом и беженства в частности по-прежнему остается значимой. Общество, сталкиваясь с этими проблемами, так или иначе, обращается к историческому опыту организации помощи беженцам. Первая мировая война как глобальный военный конфликт повлекла за собой большое количество широкомасштабных процессов, в первую очередь миграционных. Многие люди из западных губерний Российской империи были вынуждены уезжать от военных действий в тыловые районы страны.

Несмотря на многочисленные исследования истории Первой мировой войны, многие ее аспекты долгое время оставались вне сферы изучения историками. Это относится и к проблеме беженства в период глобального мирового конфликта. Уже во время Первой мировой войны появились работы, обобщающие опыт помощи беженцам в разных регионах Российской империи. Здесь следует выделить труды М. Д. Загряцкого и М. М. Щепкина, посвященные деятельности Всероссийского земского союза. Большинство дореволюционных трудов являются историческими источниками и содержат информацию о численном, национальном, социальном составе беженцев, местах их временного размещения, законодательстве в отношении беженцев, мерах их государственной поддержки и участии общественных организаций в деле помощи беженцам.

В советской историографии вопрос беженства практически не рассматривался, а общественные организации, занимавшиеся проблемами беженцев, характеризовались как буржуазные, и внимание уделялось в основном их участию в экономической и общественно-политической жизни предреволюционной России.

В современной историографии наблюдается рост интереса к различным аспектам Первой мировой войны, особенно в связи со 100-летней годовщиной этого события. Уже в 1990-е гг. появились исследования, посвященные помощи беженцам в отдельных регионах страны. К ним следует отнести работы А. Н. Курцева и Н. В. Лахаревой о беженцах Курской губернии, М. В. Лаврентьева, В. В. Хасина о миграционных процессах в Поволжье, И. П. Щерова – в Смоленской губернии, Н. М. Иванова – в Петрограде. Ряд современных исследований посвящен проблеме еврейских беженцев на территории России. В первую очередь здесь необходимо выделить диссертационное исследование М. А. Златиной. В работах П. П. Щербинина проанализирована проблема помощи детям-сиротам из числа беженцев и организация их дальнейшего обучения и воспитания.

Таким образом, в современной исторической науке наметился стойкий интерес к проблемам беженства в период Первой мировой войны. Однако, несмотря на появление целого ряда работ, проблема эвакуации учебных заведений и организации образования для детей-беженцев по-прежнему мало затрагивается в исследованиях. Целью настоящей статьи является рассмотрение организации и осуществления эвакуации учебных заведений, их размещения и возобновления учебной работы на примере типичной тыловой Тульской губернии.

В период Первой мировой войны забота о беженцах стала не только государственной задачей, значительную часть решения проблем взяли на себя обществен-

ные организации. 30 июня 1915 г. было издано положение «Об обеспечении нужд беженцев». Согласно документу к беженцам относились «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств», за исключением лиц, высланных из района военных действий под надзор полиции [14].

С самого начала массового движения беженцев в 1915 г. руководство этим процессом было возложено на МВД. В его составе было образовано особое управление – Отдел по устройству беженцев. Особо отметим, что среди мигрантов значительную часть составляли дети, учащиеся различных учебных заведений, которые также подлежали эвакуации из прифронтовой зоны. В связи с этим в помощь МВД было привлечено Министерство народного просвещения, которое непосредственно организовывало эвакуацию учебных заведений.

Правительство стремилось контролировать эти процессы и оказывать всестороннюю помощь беженцам. На местах предполагалось создать «особые комитеты» для этих целей. Однако эти задачи требовали координации усилий не только государственных органов, но и многочисленных организаций по всей империи, занимавшихся помощью беженцам. 26 сентября 1915 г. было проведено Особое совещание по обеспечению нужд беженцев, где было отмечено, что одним из важнейших вопросов является забота о детях-беженцах, которые составляли «громадное большинство» [17, с. 51]. Многие из них в 1914 – 1917 гг. оказались и в Тульской губернии.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Тульской области, связанные с эвакуацией школ из западных губерний Российской империи и их функционированием на территории Тульской губернии. Авторами, в частности, использовались фонды канцелярии тульского губернатора (Ф. 90), а также фонд эвакуированной в Тульскую губернию и предместья Варшавы Прагской мужской гимназии (Ф. 547). Ряд архивных источников, касающихся Прагской мужской гимназии, введен в оборот впервые.

Также в работе привлекались опубликованные источники – очерки и обзоры деятельности Всероссийского земского и городского союзов, которые как общественные организации занимались оказанием помощи больным, раненым, а также беженцам. В качестве законодательных источников, позволивших проследить хронологию и содержание нормативно-правовых актов, регулирующих правовое положение беженцев в Российской империи, использовано Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.

В статье применялись следующие методы: сравнительно-исторический (позволил выявить общегосударственные тенденции и провинциальные особенности в системе эвакуации и организации «беженских» школ на местах; историко-типологический (установлена ведомственная принадлежность, территориальное размещение учебных заведений).

Результаты

Ввиду наступивших военных действий и местным, и центральной властям было понятно, что учебный 1914 – 1915 год в западной части Российской империи начнется не во всех школах. Уже летом – осенью 1914 г. появились и первые беженцы в центральных губерниях, однако этот процесс пока еще не носил массового характера. Тем не менее министр народного просвещения уже 2 августа 1914 г. выпустил распоряжение, в котором просил попечителей учебных округов принимать детей-беженцев в соответствующие классы без всяких препятствий [9, с. 28]. А 14 августа было дано разъяснение и дополнение к прежнему распоряжению, в котором было особо оговорено положение беженцев-учащихся иудейского вероисповедания.

В этом учебном году их разрешали принимать в любые учебные заведения, даже если в них по существующим нормам не было вакансий для данной национальности [9, с. 28–29]. Тогда же вышло распоряжение министра народного просвещения о приостановке на время войны приема детей германских, австрийских и венгерских подданных в учебные заведения всех наименований. Отметим, что этот порядок не распространялся на учащихся, принадлежащих к чешской национальности [9, с. 32].

Под особым вниманием властей были Варшавский и Киевский учебные округа, где уже в первые месяцы войны складывалась опасная ситуация. В августе 1914 г. главнокомандующий разрешил занимать учебные заведения Варшавы под госпитали и лазареты. В распоряжении Министерства народного просвещения особо отмечалось: «...Все требования военных властей относительно помещения учебных заведений под лазареты подлежат неукоснительному исполнению» [6, л. 21]. Эти обстоятельства и ситуация на фронте ставили учебные заведения перед необходимостью эвакуации.

20 августа 1914 г. утверждены «Временные положения о вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» [2]. В документе определялись не только правила перевозки служащих и их семейств, но и порядок обеспечения пособиями и суточными деньгами эвакуируемых. Начальники некоторых средних учебных заведений Варшавского и Киевского учебных округов частично успели эвакуировать важнейшее имущество во внутренние города России. Учащимся таких учебных заведений предоставлялось право без экзаменов быть зачисленными в те же классы учебных заведений в тылу. Особо оговаривалось, что если мест для беженцев в учебных заведениях не хватит, то открывать временные дополнительные классы. Если не будет хватать свободных помещений, то можно организовывать обучение в две смены или нанимать дополнительные помещения. Проблему нехватки педагогического персонала предполагалось частично решить за счет преподавателей из тех же эвакуированных учебных заведений [9, с. 31].

После тяжёлого поражения на Западном фронте летом 1915 г. ставка приняла решение об организованном отступлении русских войск. Были потеряны не только все завоевания 1914 г., но и Польша, являющаяся важной частью Российской империи. Можно только догадываться, насколько болезненно это было воспринято властью и обществом, учитывая всю сложность национальных и сепаратистских настроений среди поляков. По данным жандармского управления на территории Польши возникла некая организация, которая призывала солдат-поляков расходиться по своим деревням, так как теперь им уже нет оснований нести службу русскому царю. Якобы королём Польши теперь будет назначен младший брат Вильгельма II, а германское правительство обещало возместить им причинённые войной убытки [8, л. 119]. Такое положение дел на Западном фронте обострило проблему беженцев, которые теперь мощным потоком хлынули в центральные губернии России.

Приток беженцев в Тульскую губернию начался со второй половины июля 1915 г. Движение их было для всех настолько неожиданным, что ни специальных питательных, ни распределительных пунктов, ни мало-мальски организованной помощи не было. И проблема заключалась не только в том, что беженцев надо было накормить, где-то разместить и устроить на работу, но и в том, что их хаотично-стихийное распределение по губерниям таило в себе опасность распространения epidemий, увеличение смертности, преступности, а также шпионажа. Большинство из прибывших беженцев потеряли все – землю, дом, имущество, привычный уклад жизни. Уже к 1 декабря 1915 г. в Тульской губернии официально насчитывалось

33512 беженцев [5, л. 103]. Из них в самой Туле насчитывалось 9950 беженцев обоего полу, из которых большинство составляли поляки (3697 чел.), русские (3220 чел.) и литовцы (1269 чел.), а также другие национальности: евреи, латыши, немцы, сербы и пр. (68) [11, с. 43].

Прежде всего надо было вести регистрацию всех прибывающих в губернию. Для этого были разработаны специальные карточки учета. Для устройства беженцев были образованы губернский и уездные земские комитеты, а также Тульский городской комитет, которые занимались размещением беженцев по городам и селениям, выдавали им пайки, одежду, подыскивали работу и место учебы. Вместе с ними в губернии стали образоваться национальные комитеты помощи беженцам: польские, еврейские, литовские и латышские. К концу в 1915 г. в Тульской губернии насчитывалось 98 благотворительных организаций, которые ведали делом призрения беженцев [11, с. 43]. На помощь беженцам только за 1915 г. Тульская губерния потратила 555000 руб. из средств казны и ещё 135211 руб. – из комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, не считая тех средств, которые были потрачены различными национальными и благотворительными организациями [5, л. 107].

Какой же процент от этой массы беженцев составляли несовершеннолетние граждане Российской империи? По отчетам Департамента народного просвещения от 12 октября 1915 г. в Тульской губернии официально был зарегистрирован 781 ребенок-беженец. При этом признавалось, что это цифра ниже действительной, так как, во-первых, она менялась с каждым днем, и во-вторых, включала только официально зарегистрированных беженцев [3, л. 3].

Кроме острых бытовых вопросов, центральные и местные власти не оставляли без внимания проблемы, связанные с обучением беженских детей. Первой проблемой, с которой столкнулись местные власти, была нехватка мест в учебных заведениях. Чтобы всех разместить и наладить более-менее нормальный образовательный процесс, в ряде учебных заведений стали прибегать ко вторым сменам. Однако в условиях сельской местности внедрить такую практику оказалась проблематичным, так как недостаток освещения и позднее возвращение детей из школы делало занятия во вторую смену мало осуществимым.

Второй проблемой стала нехватка педагогических кадров, особенно для национальных (польских или литовских) школ. К преподаванию в этих учебных заведениях активно привлекали учителей из беженцев. Накануне войны в Тульской губернии действовало 2060 учебных заведений, из которых 122 находились в Туле. Из всей этой разнородной массы (учебные заведения относились к различным министерствам и ведомствам) только одно имело строгую национальную окраску. В губернском городе действовало еврейское учебное заведение, в котором обучалось 88 учеников [10, с. 114]. Ни польских, ни литовских школ в Тульской губернии не было, поэтому с обучением детей беженцев этих национальностей возникли определенные проблемы. Требовались не только учителя, но и учебно-методическая литература на их родных языках. Проблемы с нехваткой кадров заключались еще и в том, что продолжался призыв в действующую армию, в том числе и педагогического персонала.

На помощь детям-беженцам порой приходила сама общественность Тулы. В ежедневнике С. А. Толстой от 18 ноября 1915 г. есть такая запись: «Шью одеяльце беженцам; Таня ездила на Засеку и рассказывает ужасы про их нищету; дети в школу ходят босые, у многих на плечах легкие кофточки, надеты короткие юбочки, и больше нечего» [16]. Активно на помощь беженцам пришли прежде всего национальные комитеты, которые имелись в губернии. Уже в октябре 1915 г. председатель польского комитета в г. Туле И. Кончаковский через попечителя Варшавского учебного округа обратился к тульскому губернатору А. Н. Тройницкому с ходатайством

об открытии в доме Министерства народного просвещения частного начального училища с польским языком преподавания [4, л. 4]. В ноябре 1915 г. с подобной просьбой обратился состоящий в должности члена Тульского окружного суда статский советник Л. Л. Бохвиц. Он просил об открытии в здании двухклассного училища при станции «Тула» Московско-Курской железной дороги частной польской школы для детей – беженцев польского происхождения по закону от 1 июля 1914 г. [4, л. 1]. Еще одна просьба поступила от уполномоченного тульского отдела литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны г. Марцинкевича об открытии в Туле низшего одноклассного начального училища для литовских детей [4, л. 6]. Закон от 1 июля 1914 г. «Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» легализовал в стране все виды негосударственных учебных заведений, а также упростил порядок их создания.

Тогда же, осенью 1915 г., педагогическая общественность Тульской губернии обратилась с предложением к губернатору о созыве совместного совещания учителей, преподавателей и школьных врачей. На нём предлагалось обсудить самые разные вопросы: от мер против распространения заразных болезней среди учащихся до учреждения общества вспомоществования нуждающимся и педагогической помощи для детей-беженцев и призванных на войну [4, л. 2]. Все вышеперечисленные инициативы вызвали положительную реакцию у тульского губернатора Н. А. Тройницкого.

Летом 1915 г. в Тулу были организованно эвакуированы Прагская мужская гимназия (позже переименованная во 2-ю Тульскую мужскую гимназию) и Минская школа ремесленных учеников [12, с. 32, 40]. Прагская мужская гимназия была открыта в 1885 г. в Варшаве в предместье Прага (отсюда и название), и к началу эвакуации в ней насчитывалось 568 учеников и 36 служащих [7, л. 3–5]. Первоначально она была размещена в здании Тульского коммерческого училища на Петропавловской (позже Коммерческой) улице. Минскую школу ремесленных учеников разместили в здании Тульского ремесленного училища. Несмотря на то что занятия проводились в вечернее время, учебных помещений все равно не хватало, поэтому новый учебный 1916 – 1917 год гимназия начала в здании Тульского реального училища.

В Государственном архиве Тульской области есть отдельный фонд Прагской мужской гимназии, который содержит 70 дел с 1900 по 1918 гг. По сохранившимся документам можно проследить историю данного учебного заведения от строительства здания в Варшаве до эвакуации гимназии и её работе в Туле. Это протоколы заседаний педагогического совета, отчеты о состоянии гимназии, правила проведения экзаменов, сведения об успеваемости учащихся, прошения об освобождении от платы за обучение детей, аттестаты зрелости учеников, дела о службе и личные дела преподавателей. Весь этот массив документов позволяет на примере данного учебного заведения проследить главные проблемы, с которыми столкнулись «беженские» школы в России в годы Первой мировой войны.

После эвакуации число учащихся Прагской гимназии значительно уменьшилось: если на 1 января 1915 г. в гимназии обучалось 568 учащихся, то на 1 января 1916 г. – 170 человек. При гимназии не было пансиона, в Варшаве все ученики проживали с родителями или лицами, их заменяющими. В Туле большинство учеников (148 из 170) также жили с родителями, только 22 – на ученических квартирах [7, л. 44]. До эвакуации большинство учащихся было римско-католического вероисповедания. Из 568 учеников в 1915 г. 282 были католиками, 181 – православными, остальные – иудеями. В 1916 г. большинство учеников было православными – 121, католического вероисповедания – 25 [4, л. 45], что свидетельствует о том, что в цен-

тральные губернии империи уезжали в основном семьи русские и православные. Сократился педагогический состав гимназии. Так, в Памятной книжке на 1917 г. должность учителя польского языка в эвакуированной Прагской школе значится вакантной, несколько учителей были призваны на фронт. Всего из гимназии было призвано 9 человек, среди которых и гимназический врач А. Трубин, потому уже с 1915 г. к ученикам вызывался в случае болезни частнопрактикующий врач, который оплачивался из средств гимназии [7, л. 48]. Пострадала учебно-материальная база гимназии. При эвакуации из Варшавы не удалось вывести библиотеки, физический и естественнонаучный кабинеты и т. п. [7, л. 46]. Все это в совокупности сказалось на общей успеваемости учащихся. В отчете о состоянии Прагской мужской гимназии за 1915 г. отмечается, что средняя успеваемость упала: в 1915 г. она составила 70,92 % против 86,21 % в 1914 г. [7, л. 48].

В то время на Западном фронте в качестве уполномоченного Всероссийского земского союза работала младшая дочь Л. Н. Толстого – Александра Львовна. Ей поручили организовать работу с местными детьми, чьи семьи, жившие в прифронтной полосе, не захотели эвакуироваться в тыл. Толстая вспоминала: «Дети остались без школ. Мне поручили организовать школы-столовые по всему Западному фронту» [15, с. 38]. Набрав в Москве нужное количество сестер милосердия и учительниц, Александра Львовна прибыла в Минск, где ей предстояла большая работа: «Почти все время я была в разъездах. Надо было найти помещения для детских школ-столовых, наладить снабжение, достать оборудование и пособия для школ. Некоторые школы-столовые пришлось устроить под землей, в блиндажах» [15, с. 38]. Эти дети нуждались не только в уроках, но и питании. Работа была опасной, так как фронт был совсем рядом. Закончив организацию школ-столовых, Александра Львовна передала их своей невестке Софье Николаевне Толстой, жене брата Ильи Львовича, а сама была переброшена на другой фронт работы.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что несмотря на обстоятельства военного времени, сложности на фронте и в тылу, власти не оставляли без внимания не только вопросы эвакуации и размещения беженцев, но и образования детей. Уже буквально с первых недель войны ряд законов, принятых центральными властями, касались вопросов организации учебного процесса, как в прифронтных районах, так и в удаленных от театра боевых действий губерниях. Под особым надзором со стороны власти и общественности были дети-беженцы вне зависимости от их социального статуса и национальности.

Первой проблемой, с которой столкнулись центральные и местные власти, стала организация эвакуации учебных заведений из Западного военного округа. Этот процесс происходил не без сложностей, тем не менее можно отметить грамотный подход со стороны властей к решению этого вопроса. В эвакуацию за счет казны отправляли не только сотрудников и учащихся с их семьями, но старались вывозить и имущество этих учебных заведений. Вторая проблема, которая особенно остро обозначилась с 1915 г., – нехватка мест в учебных заведениях в тылу. Для решения этой проблемы прибегали к различным мерам: убрали существующий ценз для детей иудейского вероисповедания, открывали дополнительные классы, вводили вторые смены, нанимали дополнительные помещения.

Еще одной проблемой стал процесс обучения часто не говорящих по-русски детей-беженцев польской и литовской национальностей, которые оказались вырванными из своей привычной культурно-языковой среды. В центральных губерниях не хватало педагогических кадров, которые могли бы работать с такими учащимися. Требовались не только учителя, но и учебно-методическая литература на их родных языках. Помощь в решении этой проблемы оказали национальные комите-

ты, которые в большом количестве стали возникать в тылу. Они не только оказывали всевозможную материальную и денежную помощь беженцам, но и обращались к местным властям с просьбами об открытии за их счет небольших польских или литовских классов. Также война обозначила проблему нехватки педагогического персонала, так как многие учителя были призваны на фронт. Её частично удавалось решать за счет преподавателей из тех же эвакуированных учебных заведений, однако документы военных лет показывают, что некоторые должности так и оставались вакантными.

Список источников и литературы

1. Антонова Ю. В. Организация помощи беженцам в Тульской губернии в годы Первой мировой войны // Тульский краеведческий альманах. 2015. Вып. 12. С. 62–67.
2. Временное положение о вывозе за счет казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств : утв. 20 авг. 1914 г. и др. материалы. Петроград, 1914. 16 с.
3. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 90. Оп. 1. Т. 2. Д. 3360.
4. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 47. Д. 41544.
5. ГУ ГАТО. Ф. 90. Оп. 6. Д. 763.
6. ГУ ГАТО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 45.
7. ГУ ГАТО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 53.
8. ГУ ГАТО. Ф. 1300. Оп. 3. Д. 765.
9. Зуйков В. Г. Законы и распоряжения по обстоятельствам военного времени. Киев: Киев. учеб.-окр. упр., 1914. 40 с.
10. Обзор Тульской губернии за 1913 год. Тула: Губ. тип., 1915. 115 с.
11. Отчет о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев с 22 июля 1915 г. по 1 января 1916 г. / Всерос. союз городов. Тула, 1916. 65 с.: табл.
12. Памятная книжка Тульской губернии на 1916 г. / Изд. Тул. ГСК ; под ред. чл. ком., и.о. секр. Е. И. Скабаллановича Тула: Тип. Губ. правл., 1916. X, 8, 220, 46, 104, LVIII с.
13. Памятная книжка Тульской губернии на 1917 г. Тула, 1917. 128 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел 1. Петроград, 1915. № 242. Ст. 1842.
15. Толстая А. Л. Дочь. М.: Вагриус, 2000. 556 с.
16. Толстая С. А. Ежедневники: 1915 г. // Лев Николаевич Толстой : сайт. [Б. м.], 2000–2024. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstaya-ezhednevnik/1915.htm?ysclid=m45ntw13x7193723415> (дата обращения: 01.12.2024)
17. Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы Первой мировой войны: 1914 – 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Цовян Давид Грантович. М., 2005. 216 с.

References

1. Antonova, YuV 2015 ‘Organizatsiya pomoshchi bezhentsam v Tulskey gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny’ (Organization of assistance to refugees in the Tula province during the First World War), *Tulskiy krayevedcheskiy almanakh* (Tula Regional Studies Almanac), vol. 12, pp.62–67. (In Russ.)
2. *Vremennoye polozheniye o vyvoze na schetkazy, po voyennym obstoyatelstvam, gosudarstvennogo imushchestva, pravitelstvennykh uchrezhdeniy, sluzhashchikh i ikh semeystv* (Temporary regulations on the export, at the expense of the treasury, due to military circumstances, of state property, government institutions, employees and their families) 1914, Petrograd. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Tulskoy oblasti (GATO)* (State Archive of the Tula Region), fund 90, inventory 1, vol. 2, file 3360. (In Russ.)

4. GATO, fund 90, inventory 1, vol. 47, file 41544. (In Russ.)
5. GATO, fund 90, inventory 6, file 763. (In Russ.)
6. GATO, fund 547, inventory 1, file 45. (In Russ.)
7. GATO, fund 547, inventory 1, file 53. (In Russ.)
8. GATO, fund 1300, inventory 3, file 765. (In Russ.)
9. Zuykov, VG 1914, *Zakony i rasporyazheniya po obstoyatelstvam voyennogo vremeni* (Laws and regulations for wartime circumstances), Kiyev. ucheb.-okr. upr. publ, Kiyev. (In Russ.)
10. *Obzor Tul'skoy gubernii za 1913 god* (Review of Tula province for 1913) 1915, gubernskaya tip. publ, Tula. (In Russ.)
11. *Otchyot o deyatelnosti Tul'skogo gorodskogo komiteta po prizreniyu bezhentsev s 22 iyulya 1915 g. po 1 yanvarya 1916 g.* (Report on the activities of the Tula City Committee for the Care of Refugees from July 22, 1915 to January 1, 1916.) 1916, Tula. (In Russ.)
12. Skaballanovich, YeI (ed.) 1916, *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1916 g.* (Memorable book of Tula province for 1916), tip. gub. pravl. publ, Tula. (In Russ.)
13. *Pamyatnaya knizhka Tul'skoy gubernii na 1917 g.* (Memorable book of Tula province for 1917) 1917, Tula. (In Russ.)
14. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy pravitelstva, izdavayemoye pri Pravitelstvuyushchem Senate* (Collection of laws and regulations of the government, issued by the Governing Senate) 1915, d.1, no. 242, art. 1842, Pg. (In Russ.)
15. Tolstaya, AL 2000, *Doch* (Daughter), Vagrius publ, Moscow. (In Russ.)
16. Tolstaya, SA, *Yezhednevnik: 1915 g.* (Diaries. 1915), *Lev Nikolayevich Tolstoy*, viewed 1 December 2024, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/tolstaya-ezhednevnik/1915.htm?ysclid=m45ntwl3x7193723415> (In Russ.)
17. Tsovyan, DG 2005, *Deyatel'nost gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsiy po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914 – 1917 gg.* (Activities of government bodies and public organizations to provide assistance to refugees in Russia during the First World War. 1914 – 1917.), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)

Вклад авторов:

Шевелева О. В. – идея статьи, сбор материала (работа в ГАТО с фондами № 90 и № 1300), обработка материала, написание основной части статьи.

Маркова С. М. – сбор материала (работа в ГАТО с фондом № 547), обработка материала, написание введения и заключения статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors:

Oksana V. Sheveleva – the idea of the article, the collection of material (working in GATO with funds No. 90 and No. 1300), the processing of the material, writing the main part of the article.

Svetlana M. Markova – collecting the material (working in GATO with foundation No. 547), processing the material, writing the introduction and conclusion of the article, scientific editing of the text.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 15.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 64–75.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 64–75.

Научная статья

УДК 94(474.2)+94(47).084.5

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-64-75>

ПЕРВОДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЁННОЕ ВОССТАНИЕ В ТАЛЛИНЕ

**Егор Евгеньевич
Бакаляр**

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова
Москва, Россия, anu-egorov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1481-0070>

Аннотация. 1 декабря 1924 г. в Эстонии произошла неудачная попытка вооружённого захвата власти, вошедшая в историю как Перводекабрьское восстание. Данное событие сыграло важную роль в истории Эстонии 1920 – 1930-х гг. В данной статье автор анализирует предпосылки Перводекабрьского вооружённого восстания в Таллине, а также описывает внутривнутриполитическое положение в Эстонии, сложившееся в 1923 – 1924 гг. В статье подчёркивается, что местные коммунисты решили воспользоваться экономическими сложностями и политической нестабильностью, которые испытывала Эстонская Республика в 1923 – 1924 гг., для достижения своих целей. Основное внимание в данной статье автор уделяет рассмотрению вопросов о роли Коминтерна и СССР в Перводекабрьском вооружённом восстании в Таллине и влиянии данного события на советско-эстонские отношения. Роль Коминтерна и СССР в этих событиях заключается в том, что Москва, несмотря на определённую поддержку, не предоставила прямой помощи эстонским коммунистам, учтя предыдущие неудачи революционных движений в Европе. Провал восстания в Таллине стал одним из факторов, повлиявших на изменение советской внешней политики, заключавшийся в том, что СССР отказался от активной поддержки коммунистических движений за рубежом, перейдя к идее построения социализма в отдельно взятой стране. После поражения Перводекабрьского восстания произошло охлаждение отношений между Советским Союзом и Эстонией, что привело к обострению двусторонних отношений и даже экономическому бойкоту эстонского экспорта со стороны СССР. Также эти события способствовали реанимации идеи создания Балтийского союза. При написании статьи автор опирался на разнообразные исторические источники: советско-эстонские соглашения, материалы периодической печати, переписку членов ЦК КПЭ, статистические материалы.

Ключевые слова: Коминтерн, Эстония, внешняя политика СССР, Коммунистическая партия Эстонии, О. Рястас, К. Пятс, Й. Лайдонер.

Для цитирования: Бакаляр Е. Е. Перводекабрьское вооружённое восстание в Таллине // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 64–75. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-64-75>

Сведения об авторе: Е. Е. Бакаляр – аспирант кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, 36.

© Бакаляр Е. Е., 2024

Scientific Article
UDC 94(474.2)+94(47).084.5
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-64-75>

DECEMBER FIRST ARMED UPRISING IN TALLINN

Egor E. Bakalyar

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia, any-egorov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-1481-0070>

Abstract. On December 1, 1924, an unsuccessful attempt at an armed seizure of power took place in Estonia, which went down in history as the December Uprising. This event played an important role in the history of Estonia in the 1920s – 1930s. The author analyzes the prerequisites of the December First armed uprising in Tallinn, and also describes the internal political situation in Estonia that developed in 1923 – 1924. The article emphasizes that the local Communists decided to take advantage of the economic difficulties and political instability experienced by the Republic of Estonia in 1923 – 1924 to achieve their goals.

The author focuses on the issues of the role of the Comintern and the USSR in the December first armed uprising in Tallinn and the impact of this event on Soviet-Estonian relations. The role of the Comintern and the USSR in these events lies in the fact that Moscow, despite some support, did not provide direct assistance to the Estonian communists, taking into account the previous failures of revolutionary movements in Europe. The failure of the uprising in Tallinn was one of the factors that influenced the change in Soviet foreign policy, which consisted in the fact that the USSR refused to actively support communist movements abroad, switching to the idea of building socialism in a single country.

After the defeat of the December Uprising, relations between the Soviet Union and Estonia cooled, which led to an aggravation of bilateral relations and even an economic boycott of Estonian exports by the USSR. These events also contributed to the reanimation of the idea of creating the Baltic Union.

When writing the article, the author relied on a variety of historical sources: Soviet-Estonian agreements, periodical materials, correspondence of members of the Central Committee of the KPE, statistical materials.

Keywords: Comintern, Estonia, foreign policy of the USSR, the Communist Party of Estonia, O. Ryastas, K. Piats, J. Laidoner.

For citation: Bakalyar, EE 2024, 'December First Armed Uprising in Tallinn', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 64–75, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-64-75> (in Russ.)

Information about the Author: *Egor E. Bakalyar* – Postgraduate Student of the Department for History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Pereulok., Moscow, 115054, Russia.

Введение

Заключение 2 февраля 1920 г. Тартусского мирного договора между РСФСР и Эстонией стало не только актом взаимного признания двух стран, оно изменило положение коммунистов в Эстонии: многие из них были вынуждены уехать в Советскую Россию или перейти на нелегальное положение, ведь теперь большевики признали независимость Эстонии и отказались от каких-либо прав на неё, а Эстляндская трудовая коммуна (советская республика, существовавшая на территории Эстонии до июня 1919 г. и признанная большевиками) стала историей.

Несмотря на то, что между РСФСР и Эстонией установились дипломатические и торговые отношения, а Таллин стал для Москвы важным экономическим партнёром, через которого в Советскую Россию шёл транзит товаров и оборудования, необходимых для восстановления разрушенной за годы Гражданской войны промышленности, большевики, следуя идеям распространения мировой революции, не оставляли надежду советизации своего ближайшего западного соседа. Из-за запрета Коммунистическая партия Эстонии была вынуждена действовать нелегально. Тем не менее в конце 1922 г. она насчитывала 1300 членов [2, с. 184]. Деятельность эстонских коммунистов поддерживала Москва.

В 1923 г. ситуация в эстонской экономике резко ухудшилась: засуха, сокращение экспорта, падение курса национальной валюты, рост безработицы. Это вызвало в стране политический кризис. Такая обстановка виделась эстонским коммунистам удачным моментом для того, чтобы поднять вооружённое восстание и захватить власть в стране. Это восстание произошло 1 декабря 1924 г. в Таллине. В статье принята попытка ответить на вопросы: Какова роль Коминтерна и СССР в подготовке и проведении Таллинского восстания 1924 г.? Как данное событие повлияло на советско-эстонские отношения?

Материалы и методы

Анализируя источники и историографию, автор придерживался принципа объективности для обеспечения исторической достоверности, основываясь на документальной базе исследования и избегая искажений по идеологическим причинам. Исторические события изучаются в контексте времени, места и обстоятельств их возникновения.

В работе над статьёй автор привлёк широкий круг письменных исторических источников: это акты (международные договоры и соглашения, заключённые между СССР и Эстонией). Они собраны в фундаментальном многотомнике «Документы внешней политики СССР», выпущенном в 26 томах. Для написания статьи привлекались т. II и VIII, а также документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (далее РГАСПИ) и Архива внешней политики Российской Федерации). Автор использовал делопроизводственные документы: решения ЦК РКП(б) – ВКП(б), касающиеся внешнеполитического курса СССР и Коминтерна (данные источники опубликованы в сборниках «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа; Решения «особой папки». 1923 – 1939» и «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919 – 1943 гг.»), материалы периодической печати (официальный печатный орган ЦИК СССР и ВЦИК – газету «Известия»), документы личного происхождения – переписку членов ЦК КПЭ, хранящуюся в Государственном архиве Эстонии (далее ERAF), статистический материал (данные переписи населения Эстонии, опубликованные в 1923 г.).

Историографию по описываемой проблеме можно разделить на три группы. Первая – работы советских историков, таких, как Х. Т. Арумяэ, А. А. Сунила, Х. Т. Туммельтау и др. Необходимо отметить, что в советской историографии вопрос о роли СССР в Перводекабрьском восстании был освещён слабо. Советские исследователи рассматривали события 1 декабря 1924 г. как один из этапов борьбы эстон-

ского пролетариата, направленной на свержение эстонской националистической республики, созданной эстонской буржуазией в 1918 г. и установление советской власти. Несмотря на идеологические парадигмы, присущие советской историографии, важным достижением данных исследователей было то, что они ввели в научный оборот основные исторические источники по данной проблематике.

Вторая группа работ – исследования эстонских и западных историков, опубликованные после распада СССР. Стоит упомянуть таких исследователей, как Я. Валге, С. Зеттерберг и др. Их важным достижением является введение в научный оборот источников, которые хранятся в фондах Эстонии и других европейских стран. Однако, стоит отметить, что на выводы данных исследователей влияет их политическая позиция, а некоторые из положений носят лишь гипотетический характер. Я. Валге и С. Зеттерберг не подвергают сомнению то, что Перводекабрьское восстание в Таллине было попыткой СССР установить в Эстонии советскую власть и с помощью этого присоединить к Советскому Союзу.

Третья группа работ – исследования современных российских историков. Здесь стоит отметить работы О. Н. Кена, А. И. Рупасова, М. И. Мильтюхова, Ю. Л. Михайловой, В. В. Рогинского и др. Данные работы отличает попытка посмотреть на проблему через призму вновь опубликованных как в России, так и на Западе, источников. В работах Ю. Л. Михайловой и В. В. Рогинского на документальной базе показана деятельность советских дипломатов накануне восстания коммунистов в Таллине, а также сразу после него. О. Н. Кен и А. И. Рупасов характеризуют события 1 декабря 1924 г. как попытку коммунистов совершить государственный переворот, в которой СССР играл активную роль. М. И. Мильтюхов в своих работах рассматривает внутренние предпосылки Перводекабрьского восстания в Таллине, ход и последствия данного события. При этом он отмечает, что СССР, несмотря на помощь эстонским коммунистам в подготовке восстания, был против его начала. Из-за недостаточной подготовленности базы восстания он делает вывод о том, что СССР не планировал как-то вмешиваться в ход событий.

Результаты и обсуждения

Точкой отсчёта официальных дипломатических отношений между РСФСР и Эстонией является заключение 2 февраля 1920 г. Тартусского (Юрьевского) мирного договора.

Согласно статье 12 данного договора Советская Россия выплачивала Эстонии «пятнадцать миллионов рублей золотом, из коих восемь миллионов в месячный, а остальные семь миллионов в двухмесячный со дня ратификации мирного договора срок» [3, с. 339–354]. На эти средства в молодой прибалтийской республике создавались новые предприятия. Однако это не дало ожидаемых результатов: в 1923 г. экспорт товаров в СССР составил всего 6,7 %, а транзитная торговля с Москвой фактически сошла на нет [5, с. 123]. К тому же к 1923 г. Банк Эстонии истратил 12 млн золотых рублей, выплаченных Советской Россией по условиям Тартусского мирного договора. Оставшихся денег уже не хватало на развитие и кредитование эстонской промышленности. В стране началось закрытие торговых и промышленных предприятий, выросла безработица (к осени 1924 г. в Эстонии насчитывалось 34,7 тыс. безработных) [9, с. 255]. Это вызвало в Эстонии внутривластный кризис, в результате правительство К. Пятса ушло в отставку. Новое правительство Ф. Акеля, по рекомендации специалистов Лиги Наций, начало осуществлять в Эстонии мероприятия, которые, по их мнению, должны были стабилизировать экономику страны: сокращение государственных расходов, ограничение выдачи кредитов и повышение ставок по ним, сокращение государственных служащих и уменьшение заработной платы оставшимся и др. Эти меры встретили критику справа. Правительство обвиняли в том, что своей деятельностью оно открывает для коммунистов путь во власть.

Несмотря на то, что коммунистическая партия Эстонии (КПЭ), созданная в 1920 г., была запрещена, сама коммунистическая идеология в Эстонии запрету не подвергалась. Эстонские коммунисты, в руководстве которых заметную роль играли Я. Анвельт, В. Кингисепп, Х. Пегельман, легально действуя через профсоюзы, смогли выдвинуть своих представителей в парламент (Рийгикогу). Причём, если по итогам выборов 1920 г. в Рийгикогу из 100 депутатов лишь пятеро были коммунистами, то на выборах 1923 г. коммунисты удвоили своё представительство в парламенте [16]. Рост числа представителей от коммунистов и близких к ним партий наблюдался и на муниципальном уровне: в результате выборов 1923 г. в Таллинскую городскую думу они получили 36 мест из 101 [9, с. 256].

Рост популярности левых партий (прежде всего коммунистов) напугал правительство Эстонии. В январе 1921 г. полиция арестовала 185 представителей рабочих организаций. Эта полицейская акция стала первой в ряду облав на коммунистов и их союзников. В мае 1922 г. был арестован и расстрелян В. Кингисепп (в память о нём в 1922 г. город Ямбург Петроградской губернии, находящийся недалеко от Эстонии, был переименован в Кингисепп). После этого преследования и аресты коммунистов в Эстонии продолжились.

Апогеем этих преследований можно назвать суд над коммунистами, вошедший в историю как «процесс 149». Он проходил в ноябре 1924 г., став одним из крупнейших судебных процессов в истории Эстонии. Из 149 обвиняемых один человек (депутат Рийгикогу Я. Томп) был приговорён к смертной казни, 113 подсудимых (в том числе и 7 несовершеннолетних) – к каторге (39 из них к пожизненной). Данный судебный процесс вызвал резонанс в мировой прессе. Так, одна из финских газет писала: «Когда подсудимый передаётся в ходе судебного заседания полемому суду и приговаривается к смертной казни, позволительно спросить: может ли удержаться у власти такое государство с помощью смертных казней?» [15, с. 126–127]. В некоторых странах прошли митинги, осуждающие действия эстонских властей (примечательно, что в СССР подобных акций не было, так как Политбюро ЦК РКП(б), не желая обострять и без того напряжённые советско-эстонские взаимоотношения, решило не проводить демонстрации против буржуазной Эстонии [14]).

Преследования со стороны властей, а также судебные процессы против коммунистов, включая крупнейший из них – «процесс 149» – безусловно, подтолкнули Коммунистическую партию Эстонии к активным действиям. Другим внутривнутриполитическим фактором, ставшим катализатором восстания, были опасения эстонских коммунистов того, что на фоне экономических трудностей и неспособности правительства справиться с ними в стране готовится правый (фашистский) переворот.

Подготовка восстания началась ещё с весны 1924 г. Косвенным доказательством тому может служить решение ЦК КПЭ об отправке в СССР О. Рясаса, члена ЦК КПЭ, нелегально работавшего в Эстонии с 1920 г. (26 марта в Ленинград из Таллина была послана соответствующая шифротелеграмма [27]). Согласно данным эстонской переписи населения 1922 г. в Советской России проживали 1964 эстонских коммуниста [28]. Для того чтобы сагитировать их принять участие в выступлении на родине в СССР и отправился О. Рясас.

План эстонских коммунистов заключался в следующем: в Таллине, Тарту, Валге, Выру, Нарве, Пярну, Раквере и других городах создавались боевые группы, которые одновременно должны были начать выступления, взяв под контроль важнейшие государственные учреждения и в итоге провозгласив в Эстонии народную республику. На помощь этим группам должны были прийти отряды коммунистов из-за рубежа. Общее руководство восстанием было возложено на Я. Анвельта.

Теперь эстонским коммунистам необходимо было получить поддержку Москвы, убедив руководство РКП(б) и Коминтерна в том, что в Эстонии сложилась рево-

люционная ситуация, которая гарантирует успех восстания. Но советский полпред в Таллине и иностранная агентура ОГПУ в своих донесениях не разделяли столь оптимистичной оценки руководства КПЭ о ситуации в стране, а успеха восстание коммунистов в Эстонии, по их мнению, сможет достичь лишь при открытом вооружённом вмешательстве СССР в события (был разработан секретный план, согласно которому на территории СССР предстояло подготовить вооружённый отряд из эстонских коммунистов-эмигрантов, которые должны были преить советско-эстонскую границу одновременно с началом восстания в Таллине). В то же время советская военная разведка соглашалась с мнением эстонских коммунистов.

Чтобы убедить Москву в том, что коммунисты в Эстонии имеют поддержку среди населения и в стране созрела революционная ситуация, 3 августа 1924 г. в Таллине была организована попытка рабочей демонстрации. На улицу вышли несколько сотен человек (в Москву же сообщили, что участие в ней приняли 3 тыс. человек [13, с. 274]). Но эта попытка была пресечена полицией.

12 августа 1924 г. О. Рясасот от имени ЦК КПЭ написал письмо в ЦК РКП(б), в котором сообщалось, что в Эстонии готовится фашистский переворот, а эстонская армия, скорее, готова поддержать коммунистов. В этом же письме говорилось, что ЦК КПЭ приняло решение завершить подготовку восстания через 2–3 месяца (по мнению руководства КПЭ, в Эстонии сложились наиболее оптимальные условия для организации коммунистического восстания, ведь политика правительства по выходу из экономического кризиса не давала видимых результатов, и ситуация лишь ухудшалась).

Эстонские коммунисты просили Москву рассмотреть возможность поддержки этого восстания и в случае согласия помочь КПЭ оружием и опытными кадрами (включая эстонских коммунистов, проживавших в СССР), провести вербовку добровольцев, готовых принять участие в восстании и выделить финансовые средства на его подготовку [20].

Несмотря на то, что данное письмо осталось без ответа, 28 августа 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает следующее решение: <...>

«1. Придать деятельности эстонской компартии боевой характер, оказав ей содействие в подготовительных мерах по оказанию вооружённого отпора попыткам фашистского переворота.

2. Проверить через соответствующие экономические и политические органы состояние Эстонии и степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения.

3. Назначить постоянную комиссию в составе тт. Уншлихта, Трилиссера, Мануильского, Чичерина и Рясаса для оказания содействия эстонской компартии [эта комиссия получит название эстонской. – Е. Б.] ...» [12, с. 51].

Такое решение воодушевило эстонских коммунистов, О. Рясас писал членам ЦК КПЭ Р. Вакману и Х. Пегельману: ««Жребий выпал... в пользу нашего дела» [24]. Однако, стоит отметить, что в этом же письме Рясас сетует на то, что Политбюро РКП(б) не доверяет информации КПЭ о ситуации в Эстонии [24]. Также О. Рясас писал Р. Вакману о том, что необходимо как можно скорее начать вербовку добровольцев, изучить советско-эстонскую границу и переправить в Эстонию оружие, подготовленное в СССР [23].

На очередном заседании эстонской комиссии было принято решение, что эстонская компартия должна развернуть агитацию за вхождение Эстонии в состав СССР. Также все проживающие в СССР эстонцы-коммунисты должны были встать на учёт. О. Рясасу и Я. Берзину было поручено провести мобилизационные мероприятия для набора добровольцев и их боевое обучение [17].

24 сентября 1924 г. эстонская комиссия поручила О. Рястасу в течение 14 дней представить план восстания, сформировать отряд из эстонцев-коммунистов, проживающих в Советском Союзе, и запросить у ЦК РКП(б) средства на закупку оружия в Эстонии [18]. Эти средства были выделены и переданы эстонским коммунистам. Также в Эстонию были направлены и специально подготовленные люди [25]. У советско-эстонской границы начали сосредотачивать снаряжение для участников восстания. Коммунистам эстонского происхождения, проживавшим в СССР, стали направлять письма с призывом вступить в бой с фашистскими силами, готовившими переворот на их родине [29].

Во второй половине октября 1924 г. советская пограничная охрана и военные гарнизоны, сосредоточенные на юго-восточном участке советско-эстонской границы, были приведены в состояние военной тревоги и ждали начала выступления эстонских коммунистов [22]. 10 ноября 1924 г. О. Рястас выступил на заседании эстонской комиссии о внутреннем положении в Эстонии. Комиссия приняла решение предупредить эстонских коммунистов о том, что ими ошибочно было выбрано время для начала восстания, а также о его недостаточной подготовке, было отмечено, что окончательный вердикт по вопросу восстания комиссия сможет вынести только после получения полной информации о степени его подготовки [19].

Некоторые исследователи полагают, что 17 ноября 1924 г. состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором было принято окончательное решение о коммунистическом восстании в Таллине [10, с. 87]. Были приняты решения: «а) Одобрить предложения т. Фрунзе. б) Создать комиссию в составе тт. Сталина, Зиновьева, Чичерина, Фрунзе, Троцкого и Уншлихта для проверки положения и проведения всех необходимых мер. Созыв комиссии за т. Фрунзе» [13, с. 279]. Однако, по нашему мнению, пока не будет обнаружен сам текст предложения Фрунзе, рассматривать решение Политбюро, выдержки из которого приведены выше, в качестве доказательства поддержки восстания эстонских коммунистов со стороны советского руководства, преждевременно.

Во исполнения решения Политбюро ЦК РКП(б) от 28 августа 1924 г. иностранный отдел ОГПУ представил расширенную справку, в которой подробно излагалось внутриполитическое положение в Эстонии. В ней, в частности, отмечалось, что несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, называть её критической преждевременно; большинство крестьянства поддерживает буржуазное правительство, а в среде пролетариата, несмотря на безработицу, не наблюдается взрывоопасного революционного брожения [21].

Такая информация заставила советское руководство взять паузу в поддержке восстания, 30 ноября М. Фрунзе заявил О. Рястасу, что «временно, до получения информации» необходимо остановить организационную работу [2, с. 194]. Но ещё накануне, 29 ноября 1924 г., эстонские коммунисты направили в Ленинград шифротелеграмму: «Начало выступления назначено на 6 утра 1.12.24. Ни о какой отсрочке не может быть и речи» [26]. 1 декабря 1924 г. через средства массовой информации было передано сообщение правительства Эстонии: «Сегодня, в 5 часов 30 минут утра, вооружённые коммунисты произвели внезапное нападение на штабы нескольких армейских частей и на некоторые государственные учреждения. Эта попытка была немедленно подавлена, и через 2 часа в городе был восстановлен порядок».

В таллинском восстании приняло участие около 300 человек. Первоначально, используя фактор внезапности, им удалось захватить ключевые объекты: почтамт, вокзал, здания парламента и правительства Эстонии, также под их контролем оказались некоторые полицейские участки, воинские части и даже военный аэродром. В других местах, например, в окрестностях Тарту и Харьюмаа, восставшие коммунисты

взорвали железнодорожные мосты, что помешало перебросить в столицу военные подкрепления для подавления восстания.

Тем не менее восставшие столкнулись с серьёзным сопротивлением при попытке захватить здания военного министерства и кадетского училища в Тонди. Атака оказалась неудачной, и восставшие были вынуждены отступить, не сумев захватить арсеналы для вооружения своих сторонников. Также не увенчалась успехом попытка захватить казармы конной полиции, это не позволило снабдить революционно настроенных таллинских рабочих оружием и привлечь их к активным действиям против правительственных войск и полиции.

Правительство Эстонии смогло мобилизовать верные воинские части и объявило военное положение. В армию срочно был вызван находившийся в отставке с 1920 г. Й. Лайдонер (он был главнокомандующим эстонской армией в войне за независимость и союзником Н. Юденича в походе на Петроград в 1919 г.). Ему было поручено подавить восстание эстонских коммунистов. Правительственные силы и полицейские подразделения начали наступление на позиции восставших, к 11 часам утра смогли отбить захваченные ими здания. В итоге восставшие отступили, были рассеяны в ходе уличных боев и скрылись на конспиративных квартирах. Вскоре после подавления восстания в Эстонии началась кампания против коммунистов. По обвинению в его подготовке были арестованы около 15 тыс. человек, 155 человек были казнены, а 208 получили различные сроки тюремного заключения. Коммунисты были вытеснены из политического поля Эстонии.

Перводекабрьское восстание в Таллине отразилось на советско-эстонских взаимоотношениях. В эстонской прессе была развязана кампания по обвинению СССР и Коминтерна в попытке коммунистического переворота в стране. Министр иностранных дел Эстонии К. Пуста в интервью шведской газете заявил, что у эстонского правительства есть веские доказательства причастности Москвы к событиям, произошедшим 1 декабря 1924 г. в Таллине. Правда, когда СССР потребовал от Эстонии предъявить эти доказательства, Пуста заявил, что никакого интервью шведской газете он не давал и заверил Советский Союз, что эстонское правительство твёрдо убеждено «в том, что СССР никакого отношения к событиям 1 декабря в Ревеле не имел» [4, с. 49]. Нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин в марте 1925 г. в докладе на сессии ВЦИК СССР подчеркнул, что «эстонское правительство обращалось и продолжает обращаться к нам с заявлениями своей самой горячей дружбы. Оно несколько раз заявляло, что не считает советское правительство сколько-нибудь прикосновенным к событиям первого декабря» [6]. В конце концов в декабре 1925 г., К. Пятс признал, что причинами восстания послужили внутренние факторы, а не поддержка извне [15, с. 32–35]. Тем не менее после событий 1 декабря 1924 г. Эстония захотела заручиться поддержкой ведущих западных стран, получив от них гарантии своего суверенитета. С этой целью 3 декабря 1924 г. из Таллина в Лондон была направлена телеграмма с предложением к британской военной и военно-морской миссиям прибыть в Эстонию. Предполагалось, что британские военные корабли войдут в Балтийское море. Из Лондона пришёл следующий ответ: «В создавшийся обстановке мы считаем нецелесообразным любое выступление против русских и не хотим их дразнить» [1, с. 234].

События в Эстонии, произошедшие 1 декабря 1924 г., возродили идею создания Балтийского союза в составе Латвии, Литвы, Польши, Финляндии и Эстонии (причём последняя, стала горячей сторонницей данной идеи) под эгидой Великобритании и Франции. Но противоречия (подчас, острые) между участниками потенциального союза, а также умелое дипломатическое противодействие планам его создания со стороны СССР и Германии, оставили Балтийский союз лишь идеей.

Выводы

Каковы были итоги событий, разыгравшихся в Таллине 1 декабря 1924 г.? Если рассматривать внутривластный аспект, то провал выступления эстонских коммунистов консолидировал эстонское общество вокруг буржуазного правительства. Если говорить о внешнеполитическом аспекте, в частности советско-эстонских взаимоотношениях, безусловно, неудавшееся коммунистическое восстание в Таллине отразилось на них. Несмотря на то, что прямых доказательств участия Москвы в описываемых событиях Таллин так и не представил, произошло похолодание двусторонних отношений. Тем более, как писал сотрудник советского полпредства в Таллине Ф. И. Нотович, «многие из арестованных [коммунистов – Е. Б.] вели себя довольно развязно... говорили, что они перешли границу при содействии соввластей (агентов ГПУ), и были снабжены деньгами, оружием и фальшивыми документами эстонской секцией Коминтерна. Некоторые из них даже назвали те лица, которые якобы способствовали переходу границы. Но все эти лица – агенты низшего разряда, а самое важное, никаких письменных документов, указывающих на их связь с нашими органами власти, при арестах найдено не было» [11].

Ещё одним внешнеполитическим последствием описываемых событий явилась реанимация идеи о создании Балтийского союза (имеющего явно антисоветскую направленность) и неофициальное обращение Эстонии к Великобритании с просьбой о помощи и защите в случае прямой агрессии со стороны СССР. Это приведёт к тому, что СССР в 1925 г. объявит экономический бойкот Эстонии. Это вызовет недовольство эстонских промышленников и бизнесменов, для которых советский рынок сбыта имел большое значение. Под их давлением эстонское правительство было вынуждено проводить более осторожный внешнеполитический курс (вскоре СССР отменит торговые ограничения для Эстонии). В конце концов во внешнеполитических отношениях Москвы и Таллина возобладал здоровый прагматизм.

Если оценивать роль Коминтерна и СССР в описанных событиях, можно отметить следующее. Москва, помня опыт существования в Эстонии советского правительства – Эстляндской трудовой коммуны, не оставляла идею прихода к власти в этой стране коммунистов. Но для этого в Эстонии должны были сложиться объективные условия. Эстонским коммунистам казалось, что осенью 1924 г. в стране созрела революционная ситуация, и можно осуществить вооружённое выступление с целью прихода к власти. Однако такое мнение оказалось преувеличением. Накануне восстания, чтобы склонить Москву на свою сторону, эстонские коммунисты приукрашивали внутривластный кризис в Эстонии, надеясь (возможно и небезосновательно), что в случае успеха им на помощь придёт революционная Красная армия. Однако советское руководство, верно оценив внутреннюю ситуацию в Эстонии (где она была пусть и сложной, но не критической для буржуазного правительства) и помня неудачный опыт болгарских и немецких коммунистов, попытавшихся осенью 1923 г. вооружённым путём прийти к власти в своих странах, не давало КПЭ никаких обещаний и гарантий непосредственного вмешательства (хотя и выделяя средства на закупку оружия для эстонских коммунистов, обучая кадры, а после провала восстания предоставив убежище тем его участникам, которым удалось покинуть Эстонию).

Спад революционной волны в Европе, временная стабилизация капитализма на Западе, неудачи болгарских, немецких и эстонских коммунистов захватить власть, безусловно, отразились на политике Москвы в отношении распространения мировой революции. XIV съезд ВКП(б) в конце 1925 г. провозгласит курс на построение социализма в отдельно взятой стране, это означало, что во внешней политике СССР произошёл сдвиг, Советский Союз временно откажется от открытой поддержки коммунистов в странах Европы.

Список источников и литературы

1. Арумяэ Х. Т. За кулисами «Балтийского союза» (из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920 – 1925 гг.). Таллин: Ээсти раамат, 1966. 281 с.
2. Валге Я. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 183–201.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 807 с.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 8: 1 января – 31 декабря 1925 г. М.: Госполитиздат, 1963. 865 с.
5. Зеттерберг С. История Эстонской республики / пер. с эст. Д. Брунса. Таллин: КПД, 2013. 400 с.
6. Доклад Г. В. Чичерина на III Сессии ЦИК СССР в Тифлисе // Известия. 1925. 6 марта (№ 54 (2387)).
7. Кен О., Рупасов А. Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917 – 1939 // Страны Балтии и Россия: Общество и государство. М.: Референдум, 2002. С. 225–256.
8. Кишремеев (Туммельтау Х.). Ревельское восстание 1924 г. // Очерки по истории вооружённых восстаний. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 99–112.
9. Мильтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918 – 1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. 600 с.
10. Михайлова Ю., Рогинский В. Мировая революция остановлена в Таллине? 1 декабря 1924 года // Россия и Прибалтийский регион в XIX – XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М.: 2013. С. 78–102.
11. Нотович – Канторовичу, 10.12.1924 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. П. 47. Оп. 293. Д. 54221. Л. 153.
12. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923 – 1939 / Федер. архив. служба России, РГАСПИ, Фонд Джанджакомо Фельтринелли, Ин-т всеобщей истории РАН. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
13. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн, 1919 – 1943 гг. : документы / Федер. архив. служба России, РГАСПИ ; отв. ред. Г. М. Адибеков. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.
14. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 476. Л. 1.
15. Сунила А. А. Восстание 1 декабря 1924 года (Опыт Коммунистической партии Эстонии в подготовке и проведении вооруженного восстания эстонского пролетариата 1924 года и его историческое значение). Таллин: Ээсти раамат, 1982. 224 с.
16. II Riigikogu valimised: 5.–7. mail 1923 / Riigi Statistika Keskbüroo = Élections au parlement: de 5.–7. mai 1923 / Bureau Central de Statistique de l'Estonie– Tallinn: Riigi Statistika Keskbüroo, 1923. 78 l.
17. Eesti komisjoni istungi protokoll, 03.09.1924 // ERAF (Eesti Riigi arhiivi filial). 24–1–72a, 100.
18. Eesti komisjoni istungi protokoll, 24.09.1924 // ERAF. 24–1–272a, 135.
19. Eesti komisjoni protokoll, 10.11.1924 // ERAF. 24–1–272a, 92.
20. ЕКР Keskkomitee VKP(b) Keskkomiteele, 12.08.1924 // ERAF. 24–1–272a, 1–2.
21. OGPU välismaa osakonnaõi end Eestikohta. Novembriteine pool 1924. Dateeritud sisu järgi // ERAF. 138SM–1–22, 301–334.
22. Pihkva kubermangu OGPU välisagentuuri voliniku õiend. 30.10.1924 // ERAF. 138–1–22, 148.
23. Rästas Vakmannile, 28.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 127.
24. Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924 // ERAF. 24–1–298, 126.
25. Rästas Pöögelmannile, 23.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 85.
26. Seisukord, 01.12.1924 // ERAF. 24–1–322, 42.
27. Tallinnast ЕКР Venemaabüroole, 26.03.1924 // ERAF. 25–1–106, 6.
28. Teppich-Kasemets W. Põrandaaluste juhi paljastusi // Päevaleht. 1933. 15 veebruar. (Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 9).

29. Värbamiskiri Nõukogude Liidus elavale eestlasest kommunistile, 09.11.1924 // ERAF. 24–5–10, 216.

References

1. Arumyaе, HT 1966, *Za kulisami «Baltiyskogo soyuza» (iz istorii vneshney politiki burzhuaznoy Estonii v 1920 – 1925 gg.)* (Behind the scenes of the "Baltic Union" (from the history of the foreign policy of bourgeois Estonia in 1920 – 1925), Eestiraamat Publ, Tallin. (In Russ.)
2. Valge, Ya 2015, 'Podgotovka Sovetskim Soyuzom gosudarstvennogo perevorota v Estonii v 1924 g.' (Preparation by the Soviet Union of a coup d'état in Estonia in 1924), *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* (St. Petersburg Historical Journal), no 1, pp 183–201. (In Russ.)
3. *Dokumenty vneshney politiki SSSR 1958. T. II. 1 yanvarya 1919 g.–30 iyunya 1920 g.* (Documents of the Foreign policy of the USSR. Vol. II. January 1, 1919 – June 30, 1920), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)
4. *Dokumenty vneshney politiki SSSR 1963. T. VIII. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1925 g.* (Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. VIII. January 1 – December 31, 1925), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)
5. Zetterberg, S. 2013. *Istoriya Estonskoy respubliki* (History of the Republic of Estonia), KPD publ, Tallin. (In Russ.)
6. Doklad G. V. 'Chicherina na III Sessii CIK SSSR v Tiflise' (Report of G. V. Chicherin at the III Session of the Central Executive Committee of the USSR in Tiflis), *Izvestiya*, 1925, 6 March. (In Russ.)
7. Ken, O & Rupasov, A 2002, Moskva i strany Baltii: Opyt vzaimootnosheniy, 1917 – 1939 (Moscow and the Baltic States: The experience of relations, 1917 – 1939), *Strany Baltii i Rossiya: Obshchestvo i gosudarstvo* (The Baltic States and Russia: Society and the State), Referendum publ, Moscow. (In Russ.)
8. Kiiremees (Tummel'tau, H) 1931, 'Revel'skoye vosstaniye 1924 g.' (Revel uprising of 1924), *Ocherki po istorii vooruzhyonnykh vosstaniy* (Essays on the history of armed uprisings), Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
9. Mil'tyuhov, MI 2015, *Pribaltiyskiy platsdarm v mezhdunarodnoy politike Moskvyy (1918 – 1939 gg.)* (The Baltic springboard in Moscow's international politics (1918 – 1939). Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)
10. Mihaylova, Yu & Roginskiy, V 2013, 'Mirovaya revolyutsiya ostanovlena v Talline? 1 dekabrya 1924 goda' (Has the world revolution been stopped in Tallinn? December 1, 1924), *Rossiya I Pribaltiyskiy region v XIX – XX vv.: Problemy vzaimootnosheniy v menyayushchetsya mire* (Russia and the Baltic Region in the 19th – 20th centuries: Problems of mutual relations in a changing world), Moscow. (In Russ.)
11. Notovich–Kantorovichu, 10.12.1924, *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* (Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation), fund 04, p. 47, inventory 293, file 54221, sheet 153. (In Russ.)
12. Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Evropa. Resheniya «osoboy papki». 1923 – 1939 (The Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)– All-Union Communist Party (Bolsheviks) and Europe. Solutions of the "special file". 1923 – 1939) 2001, *Federalnaya arkhivnaya sluzhba Rossii, Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii, Fond Dzhandzhakomo Fel'trinelli, In-t vseobshchey istorii RAN* (Feder. archival service of Russia, Russian State Archive of social and political history, Giangiacomo Feltrinelli Foundation, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences). ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
13. Adibekov, GM (ed) 2004, Politbyuro TsK RKP(b) – VKP(b) i Komintern. 1919 – 1943 gg.: Dokumenty (Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) – All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern. 1919 – 1943: Documents), *Federalnaya arkhivnaya sluzhba Rossii, Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* (Feder. archival service of Russia, Russian State Archive of social and political history). ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)

14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* (The Russian State Archive of Socio-Political History), fund 17, inventory 3, file 476, sheet 1. (In Russ.)
15. Sunila, AA 1982, *Vosstaniye 1 dekabrya 1924 goda (Opyt Kommunisticheskoy partii Estonii v podgotovke i provedenii vooruzhennogo vosstaniya estonskogo proletariata 1924 goda i ego istoricheskoye znacheniyе)* (The uprising of December 1, 1924 (The experience of the Communist Party of Estonia in the preparation and conduct of the armed uprising of the Estonian proletariat in 1924 and its historical significance), Eesti raamat publ, Tallin. (In Russ.)
16. II Riigi kogu valimised: 5.–7. mail 1923, Riigi Statistika Keskbüroo = Élections au parlement: de 5.–7. mai 1923, *Bureau Central de Statistique de l'Estonie. Riigi Statistika Keskbüroo, Tallinn 1923.* 78 l. (In Estonian)
17. Eesti komisjoni istungi protokoll, 03.09.1924. *ERAF (Eesti Riigi arhiivi filial).* 24–1–72a, 100. (In Estonian)
18. Eesti komisjoni istungi protokoll, 24.09.1924. *ERAF.* 24–1–272a, 135. (In Estonian)
19. Eesti komisjoni protokoll, 10.11.1924. *ERAF.* 24–1–272a, 92. (In Estonian)
20. EKP Keskkomitee VKP(b) Keskkomiteele, 12.08.1924. *ERAF.* 24–1–272a, 1–2. (In Estonian)
21. OGPU välismaa osakonnaõi end Eestikohta. Novembriteine pool 1924. Dateeritud sisu järgi. *ERAF.* 138SM–1–22, 301–334. (In Estonian)
22. Pihkva kubermangu OGPU välisagentuuri voliniku õiend. 30.10.1924. *ERAF.* 138–1–22, 148. (In Estonian)
23. Rästas Vakmannile, 28.08.1924. *ERAF.* 24–1–298, 127. (In Estonian)
24. Rästas Vakmannile ja Pöögelmannile, 25.08.1924. *ERAF.* 24–1–298, 126. (In Estonian)
25. Rästas Pöögelmannile, 23.11.1924. *ERAF.* 24–5–10, 85. (In Estonian)
26. Seisukord, 01.12.1924. *ERAF.* 24–1–322, 42. (In Estonian)
27. Tallinnast EKP Venemaabüroole, 26.03.1924. *ERAF.* 25–1–106, 6. (In Estonian)
28. Teppich-Kasemets W. Põrandaaluste juhi paljastusi. *Päevaleht.* 1933. 15 veebruar. (Saar J. 1. detsember 1924 Tallinnas. Lk. 9). (In Estonian)
29. Värbamiskiri Nõukogude Liidus elavale eestlasest kommunistile, 09.11.1924. *ERAF.* 24–5–10, 216. (In Estonian)

Статья поступила в редакцию: 04.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 04.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 76–84.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 76–84.

Научная статья

УДК 343.979:“1918-1945”

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-76-84>

СПЕКУЛЯЦИЯ В СССР В 1918 – 1945 ГГ. И БОРЬБА С НЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

*Евгений Андреевич
Зверков*

Воронежский институт МВД России
Воронеж, Россия, zverkovphd@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого вида периферийной преступности как спекуляция (на временном отрезке 1920-е – начало 1940-х гг.). Цель исследования – изучение спекулятивной деятельности и противодействия ей в Центральном Черноземье, ввиду чего использованы материалы государственных архивов Воронежа, Орла, Тамбова. Задачи исследования – выявление причин, объектов и форм спекуляции, оценка причинённого спекулятивной деятельностью ущерба общественным интересам. В работе применены историко-сравнительный, историко-правовой и общенаучные методы исследования. Представленная статья демонстрирует двоякую природу спекуляции в период кризиса экономических отношений в период Гражданской войны и Новой экономической политики, так как спекулянты могли выступать в качестве торгового посредника между городом и деревней, предлагая в том числе более выгодные цены на хлеб, нежели те, что устанавливало государство. Уже к концу 1920-х годов спекуляция стала носить откровенно криминальный характер, будучи основана на мошенничестве и присвоении государственного имущества. В годы Великой Отечественной войны основным предметом спекуляции стало продовольствие, а субъектами – работники сферы торговли и распределения. Соответственно менялись и способы получения продуктов и товаров спекулянтами – если на протяжении 1920-х гг. это преимущественно прямые закупки у крестьян, то в дальнейшем на первый план выходят работники торговли, перепродававшие спекулянтам товары, полученные путём мошенничества с отчётными документами.

Ключевые слова: спекуляция, мошенничество, кража, Центральное Черноземье, милиция, 1920 – 1940-е гг.

Для цитирования: Зверков Е. А. Спекуляция в СССР в 1918 – 1945 гг. и борьба с ней (на материалах Центрального Черноземья) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 76–84. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-76-84>

Сведения об авторе: *Е. А. Зверков* – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России, 394065, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

© Зверков Е. А., 2024

Scientific Article

UDC 343.979:"1918-1945"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-76-84>

SPECULATION IN THE USSR IN 1918 – 1945 AND THE FIGHT AGAINST IT (BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)

Evgeny A. Zverkov

Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Voronezh, Russia, zverkovphd@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1828-4457>

Abstract. The article examines such a type of peripheral crime as speculation (in the 1920s – early 1940s). The purpose of the research is to study speculative activity and counteraction to it in the Central Black Earth Region. The source of materials for the study is the state archives of Voronezh, Orel and Tambov. The objectives of the study are to identify the causes, objects and forms of speculation, and to assess the damage caused by speculative activity to public interests. The author uses historical-comparative, historical-legal and general scientific research methods. The presented article demonstrates the dual nature of speculation during the crisis of economic relations during the Civil War and the New Economic Policy, since speculators could act as a trade intermediary between the city and the countryside, offering, among other things, more favorable prices for bread than those set by the state. By the end of the 1920s, speculation began to be openly criminal in nature, being based on fraud and embezzlement of state property. During the Great Patriotic War, food became the main subject of speculation, and trade and distribution workers became the subjects. Accordingly, the methods of obtaining products and goods by speculators changed – if during the 1920s these were mainly direct purchases from peasants, then later trade workers who resold goods obtained by fraud with accounting documents to speculators came to the fore.

Keywords: speculation, fraud, theft, the Central Black Earth Region, militia, 1920s – 1940s.

For citation: Zverkov, EA 2024, 'Speculation in the USSR in 1918 – 1945 and the Fight Against It (Based on the Materials of the Central Black Earth Region)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 76–84, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-76-84> (in Russ.)

Information about the Author: *Evgeny A. Zverkov* – Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 53, Patriotov Prospect, Voronezh, 394065, Russia.

Введение

Попытки советской власти установления государственной монополии в сфере производства и торговли наткнулись на стойкое и живучее явление, получившее в советском уголовном законодательстве определение «спекуляция». Спекуляция представляла собой вид периферийной социальной девиации, опасность которого выражалась в создании завышенных цен на те или иные товары, ставших объектом «перекупа». Понятие спекуляции появляется в Декрете СНК «О борьбе со спекуляцией» от 15 ноября 1917 г. — хотя и без точного состава преступления и мер наказания. Вследствие роста «чёрного рынка» в ноябре 1919 г. Совнарком был вынужден принять Декрет «О борьбе со спекуляцией товарами и продуктами...», однако вследствие вольности господствовавших особенностей юридической техники, конкретного состава деяния, попадающего под определение «спекуляция», в документе не предусмотрено [20, с. 727]. Из Декрета «О спекуляции», подписанного ранее, в 1918 г., следует, что под спекуляцией необходимо понимать «сбыт, скупку или хранение с целью сбыта в виде промысла продуктов питания, монополизированных Республикой» [19, с. 28]. Спекуляция являлась уголовно наказуемым деянием. Уголовный кодекс 1926 г. в качестве состава преступления устанавливал «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок», и уже позднее спекуляция определялась как «скупка и продажа частными лицами в целях наживы (спекуляции) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления» [22, с. 63].

Материалы и методы

Объектом исследования выступает противоправный вид экономической деятельности, основанный на оптовой покупке товаров широкого потребления и их перепродаже со значительной наценкой. В отличие от нэпманов, спекулянты находились в серой экономической зоне, не платили налогов, имели связи в торговой среде, получая продукты незаконным путём.

В современной историографии проблемами спекуляции и роли органов внутренних дел в её минимизации занимались А. В. Гудкова [16], Л. Ю. Варенцова, отметившая возрождение «мешочников» в годы Великой Отечественной войны [3]. Безусловный научный интерес представляет труд Е. Д. Твердюковой о регулировании торговли в СССР, где рассматриваются меры государственной борьбы со спекуляцией [21]. Деятельность БХСС по противодействию экономическим преступлениям активно изучается М. О. Вафиним [4; 5; 6]. Значительный вклад в изучение темы внёс С. В. Богданов [1; 2]. Анализируя преступность эпохи Новой экономической политики, А. Ю. Елихин и О. Б. Мозохин пришли к выводу, что «распад государственной системы распределения товаров по твёрдым ценам» привел к незаконной частной торговле, спекуляции на чёрном рынке, хищениям со складов советских предприятий и организаций, что вело за собой взяточничество и подлоги [18].

В дополнение к уже существующим работам в данной статье предпринимается попытка раскрытия особенностей спекулятивной деятельности, её проявления на территории Черноземья. В качестве источников исследования использованы материалы, извлечённые из государственных архивов Воронежской, Орловской, Тамбовской областей.

Результаты

В первые годы советской власти с помощью этой противоречивой деятельности в некоторой степени удавалось покрывать потребности в дефицитных товарах. Однако пути происхождения этих товаров нередко носили криминальный оттенок: незаконно скупая дефицитные товары в государственных магазинах, спекулянты продавали их по завышенным ценам. В ряде случаев спекуляция напрямую связана с хищениями со стороны торговых работников, сбывавших товары перекупщикам.

Несмотря на всеобщую ненависть, спекулянты были востребованы населением, особенно сельским: в условиях разваленного рынка, нарушенного товарооборота и заниженных цен на сельскохозяйственные продукты сделка со спекулянтами позволяла снизить потери в цене по сравнению с госприёмкой и даже обменять хлеб и мясо на промышленные и бытовые товары.

Объектом спекуляции мог стать любой востребованный товар: например, в начале 1920-х гг. в Орловской губернии процветала спекуляция табаком, продуктами, овсом [13, л. 327]. В Кирсановском уезде Тамбовской губернии спекулировали солью из Саратовской губернии [15, л. 2е]. Благоприятные условия для спекуляции сложились в системе учёта и распределения. В 1920 г. Тамбовский розыск выявил массовые злоупотребления в Тамбовском едином потребобществе при выдаче продовольственных карточек: завмаги в целях спекуляции пользовались фиктивными карточками и фальшивыми чеками от продкарточек, подделывая и сбывая их. Вследствие беспечного отношения карточных районных бюро к учёту и распределению сложились возможности заполнения карточек фиктивными именами. Фигурантами по делу выступили 25 человек, имевших на руках от 5 до 75 карточек. Фальшивыми чеками завмагов снабжали работники типографий [14, л. 387–388].

Государство осуществляло периодические кампании по борьбе со спекуляцией. Желая избежать наказания, спекулянты давали взятки работникам милиции, но взятки, насколько нам известно, имели единичный характер и не приводили к желаемому результату – в Орловской губернии в 1919 г. спекулянты пытались давать милиционерам взятки, но последние, взяв деньги, продолжали обыск, а по окончании таковых сдавали деньги в казначейство [13, л. 183–183 об.].

Кампании советских властей по противостоянию спекуляции могли дать лишь кратковременный эффект — ни высылки, ни штрафы не пугали подпольных коммерсантов, в том числе занимающих лакомые места в торговле. Для удобства торговли и обеспечения безопасности спекулянты могли образовывать компаньонство. В качестве торговых агентов спекулянтов выступали «шибай» — беспатентные комиссионеры [8, л. 125]. Шибай скупали у крестьян хлеб, получая за это комиссионное вознаграждение. Их сообщники работали по дорогам, останавливая крестьян ещё до рынка и направляя их к шибаям. Большинство шибаяев работало по несколько лет, многие в прошлом имели своё торговое дело.

Борьба со спекулянтами велась методом кампаний. В частности, 31 августа 1929 г. по Центрально-Черноземной области (ЦЧО) началась операция «по изъятию с рынка спекулянтов». К 7 сентября были арестованы 228 человек. При обыске принадлежащих арестованным квартир и магазинов было обнаружено более 85 тонн зернопродуктов, а также серебряные и золотые монеты, лом золота, контрабандные товары. В период хлебо- и мясозаготовительных кампаний по 1 декабря 1930 г. в ЦЧО арестованы 575 спекулянтов [16, с. 30]. Опасаясь преследований, перекупщики временно прекратили скупку зерна, свернули торговлю, ушли в подполье. В начале 1930-х гг. начинается новая волна кампаний против спекуляций. На этот раз, в свете ухудшения продовольственного положения СССР, приоритетное внимание уделялось спекуляции хлебом. Выполнение задачи возлагалось на оперативные отделы милиции. В 1932 г. значительно ограничивалась торговля хлеба единоличниками и колхозниками до выполнения регионами планов по хлебозаготовкам [16, с. 31]. На бытовом уровне «борьбой против спекуляции» назывались принудительное изъятие хлеба у крестьян. Уклонисты подвергались штрафам и конфискации имущества. Большинство дел возбуждалось по итогам уборочной кампании. Повседневное место для спекуляций было хорошо известно продавцам, покупателям, властям и правоохранительным органам – это базары. Эффективность спекулянтов находилась в прямой зависимости от отношений с администрацией рынков. Комиссионерами ди-

рекции рынков выступали их подчинённые. Основная доля спекуляции в конце 1930-х гг. приходилась на промышленные товары. Распространилась деятельность спекулянтов-«гастролёров», занимавшихся перепродажей товаров в сельских районах [17, с. 13].

С началом Великой Отечественной войны получила распространение перепродажа белья и простыней, хлеба, одежды. Появились организованные группы. Спекуляция возникала там, где имелись условия для получения вещей и продуктов, – в торговых и распределительных организациях. Например, заведующий столовой № 1 в г. Свобода (Лиски), сговорившись с кладовщицей, крал продукты с целью спекуляции [9, л. 207]. Заведующая, повар и буфетчицы расхищали продукты на ст. Колодезная. В ходе обыска, состоявшегося 19 мая 1942 г. на квартирах злоумышленниц, были обнаружены 150 кг пшеничной муки, 15 кг вермишели, 62 кг чечевицы, 2 кг сахара, 6 кг перловки, 116 кг пшеницы и ржи, другие продукты [9, л. 208]. Аналогичные факты отмечались в Тамбовской области.

Спекулятивную деятельность маскировали под товарообмен. Широкий масштаб «товарообмены» приобрели на сельских рынках из-за сложности приобрести что-либо за деньги. Продовольствие менялось на промтовары.

Многие спекулянты устремились в деревню, где по сравнительно дешёвым ценам покупали продукты и перепродавали их в городах. Наценка могла достигать 500 %. Сельхозпродукты приезжавшие мешочники меняли на промтовары, которых постоянно не хватало в деревне: бельё, наволочки, простыни, фуфайки, валенки, мыло. Повышенная активность спекулянтов наблюдалась вдоль железных дорог. Стараясь обойти милицию в рамках процедуры получения железнодорожных билетов, спекулянты завязывали контакты с работниками государственных учреждений, получая от них фиктивные командировочные удостоверения [9, л. 227]. В Воронеже управдом по Авиационной улице получила больше карточек, чем полагалось на дом, и спекулировала добытыми по ним товарами. Работники Горпищеторга утаили часть продукции для спекуляции. Отдел БХСС установил, что повар детсада № 57 Семыкина, получая хлеб на детей за выходные дни, когда детсад не работал, использовала его для спекуляции, которую осуществляла на рынке через мужа. Ею было присвоено 270 кг хлеба, 159 батончиков и 55 булок [9, л. 228].

В целях пресечения злоупотреблений в некоторые районы были командированы специальные группы оперативных работников. В Борисоглебске и Анне по линии БХСС приняты меры по оперативному обслуживанию базаров, объектов торговой сети, баз, заготовительных организаций [10, л. 12]. Как следует из доклада о работе органов милиции Воронежской области с хищением социалистической собственности, представленного уже в эвакуации, 10 октября 1942 г., большинство зарегистрированных случаев хищения соцсобственности было совершено в связи с развернувшимися на территории области военными действиями. В отдельных случаях хищением социалистической собственности занимались непосредственно руководители предприятий и организаций. Например, на липецком заводе «Свободный Сокол» директор Тетеревятников с другими руководителями, включая начальника отдела снабжения, во время эвакуации завода 12 июля 1942 г. украли 160 метров спиртового кожаного ремня, тонну сортового и листового железа, 1750 кг нефти, 1000 кг мазута, 1500 кг угля и т. д., обменяв это на продукты в колхозах; через директора Липецкого спиртзавода Лемешко получили 3430 литров спирта под видом поощрения рабочих. В слободе Давыдовка председатель артели «Швейник» Молчанова, 1904 г.р., во время эвакуации имущества артели ukrала 580 кальсон, сшитых для нужд РККА, а также 165 метров мануфактуры и спекулировала ими по районам области. Некоторые руководители пытались провести похищенные ценности через подложные документы [10, л. 17].

Зарегистрированы случаи, когда преступники осуществляли хищения в связи с отсутствием охраны мест хранения государственной собственности в эвакуационной период. Правоохранительными органами вскрыты случаи хищения промышленных товаров, а также горючего должностными лицами с последующим их обменом на сельскохозяйственные продукты. Зерно с колхозных токов похищалось лицами, имевшими к ним свободный доступ, – бригадирами, сторожами. Спекуляция хлебом пользовалась большой популярностью среди должностных лиц, что объяснялось лёгким доступом к складам и документам.

В поле зрения милиции и прокуратуры попадали не только профессиональные перекупщики, но и те, кто продавал домашние вещи с целью покупки еды; пытаясь обмануть милицию, к 1943 г. спекулянты опробовали торговлю незначительными объёмами продуктов питания. К примеру, охранники хлебозавода № 3 в Воронеже за смену сбывали подросткам по 5–6 буханок хлеба, которые те продавали кусками на рынке по спекулятивным ценам. Доказать в таком случае спекуляцию оказывалось непросто [7, л. 102–103]. Осуществлялась выдача карточек по месту жительства своим знакомым, уже получающих их по месту работы, прописка на свою жилую площадь или в жилье знакомых для получения дополнительных карточек [12, л. 31]. Зам. начальника УНКВД Воронежской области по милиции Москов предлагал запретить практику выдачи хлебных карточек неорганизованному населению через представителей уличкомов, снабжать ими граждан только по требованию закона – через карточные бюро, обязать директоров предприятий назначить особым приказом сотрудника, на которого возложить обязанности по хранению, выдаче, учёту и отчетности по хлебным карточкам [12, л. 32]. Сами кадры контрольно-учётных бюро имели низкий уровень квалификации. Многие охотно шли на сговор с преступниками. Талоны на погашенные карточки сжигались практически бесконтрольно.

В рамках борьбы со спекуляцией БХСС напряженно работал над контролем за деятельностью учреждений. Работы было на удивление много. Система торговли кишела растратчиками. Львиная часть дел была связана с махинациями с продуктовыми карточками [11, л. 336 об.]. Распространилась спекуляция водкой и спиртом. По мнению работников БХСС, злоупотреблению карточками способствовали плохая организация карточной системы, слабый контроль за использованием товарных фондов, правильностью выдачи карточек. БХСС высылал на места оперативных работников, которые проверяли правильность выдачи хлебных карточек, получающего их контингента, оказания райотделам НКВД практической помощи [11, л. 337 об.]. Так, было выявлено, что работники ресторана райпотребсоюза села Анна, включая директора, кладовщика и иных лиц, при получении нормированных продуктов питания списывали их на кухню как израсходованные и продавали их своим знакомым. Хищение скрывалось уменьшением нормы закладки сырья и неправильной калькуляцией стоимости блюд в сторону его завышения. Сумма хищения оценивалась в 20 тыс. руб. [11, л. 341].

Заключение

Таким образом, спекуляцию можно охарактеризовать как деятельность, направленную на получение незаконных доходов путём частной торговли (как индивидуальной, так и сообществами) в обход механизмов государственного регулирования. Если в период НЭПа спекулянты могли относительно свободно осуществлять товарообмен промышленными товарами и продовольствием между городом и деревней, получая сверхприбыль, то с усилением государственного начала в экономике и постепенного выхода из кризиса правоохранительных органов подобная схема работы стала затруднительна, так как с созданием колхозов продажа зерна, мяса и других продуктов негосударственным организациям стала резко сокращаться. Это вы-

нудило сместить акценты на спекуляцию продуктами питания, полученными незаконным способом в пекарнях, на овощных базах, а также продукцией массового потребления, производимой на фабриках и заводах. В данном случае в спекуляцию оказались широко вовлечены руководящие работники указанных экономических субъектов. Особая опасность исходила от спекулянтов в годы Великой Отечественной войны. Вовлечённые в спекуляцию лица крали необходимые фронту продукты, обмундирование, медикаменты, способствовали нарушению поставок продуктов в тылу, провоцировали искусственный рост цен на необходимые вещи, создавали ажиотаж и усугубляли экономическую ситуацию. Ввиду данных угроз государство усилило контроль за деятельностью хозяйствующих субъектов. Работники Наркомата внутренних дел анализировали и пресекали возможные каналы хищения государственного имущества и способы его вывода на чёрный рынок, предлагали меры профилактики с широким вовлечением местных советско-партийных органов.

Список источников и литературы

1. Богданов С. В. Молодёжь в сфере теневой экономики СССР (1917 – 1991 годы) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6, № 1. С. 62–72.
2. Богданов С. В. Спекуляция в СССР (1945 – 1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-2. С. 16–21.
3. Варенцова Л. Ю. Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Труды Академии Управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 119–124.
4. Вафин М. О. Исторический путь развития подразделений БХСС в период 1937 – 1947 гг.: от отдела до управления // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Л. Проказина. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2022. С. 15–17.
5. Вафин М. О. Некоторые аспекты деятельности подразделений БХСС на Дальнем Востоке (1937-1947 гг.) // Современная научная мысль. 2023. № 3. С. 146–152.
6. Вафин М. О. Особенности развития и деятельности аппаратов БХСС (1937-1947 гг.) // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 1 (17). С. 19–25.
7. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-2700. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 507.
9. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4036.
10. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4049.
11. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4584.
12. ГАОПИ ВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4586.
13. Государственный архив Орловской области. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 43.
14. Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 570.
15. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-840. Д. 956.
16. Гудкова А. В., Ерин Д. А. Деятельность органов ОГПУ-НКВД СССР по противодействию хищениям и спекуляции хлебом в первой половине 1930-х гг. // Вопросы истории. 2019. № 6. С. 22–33.
17. Емелин М. С. Особенности криминогенной ситуации в СССР накануне Великой Отечественной войны, правовые механизмы противодействия преступности в условиях укрепления командно-административной системы // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 1. С. 11–20.
18. Епихин А. Ю., Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики, (1921-1928). М.: Кучково поле, 2007. 525 с.
19. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / сост. А. А. Герцензон; под ред. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.

20. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1919 г. М., 1943. 886 с.
21. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ. СПб.: Филфак СПбГУ, 2011. 328 с.
22. Уголовный кодекс : с изм. на 1 августа 1941 г. М.: Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1941. 208 с.

References

1. Bogdanov, SV 2013, 'Molodyozh' v sfere tenevoy ekonomiki SSSR (1917 – 1991 gody)'(Young people in the shadow economy of the USSR). *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* (Historical psychology & Sociology), no. 1, pp. 62–72. (in Russ.)
2. Bogdanov, SV 2009, 'Spekulyatsiya v SSSR (1945 – 1953 gg.): prichiny, masshtaby, osobennosti'(Profiteering in the USSR (1945 – 1953): Reasons, Scales, Peculiarities). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* (Izvestiya of Altai State University), no. 4-2, pp. 16–21. (in Russ.)
3. Varentsova, LYu 2019, 'Borba militsii so spekulyatsiyey v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945 gg.)'(Police Struggle Against Speculation in the USSR during the Great Patriotic War (1941 – 1945)). *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii* (Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia), no. 2(50), pp. 119–124. (in Russ.)
4. Vafin, MO 2022, 'Istoricheskiy put razvitiya podrazdeleniy BKhSS v period 1937 – 1947 gg.: ot otdela do upravleniya' (The historical path of development of the units of the Department Against Misappropriation of Socialist Property: from department to directorate). *Gosudarstvo i pravo v epokhu globalnykh peremen. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (State and Law in the Era of Global Changes : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference), Barnaul. jurid. in-t MVD Rossii publ, pp. 15–17. (in Russ.)
5. Vafin, MO 2023, 'Nekotoryye aspekty deyatel'nosti podrazdeleniy BKhSS na DalnemVostoke (1937 – 1947 gg.)' (Some aspects of the activities of BKhSS subdivisions in the far east (1937 – 1947)), *Sovremennaya nauchnaya mysl* (Modern scientific thought), no. 3, pp. 146–152. (in Russ.)
6. Vafin, MO 2024, 'Osobennosti razvitiya i deyatel'nosti apparatov BKhSS (1937 – 1947 gg.)' (Features of the development and operation of BHSS apparatuses (1937 – 1947)), *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost: retrospektiva i perspektiva* (Society, law, statehood: retrospective and perspective), no. 1(17), pp. 19–25. (in Russ.)
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti (GA VO)* (State Archive of the Voronezh Region), fund R-2700, inventory 1, file 12. (in Russ.)
8. *Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoy oblasti (GAOPI VO)* (State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region), fund 2, inventory 1, file 507. (in Russ.)
9. *GAOPI VO*, fund 3, inventory 1, file 4036. (in Russ.)
10. *GAOPI VO*, fund 3, inventory 1, file 4049. (in Russ.)
11. *GAOPI VO*, fund 3, inventory 1, file 4584. (in Russ.)
12. *GAOPI VO*, fund 3, inventory 1, file 4586. (in Russ.)
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GA OO)* (State Archives of the Oryol Region), fund R-468, inventory 1, file 43. (in Russ.)
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti (GA TO)* (State Archives of Tambov Region), fund R-394, inventory 1, file 570. (in Russ.)
15. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti (GASPI TO)* (State Archive of the Socio-Political History of the Tambov Region), fund 840, inventory 1, file 956. (in Russ.)
16. Gudkova, AV, Yerin DA 2019, 'Deyatel'nost organov OGPU-NKVD SSSR po protivodeystviyu khishcheniyam i spekulyatsii khlebom v pervoy polovine 1930-kh gg.' (Activities of the OGPU-NKVD of the USSR to counteract theft and speculation in bread in the first half of the 1930s), *Voprosy istorii*. (Questions of History), no. 6, pp. 22–33. (in Russ.)

17. Yemelin, MS 2017, 'Osobennosti kriminogennoy situatsii v SSSR nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny, pravovyye mekhanizmy protivodeystviya prestupnosti v usloviyakh ukrepleniya komandno-administrativnoy sistemy'(Features criminogenic situation in the USSR on the eve of the great patriotic war, legal mechanisms to combat crime in the context of strengthening the command and administrative system), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* (Legal science: history and the presence), no. 1, pp. 11–20. (in Russ.)
18. Yepikhin, AYu 2007, *VChK-OGPU v borbe s korruptsiyey v gody novoy ekonomicheskoy politiki* (The Cheka-OGPU in the fight against corruption during the years of the new economic policy), Kuchkovo pole publ., Moscow. (in Russ.)
19. Gertsenzon, AA & Golyakov, IT (ed.) 1953, *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnoy zakonodatelstva SSSR i RSFSR 1917 – 1952 gg.* (Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917 – 1952.), Gosyurizdat publ, Moscow. (in Russ.)
20. *Sobraniye uzakoneniye i rasporyazheniy Pravitelstva za 1919 g.* (Collection of laws and orders of the Government for 1919) 1953, Moscow. (in Russ.)
21. Tverdyukova, ED 2011. '*Gosudarstvennoye regulirovaniye vnutrenney trgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoy analiz*'(State regulation of domestic trade in the USSR (late 1920s – mid-1950s) : historical and legal analysis), Filfak SPbGU publ, St. Petersburg. (in Russ.)
22. *Ugolovnyy kodeks. S izmeneniyami na 1 avgusta 1941 g.* (The Criminal Code. As amended on August 1, 1941.), Yurid. Izd-vo NKYu SSSR publ, Moscow. (in Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.11.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 05.11.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 85–99.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 85–99.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-85-99>

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АРТ-ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Наталья Валерьевна
Макашова**

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия, auburncrimson@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-2922-7908>

Аннотация. Современные экологические практики, будучи мировым трендом, могут быть встроены как в художественный проект, так и в практический маркетинг с заботой о планете. Рост экосознательности общества способствует формированию новой системы управления потреблением. В статье отмечен экономический аспект экологической культуры России, наиболее проявившийся в экологических арт-практиках, где границы между зрителем, потребителем и гражданином стираются. Развитие подобных креативных практик способствует созданию коммуникативных платформ, позволяющих реализовывать социокультурный потенциал современных сообществ. В настоящей статье рассматривается процесс организации экологических арт-практик, представляющий исследовательский интерес к компонентам, формирующим уровень экологической культуры общества. Выявляется связь между появлением экологически ориентированных арт-практик и экономическими стратегиями, направленными на сознательных потребителей. В результате исследования было выявлено, что экологическая арт-практика зачастую характеризуется своей временной или локальной соотнесенностью с действительностью, насущными проблемами. Использование термина «эко» и других его форм напрямую влияет на оценку ценностного статуса вещи субъектом, что во многом используется логикой зеленого промышленного маркетинга. Поэтому закономерно возникает проблема того, как именно классифицировать подобные экологические арт-практики, которые отражают различные точки зрения на развитие экономики и эстетизации культуры в России. Проанализировав имеющиеся материалы, можно утверждать о нескольких ведущих направлениях формирования концепта экологической арт-практики в рамках современной культуры потребления: эстетическая концепция повседневности; экологическое художественное творчество; проектирование мероприятия с учетом критериев его экологичности; экопросветительская программа проекта как ключевой фактор, создающий позитивное отношение к экологическому образу жизни.

Ключевые слова: экологическое искусство, культура потребления, экологическая этика, зеленый маркетинг, энвайронментальная эстетика.

Для цитирования: Макашова Н. В. Экологические арт-практики в современной России: этико-экономический аспект // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 85–99. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-85-99>

Сведения об авторе: Н. В. Макашова – аспирант кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6.

Scientific Article
UDC 130.2
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-85-99>

ECOLOGICAL ART PRACTICE IN CONTEMPORARY RUSSIA: ETHICAL AND ECONOMIC ASPECT

Natalia V. Makashova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, auburncrimson@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0005-2922-7908>

Abstract. Contemporary ecological practices, being a global trend, can be integrated into both artistic projects and practical marketing with care for the planet. The growth of eco-consciousness of society contributes to the development of a new system of consumption management. The article points out the economic aspect of Russian ecological culture, most visible in ecological art-practices, where the boundaries between viewer, consumer and citizen are erased. The development of such creative practices contributes to the creation of communicative platforms that allow to fulfill the socio-cultural potential of modern communities. This article discusses the process of developing ecological art-practices, which is research interest to the components that form the state of the society's ecological culture. The correlation between the rise of ecological art-practices and economic strategies aimed at conscious consumers is showed. As a result of the study, it was revealed that ecological art-practices are often characterized by their temporal or local correlation with reality, urgent problems. The use of the term "eco" and its other forms directly affects the estimate of the value status of the thing by the subject, which is in many ways used by the trend of green industrial marketing. Therefore, the problem of how exactly to classify such ecological practices, which reflect different points of view on the development of economy and aestheticization of culture in Russia. After analyzing the present materials, it is possible to suggest several leading directions of establishing the concept of ecological practice within the framework of contemporary consumer culture: everyday aesthetics; eco-art work; development of an event according to the criteria of ecological design; eco-educational program of the project as a key factor to form a positive attitude to ecological lifestyle.

Keywords: eco-art, consumer culture, ecological ethics, ecological marketing, environmental aesthetics.

For citation: Makashova, NV 2024, 'Ecological Art Practice in Contemporary Russia: Ethical and Economic Aspect', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 85-99, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-85-99> (in Russ.)

Information about the Author: *Natalia V. Makashova* – Postgraduate Student, Department of History and Theory of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, 6, Miussskaya Sq., Moscow, 125047, Russia.

© Makashova N. V., 2024

Введение

Арт-практики XXI в. опираются на ряд базовых концептов, направленных на сохранение и продуцирование культурных благ. Доступность информации как культурной ценности формирует новый вектор развития культурной индустрии, которая во многом выходит за рамки гуманитарных наук. Специфика рыночных отношений попадает в систему координат техногенного общества [29]. В свою очередь именно сфера культуры накладывает определенные этические рамки на достижение некоммерческих общественных благ. В данный концепт успешно вписывается экопросветительская выставочная деятельность, направленная на изменение и улучшение осознанности потребительского спроса, повышая культурный уровень населения, обращенный на систему ценностей в области экологии окружающей среды и здорового образа жизни [30; 32]. Взаимодействие эстетики и экономики заняло прочное место в появлении новых художественных практик¹. В свою очередь, рассматриваемые практики апеллируют к доступности информации, направленной на формирование экологической сознательности современного человека. Как результат культурно-образовательной деятельности в интересующих нас проектах моделируется природная среда, отражающая современное видение экологии потребительской культуры. Созданный концепт призывает к инициативе и чувственному опыту реципиента, выявляя индивидуальное и эстетизированное видение взаимодействия природного и человеческого в дискурсивном поле энвайронментальной эстетики [42].

Актуальность заявленной темы определена усложнившимися отношениями между существованием человека и среды его обитания, что проявилось в художественной реакции многочисленных арт-практик, демонстрирующих смещение дискурса с господства человека над природой в сторону превращения природы в художественное пространство, обозначенное опытом единения человеческой созидательной деятельности с окружающей средой [17].

Цель данного исследования – анализ особенностей арт-практик на примерах созданных человеком техногенных энвайронментов, репрезентирующих естественные процессы обыденности как эстетизированную повседневность.

Значимость поставленной задачи определяется тем, что за последнее десятилетие экологические арт-практики уходят от классических принципов создания проектов. Рассматриваемая в исследовании выставочная деятельность дистанцируется от исторически наработанных методов проектирования и все больше уходит в мир культуры участия, что требует изучения ее новых методов. В контексте современных тенденций экологическая арт-практика превращается в результат коллективного арт-производства [18] с включением всевозможных стратегий, носящих как экономический, так и эстетический характер конструирования реальности, соответствующей художественному видению той или иной группы населения.

Материалы и методы исследования

Исследование строится на комплексном сборе данных, используемых при изучении источников, формирующих рассматриваемое дискурсивное поле. Автором были выбраны следующие методы: наблюдение – изучение арт-объектов и практик в специфично созданной художественной среде и их последовательное фиксирование для выборки данного исследования; на основе публичных программ изучение сообществ, участвующих в создании и реализации проектов; интервью и беседы с кураторами мероприятий; запись свободных рассказов участников экопрактик о выбранном исследовательском поле деятельности. Также автором был использован типологический метод, посредством которого выявлен ряд схожих экологических арт-практик в зависимости от места и времени проведения проекта. Необходимость метода сравнительного анализа обусловлена изучением рецептивного опыта участни-

ков и самого автора от посещения конкретного экомероприятия и его презентации в медиа.

Основные сведения для анализа экологических арт-практик взяты автором из собственных полевых наблюдений, собиравшихся в период 2016 – 2023 гг. в Москве. В ходе данной работы автор адаптировал доступные методы исследования под условия и задачи конкретной ситуации – фотофиксация и визуализация арт-объектов, зарисовка плана художественного арт-пространства, исследование системы организации и реализации экомероприятия.

В изучение эстетизации художественных практик большой вклад внесли труды таких исследователей, как Ю. Сайто и А. Берлеант. Теоретическое обобщение проблем экологической эстетики в отечественных исследованиях В. В. Прозерского, Н. Б. Маньковской, В. В. Бычкова помогло автору составить образ современной социокультурной среды человека, его повседневности. Для анализа поведения потребительских групп рассматривались зарубежные и отечественные исследования Ж. Бодрийяра, К. Рапай, А. Линч и М. Штраусе, А. В. Лукиной, Н. В. Топорова и М. В. Рон, в которых достаточно широко представлено влияние стиля жизни на формирование экологических ценностей в контексте статуса вещи как эстетизированного продукта культуры. Особенности экономических зеленых стратегий среди различных социальных слоев населения России были взяты из работ О. А. Козловой, О. Н. Яницкого и Е. Г. Ясина. В комплексе исследований, посвященных культуре участия и социокультурному проектированию, особую ценность для нашей работы представляют труды Н. Саймон, З. Бонами, О. Уорд, Л. Эсплунда, М. Баскара, К. Бишоп, Н. В. Иевлевой и М. В. Потаповой. Методическим руководством по отбору практик для данной работы послужили труды С. Спейд и Л. Вейнтроб, дающие четкие критерии² для выбора преимущественно экологического проекта из всего многообразия появляющихся энвайронментальных практик на современной арт-площадке. В данном исследовании автором было проанализировано 16 экологических арт-практик.

Концепт экологической арт-практики в рамках культуры потребления

В вопросе взаимодействия субъекта и окружающей его среды можно выделить несколько общих концептуальных подходов, на основе которых выстраивается переход системы культурно-этических ценностей выставочной деятельности в поле социально-экономических практик, ориентированных на экологию природопользования и устойчивое развитие общественных благ.

С целью анализа создания экологической арт-практики был исследован ряд московских художественных проектов, изучение которых помогло выделить общие тенденции проектирования выставочной деятельности. Выбранные для исследования культурные учреждения анонсируют стратегии своих проектов с позиции создания практики с нейтральным углеродным следом. В той или иной степени рассматриваемые далее арт-практики демонстрируют пример культурных сервисов и человеческих ресурсов для потребителей-посетителей в рамках зеленого тренда. Важное условие здесь – миссия проекта должна соответствовать этапам ее реализации. Перейдем к рассмотрению полученных результатов исследования.

Результаты

Художественно-выставочный проект-форум «Своими силами. Экологическая выставка местного значения» (галерея «Пересветов переулок», 2020) демонстрировал открытый процесс средств и методов реализации «первой экологической выставки с нулевым углеродным следом» [16, с. 35]. Создание проекта [36] базировалось куратором Александрой Киселевой на использовании политики нулевых затрат – классической экономической стратегии, но с позиции энвайронментального зна-

ния. Художники проекта в качестве материала для арт-объектов использовали вышедшие из употребления предметы служебного помещения галереи, подчеркивая немаловажный аспект проектирования – отказ от транспортировки и движения предметов. Подобный выбор куратора носил самостоятельное значение экологического проектирования в рамках тренда низкоуглеродной экономики.

В ведущем проекте VII Московской международной биеннале «Заоблачные леса» (ГТГ, 2017), представляющей визуально-эфемерную репрезентацию понимания хрупкости природы в многочисленных техногенных практиках, куратором Юко Хасегава³ также было предложено по возможности отказаться от транспортировки арт-объектов. Подобные тенденции соблюдения этически обоснованных правил можно найти и в масштабных проектах музея современного искусства GARAGE. В рамках программы по устойчивому развитию музея на выставке «Грядущий мир: экология как новая политика. 2030–2100» (2019) и 2-й Триеннале российского современного искусства «Красивая ночь всех людей» (2021) художникам предоставлялись мастерские. Касательно «Грядущего мира...» во избежание транспортировки большинство зарубежных работ воссоздавалось авторами по макетам их оригиналов [27, 28]. Сформировавшаяся здесь экологическая миссия проекта берет за основу тренд Zero Waste⁴, который предполагает отказ от издания буклетов и путеводителей по выставке, каталог издается в формате электронного носителя информации, к примеру, Музей современного искусства GARAGE с 2019 г. заменил традиционный билет в музей кассовым чеком на переработанной бумаге.

В дальнейшем недолговечная природа таких проектов, выстроенных согласно политике осознанного потребления и экологической миссии, означает, что, большинство арт-практик в маленьких частных галереях и на арендуемых площадках почти не оставляют после себя информации. Зачастую о такого рода мероприятиях можно узнать из документальных свидетельств (рецензии в журналах, анонсы KudaGo, соцсети, фотографии посетителей, консультации сотрудников учреждения). Вышеуказанные особенности экологического проектирования скорректировали полученные результаты о проектах «Хлам» (галерея XXI века, 2019) и «#ECOFRIENDLY» (галерея ArtPlay, 2020) [5; 7].

Важным следствием техногенного кризиса современной действительности является отсутствие экологического управления, требующего взаимодействия различных социальных групп и связей, использующие коммуникативные и неиерархические формы принятия решений [38]. В этой оптике особо ценно для нашего исследования рассмотрение среды и общества в контексте энвайронментальной эстетики, значимым инструментом которой является культура участия.

В выставочном пространстве кураторы все чаще прибегают к методу «свободной дискуссии» [8; 20], подобный подход в создании арт-практики позволяет решить сразу несколько поставленных перед создателями экомероприятия задач.

Вовлечение посетителя в коммуникацию помогает, главным образом, понять и прочесть многозначность художественного текста [4] экологического искусства, где инсталляция из предметов вторсырья (рис. 1) дает возможность зрителю рассматривать искусство не как провокацию, а как интерпретацию смысловых признаков предметов повседневности, задающих проблемное поле [37].

Эстетический характер ценностного суждения природы воссоздается кураторами в рамках энвайронмента выставочной площадки. Так, арт-медиация⁵ – традиционный метод вовлечения посетителя на вышеуказанных выставках музея GARAGE – позволяла создателям проектов вызвать зрителя на беседу о своих собственных способах быть экологичным, одновременно рассматривая вопросы загрязнения окружающей среды.

Рис. 1. Плащ-дождевик «Plasticdoom», 2016. Автор: Галина Ларина (р. 1996).
Выставка «Вещь! Ре/Конструкция» (ВМДПНИ, 2023).
Фото: Макашова Н. В.

Курировать искусство, предоставляя обмен опытом и профессиональными наработками, означало здесь курирование контента: зритель перенимает функции куратора [2, с. 84]. Методика «углубленного смотрения» [33] применялась на фестивалях «Треш-арт» (ТЦ Ривьера, 2020) [23], «Месяц экологии в Москве» (Музей Москвы, 2021) [21] и «Пластик Фантастик» (ГТГ, 2021) [6]. Организаторы и художники этих проектов приглашали посетителей к участию в создании арт-практики как коллективного продукта культуры, демонстрируя социологические и экономические аспекты вопросов потребления.

Технически созданная в ответ на актуальный запрос действительности, партиципаторная экопрактика погружает посетителей в замысел организаторов, где художник, посетитель и куратор становятся *одним из* группы равноправных участников созданного энвайронмента, который, в свою очередь, выступает образовательным инструментом в трансформации окружающей действительности. Так, главным фактором в арт-практиках «Чистое искусство» (КЦ ЗИЛ, 2016) [22], «Своими силами...» и «Треш-арт» был фактор нематериальной мотивации. Среди участников этих проектов, желающих быть полезными, формировалась новая значимая общественная деятельность, частью которой стала площадка интенсивных коммуникаций, основанная на художественной деятельности и жизненном опыте посетителей.

Хотя не все выбранные арт-практики явно демонстрируют связь с эстетизацией окружающей среды, интерес к определенному месту, сохранению культурной памяти о забытых территориях все же позволяет анализировать эстетический опыт взаимодействия человека и природы в ракурсе повседневных дел. Проекты «Расширяя территории. Департамент потерянных мест» (Государственный Дарвинский музей, 2017) [25], «Наши березы, ваши березы» (Государственный биологический музей им. К. А. Тимирязева, 2017) [24] и часть образовательной программы «Месяц экологии в Москве. Атлас Капотни: Природа» (Музей Москвы, 2021), ориентированные на специфику выбранного места, отражали происходящие техногенные процессы в событиях общественной жизни, создавая образ утраченной локальной идентичности. Данный формат арт-практик демонстрирует модель взаимодействия человека и энвайронмента и предполагает изучение экономического и правового контекста исследуемых проектов.

Выбранные арт-практики делают акцент на трансформацию посетителей в социально значимую общность людей; необходимость финансирования правительством экологических программ и разработку документов, регламентирующих охрану природных ресурсов [39]. Подобное осмысление окружающей среды как эстетического объекта, где природа становится эстетической ценностью, помогает формированию восприятия экологической красоты у человека [26]. Индустриальный пейзаж как продукт человеческой деятельности рассматривается организаторами арт-практик в контексте социальных отношений и культурных традиций конкретного общества. Ему не свойственна природно-утопическая эстетическая ценность, здесь преобладает познавательный характер, ориентированный на средства и цели, нашедшие воплощение в научно-технической деятельности человека, которая, в свою очередь, напрямую зависит от качества жизни людей и состояния экономических ресурсов [40]. На примере следующих арт-практик можно выделить общую закономерность появления части образовательных программ, ориентированных на диалог, концепт гармонии сосуществования человека и природы, его эстетическое отношение к ней. Подобная оптика выставочных арт-практик становится наиболее актуальной в контексте глобальных экологических проблем (рис. 2). В деятельности экологических мероприятий этой категории экопросветительская функция представит, с одной стороны, как досуг, носящий интерактивно-развлекательный формат; с другой – как образовательный сектор, опирающийся на научные области гуманитарного знания.

Совместные проекты Государственной Третьяковской галереи, Политехнического музея, Московского музея дизайна и галереи «Триумф» в 2021 г. были устремлены в будущее. Так, выставки «Живое вещество» [1] и «Фантастик пластик» интересны не только своим художественным осмыслением современных социальных проблем, происходящих в экосистеме планеты, но и тем, что тенденция переработки пластика интерпретировалась организаторами не как критика общества потребления, а как осознание жизненно важной роли пластика в техногенной эпохе человека. Экспериментальные работы, подготовленные российскими и зарубежными дизайнерами в рамках этих проектов, призывали изменить отношение к вторично используемому пластику, представляя его как многофункциональный материал.

Многим экологическим арт-практикам присущ не только созидательный характер, но и экопросветительский. Это прежде всего касается проектов «Живое вещество», «Фантастик пластик», «Заоблачные леса», «Грядущий мир...» и «Своими силами...». Создатели этих проектов ставили задачу продемонстрировать возможности решения экологических проблем, предоставляя образовательный контент, который выходил бы за временные и локальные рамки данных выставок. Циклы лекций и мастер-классов в рамках этих проектов носили практико-ориентированный и по-

знавательный характер. Цель здесь – понять представление посетителей об экологии окружающей среды и ее экономических ресурсах.

Рис. 2. Триптих «Мусорники, контейнеры, баки», фрагменты инсталляции, 2020 г.
Автор: Зина Исупова (р. 1996).
2-я Триеннале Российского современного искусства
«Красивая ночь всех людей» (GARAGE, 2020–2021).
Фото: Макашова Н. В.

Важным элементом образовательных программ этих проектов стала открытость знания, конструирование доступных технологических и социальных ресурсов для посетителей. В этих условиях популяризации экологического образа жизни и ценности природы происходит возвращение к традиционным формам взаимодействия с посетителем. Проводимые циклы лекций КЦ ЗИЛ, Repubblica Verde (Институт Философии РАН) и Лектория ВШЭ создают виртуальные площадки – публичные лектории, ориентированные на экологический менеджмент и пути к углеродной нейтральности [11]. Среди примеров проектов этого образовательного сегмента интересны: онлайн-дискуссия «The Green New Deal: западный опыт и российские перспективы» (КЦ ЗИЛ, 2020) [19] и открытая лекция онлайн- и офлайн-формата «Экологический маркетинг: конкуренция с заботой о планете» (КЦ ЗИЛ, 2021) [12]. Здесь в рамках многолетней образовательной платформы выносятся на обсуждение актуальные вопросы: перспективы программы «Зеленый курс» в современных условиях экономики, распространение экопросветительского знания, мировые тренды «эко, био, органик» и их недостаточность с нарастающей доступной базой информации об экологии природопользования⁶.

Среди других арт-практик, посвященных экологии техногенной цивилизации, интересна адресованная детям и досугу семьи «живая» интерактивно-образовательная деятельность художественного музея мусора «МУ МУ» [34]. Данный проект московской арт-группы BURO представляет собой яркий пример потребительского спроса в развлекательном сегменте образовательных услуг. Масштабная

практика посещения данного музея, по словам создателя, выстроена так, чтобы подавать тяжелые и мрачные вопросы загрязнения окружающей среды через игровой формат. «Узнать, удивиться, улыбнуться» [15, с. 78–79] – это неизменное кредо данного проекта на всех выставочных площадках. Таким образом, использование экологического искусства становится атрибутом художественного концепта энвайронментальной практики. Содержание проблемы, на решение которой направлены программы по утилизации и переработки вторсырья, превращается здесь в важнейший инструмент эстетизации предметов повседневной действительности. Массовость и повторяемость экономического и культурного состояния общества используется большинством организаторов экологических арт-практик не на стимулирование продукции, как это делали бы маркетинговые кампании, а на решение социальных проблем. В рамках рассматриваемых арт-практик художественное пространство превращается в энвайронмент ориентированный на реализацию соответствующих программ, одновременно выступая как досуговая активность.

Обсуждение результатов

Можно констатировать, что экологическая арт-практика имеет несколько уровней восприятия. Первый уровень – внешний, здесь посетитель с помощью классического метода наблюдения считывает художественный компонент арт-пространства – экологическое искусство. Композиционные особенности творчества демонстрируют беспрецедентное воздействие научно-технического прогресса на художественную культуру. Нетипичные для классического искусства материалы: пластик, вторсырье, одежда и т. д. вызывают к жизни новые виды арт-практик, формирующиеся исключительно на техногенной основе.

Создатели экологических арт-практик высказываются в рамках социального контекста. При этом рассматриваемое в исследовании художественное творчество ставит под вопрос традиционные ценности культуры потребления, активизируя процесс эстетизации повседневности.

Музей, как и любое другое выставочное пространство, будучи социальной платформой коммуникации, предоставляет посетителям инструмент для общения и обратную связь [41]. Здесь формируется второй уровень – внутренний. Посетитель, осмысливая происходящие процессы техногенной цивилизации на примерах соучастия в арт-практике, создает художественный акт. Одной из характерных черт экологических арт-практик становится грамотная коммуникация, которая подводит посетителя к осознанию взаимосвязи между экологическим маркетингом, предметами потребления и решением экологических проблем. Социальность такого рода мероприятий трансформирует восприятие посетителя-пользователя, превращая его из потребителя в производителя эстетических ценностей, формируя экологию техногенной среды.

Заключение

Материалы исследования показывают, что экологические арт-практики направлены на актуальное решение социально значимых проблем путем организации эффективных коммуникаций. Особенности проектирования арт-практик предполагают преодоление каких-то локальных затруднений, носящих самостоятельный характер в рамках специально созданной художественной деятельности. Соблюдение теоретических правил экологического проектирования арт-практик подразумевает, что во внимание принимаются все заинтересованные стороны – от создателя до посетителя. В подобной ситуации художественная выставка превращается в повестку внедрения экологических технологий в образовательно-развлекательную отрасль, отражая общемировой зеленый тренд.

Соответствующий взгляд на окружающую техногенную среду в условиях глобализации помогает посетителям понять закономерности происходящих процессов в

культуре общества, взаимосвязь экологических исследований, здорового образа жизни и потребительского спроса [3].

Анализируя, вышеописанные московские арт-практики, можно утверждать, что в художественной деятельности преобладает тенденция развития экопросвещения. Эффективность привлечения внимания общественности к доступности экологического образования и практической его реализации, начиная с созданного арт-пространства, как показывает исследование, зависит от цели проводимого мероприятия. Более активное включение посетителей в творческий процесс создания экопрактики дает возможность выхода мероприятия за рамки музейного и выставочного зала. Рост экологических сообществ демонстрирует востребованность такого рода арт-практик среди разных категорий публики.

Использование экологического искусства, которое находится в едином эстетическом поле с природой, позволяет человеку переосмыслить критерий ценности прекрасного в окружающей среде. Как было подчеркнуто в исследовании, современное экологическое искусство воздействует на восприятие реципиента. Созданное из нетипичных материалов, не ограниченное классическими категориями прекрасного, оно утрачивает эстетическую сущность изящных искусств, подчеркивая несовершенство техногенной цивилизации. Разумеется, такой ракурс трансформации выставочной деятельности подразумевает стремление освободиться от материального позиционирования вещи как эстетизированного продукта культуры.

Столь краткий период исследования в семь лет не предоставляет значимых данных для обобщения особенностей состава социокультурных групп на выбранных выставках. Однако общая оценка процессов развития новейших художественных течений дает основания выявить методы организации арт-практик с точки зрения социальной необходимости; предпочтений посетителей относительно решения социально значимых культурных проблем; привлекательности этически осознанного потребления товаров и услуг; ассоциативности экологического искусства как атрибута экопросвещения.

В рамках данной работы автором были выявлены основные направления, по которым развивается экологически ориентированная выставочная деятельность. Исходя из общего анализа материала, можно заключить, что исследуемые арт-практики охватывают одновременно все аспекты жизнедеятельности человека – экономическую, художественную и социальную. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что экологическая арт-практика становится самостоятельным продуктом высокотехнологичного общества, где взаимодействие природы и техники является закономерным итогом развития эстетизации ненатуралистической культуры повседневности.

Примечания

1. Связь базовых понятий потребительского поведения, феномен постоянного *изменения* общественных стандартов и норм, как способов трансляции человеком происходящих в обществе процессов, в настоящей статье рассматривается посредством вариантов художественных экологических практик. Подробнее о примерах прогнозирования намечающихся в обществе тенденций и их связи с художественными практиками см. [13].
2. Сформулированный Сью Спейд в 1999 г. термин «эковенция» (Ecovention - экология + изобретение), описывает инициированный художником проект, который с помощью изобретения как стратегии трансформирует экологию окружающей среды. К особенностям данной эко-практики автор относит ее активную сущность, моделируется подобный опыт при непосредственном привлечении местных сообществ для реализации и дальнейшего существования проекта [43, p. 5]. Многообразие направлений и неточность существующих определений экологической арт-практики рассматривается в монографии Линды Вейнтроб как самостоятельное течение начиная с 1960-х гг. Труд, посвященный большому диапазону возможностей создания произведений, относящихся к

форме экологического искусства, описывается автором как различные социокультурные практики, ключевыми аспектами которых являются социальная значимость проекта, привлечение общественности, инновационные стратегии, выразившиеся в арт-объектах и проектировании [45, р. 4–16].

3. Юко Хасегава – куратор VII Московской биеннале современного искусства, директор Токийского музея современного искусства, преподает теорию искусства и кураторства в Высшей художественной школе Токио университета Тама. Интервью с Юко Хасегава к выставке «Заоблачные леса» см. [9].

4. Zero Waste – тренд зеленой экономики, в основу которого положена концепция снижения количества производимых бытовых отходов за счет осознанного выбора товаров, повторного использования бытовых предметов и соблюдения правил утилизации и переработки вторсырья; интервью с экоактивистом Лорен Сингер см. [44].

5. Возможность социализации посетителей проекта при инициировании обсуждения превращает последних в активных участников, создавая тем самым «новый» энвайронмент. Подробнее о сценариях подачи контента организаторами художественного мероприятия см. [31, с. 228–242].

6. Трансформация современного зеленого маркетинга и социо-экологический механизм формирования потребительского спроса рассмотрены подробнее в статьях [10, с. 53–58; 14, с. 74–80].

Список источников и литературы

1. Архив выставки «Живое вещество» : аудиогид с Алёной Долецкой / Государственная Третьяковская галерея // izi.TRAVEL: the storytelling platform. URL: <https://izi.travel/ru/4d2f-arkhiv-vystavki-zhivoe-veschestvo/ru> (дата обращения: 26.08.2024).
2. Баскар М. Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 360 с.
3. Бодрийяр Ж. Эстетическая иллюзия как эстетическая дезиллюзия // Заговор искусства / пер. с фр. А. В. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2023. С. 177–213.
4. Бонами З. А. Игры разума с предметом: в поисках дефиниции музейной коммуникации // Музей. Памятник. Наследие. 2018. № 1 (3). С. 41–50.
5. Выставка «#ECOFRIENDLY» // ArtPlay: design center : сайт. URL: <https://artplay.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).
6. Фантастик Пластик : выставка, 2 октября 2020 – 30 мая 2021 // Государственная Третьяковская галерея : офиц. сайт. М., 2020–2024. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/o/fantastik-plastik/> (дата обращения: 26.08.2024).
7. Выставка «Хлам» // Галерея XXI века : сайт. М., 2019. URL: https://vzmoscow.ru/events/2019/vstavka_hlam/index.php (дата обращения: 26.08.2024).
8. Иевлева Н. В. Нетрадиционные подходы к изучению нетрадиционного искусства // Экология визуальности и изобразительное искусство. СПб.: ГРМ, 2006. С. 46–62.
9. Главная роль. Юко Хасегава : [интервью к выставке «Заоблачные леса»] // Телеканал Россия : Эфир от 18.09.2017. Время воспроизведения: 00.00.00-00.13.05. URL: <https://www.vesti.ru/article/1676924?ysclid=m554ha3l2y895514331> (дата обращения: 26.08.2024).
10. Козлова О. А. Упаковка в концепции экологически ориентированного товара // XV Апрельские экономические чтения : сб. науч. тр. Омск: Параграф, 2010. С. 53–58.
11. Repubblica Verde: лекторий о человеке и его отношениях с природой : [открытый интернет-проект] / Совет молодых ученых Института философии РАН. М., 2018–2024. URL: <http://rverde.ru> (дата обращения: 26.08.2024).
12. Лебедев А., Израелян Е. Экологический маркетинг: конкуренция с заботой о планете : лекция // Высшая школа экономики [Электронный ресурс] Время воспроизведения: 00.00.04-00.52.43. URL: https://vk.com/video-60770247_456239296?ysclid=m554id6ewj737833246 (дата обращения: 26.08.2024).
13. Линч А., Штраусс М. Изменения в моде: причины и следствия / пер. с англ. А. М. Гольдина; под ред. А. В. Лебсак-Клейманс. Минск: Гревцов Паблицер, 2009. 280 с.
14. Лукина А. В. Экологический фактор в отношении и поведении российских потребителей // Вестник РЭУ им. Г.В. им. Плеханова. 2012. № 6. С. 74–80.

15. Макашова Н. В., Клочкова И. А. Интервью с директором художественного музея мусора «МУ МУ» И. А. Клочковой // Проектная культура и качество жизни. 2020. № 18. С. 72–98.
16. Макашова Н. В. Особенности проектирования выставочной площадки экопросветительского социокультурного проекта // Проектная культура и качество жизни. 2022. № 26. С. 23–41.
17. Маньковская Н. Б. Экоэстетика // Феномен постмодернизма : художественно-эстетический ракурс. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 210–254.
18. Маньковская Н. Б., Бычков В. В. Современное искусство как феномен техногенной цивилизации : учеб. пособие для студ. вузов. М.: ВГИК, 2011. 208 с.
19. Онлайн дискуссия «The Green New Deal: западный опыт и российские перспективы» // Культурный центр ЗИЛ : [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-33813991_147225&ysclid=m57 (дата обращения: 28.06.2024).
20. Потапова М. В. Публика художественного музея в ракурсе социальных перемен // Триумф музея? : сб. ст. / СПбГУ. СПб.: Осипов, 2005. С. 57–88.
21. Месяц экологии в музее Москвы // Музей Москвы : офиц. сайт. М., 2021–2024. URL: <https://mosmuseum.ru/events/p/ecology/> (дата обращения: 26.08.2024).
22. Чистое искусство: конкурс по созданию арт-объектов из бытового мусора : [сайт мероприятия] / Культурный центр ЗИЛ и [др.]. М., 2016. URL: <https://ecoartkonkurs.ru> (дата обращения: 26.08.2024).
23. Программа фестиваля – выставки «Треш-Арт» // Ривьера : сайт ТРЦ. URL: <https://events.riviera.su/trashart> (дата обращения: 26.08.2024).
24. Проект Биологического музея «Наши березы, ваши березы» // Афиша Москвы : сайт. URL: <https://www.mos.ru/afisha/birch> (дата обращения: 26.08.2024).
25. Расширяя территории | департамент потерянных мест и новых воспоминаний : в рамках Параллельной программы 7-й Московской международной биеннале современного искусства : 15 сент. – 26 нояб. 2017 г. // Государственный Дарвиновский музей : офиц. сайт. М., 2017–2024. URL: <https://www.darwinmuseum.ru/projects/event/rasshiryaya-territorii-departament-poteryannyh-mest-i-novyh-vospominanij> (дата обращения: 26.08.2024).
26. Прозерский В. В. Экологическая эстетика на рубеже столетий: выбор концептуального пути // Вестник СПбГУ. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. 2013. № 3. С. 22–28.
27. Публичная программа 2-й Триеннале Российского Современного искусства «Красивая ночь всех людей» // GARAGE: Музей современного искусства «Гараж» : офиц. сайт. М., 2019–2024. URL: <https://triennial.garagemca.org/ru/program> (дата обращения: 26.08.2024).
28. Публичная программа «Грядущий мир: экология как новая политика. 2030–2100» // GARAGE: Музей современного искусства «Гараж» : офиц. сайт. М., 2019–2024. URL: <https://garagemca.org/exhibition/the-coming-world-ecology-as-the-new-politics-2030-2100> (дата обращения: 26.08.2024).
29. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему : пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 167 с.
30. Рон М. В. Вещь в пространстве культуры (абрисы культуры) // Культурологические исследования "03 : сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 90–99.
31. Саймон Н. Партиципаторный музей / пер. с англ. А. Глебовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 439 с.
32. Топоров Н. В. Вещь в антропоцентрической перспективе // Aequinox, МСМХСIII : [сб. науч. ст.] / ред.-сост. Е. Г. Рабинович, И. Г. Вишневецкий. М.: Кн. сад : Carte Blanche, 1993. С. 70–167.
33. Уорд О. Искусство смотреть : как воспринимать современное искусство / пер. с англ. С. Кузнецова. М.: Ад Маргинем Пресс : Музей совр. искусства «Гараж», 2021. 176 с.
34. Художественный Музей Мусора МУ МУ : офиц. сайт. URL: <https://art-mumu.ru> (дата обращения: 26.08.2024).

35. Шарковская А. В. Культура потребления как компонент ценностной структуры личности // Экология и жизнь : XVIII Всероссийская науч.-практ. конф. : сб. ст. Пенза, 2010. С. 161–164.
36. Экологический форум // HSE Art and Design School : цифровая экосистема Школы дизайна ВШЭ / НИУ ВШЭ. М., 2022–2024. URL: <https://hsedesign.ru/project/38e6e1d05f9c4e0bbda95f0a80d5fade> (дата обращения: 26.08.2024).
37. Эсплунд Л. Искусство видеть : как понимать современное искусство / пер. с англ. Е. Курова. М.: Ад Маргинем Пресс : ABCdesign, 2022. 232 с.
38. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 215 с.
39. Ясин Е. Г. Влияние культуры на модернизацию России : [доклад] к XV Апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 1-4 апреля 2014 г., Москва. М.: ИД ВШЭ, 2014. 63 с.
40. Berleant A. Policy, Aesthetics and Environment: The Way to Social Aesthetics // *ESPES: The Slovak Journal of Aesthetics*. 2017. Vol. 6, no. 2. P. 98–110.
41. Bishop C. Artificial hells: participatory art and the politics of spectatorship. Brooklyn, NY: Verso., 2012. 373 p.
42. Saito Y. The Role of Imperfection in Everyday Aesthetics // *Contemporary Aesthetics*. 2017. Vol. 15, no. 1. P. 87–94.
43. Spaid S. Ecovention, Current Art to Transform Ecologies. Contemporary Arts Center, 2002. 153 p.
44. Why I live Zero Waste life? | Lauren Singer | TEDxTeen // [Электронный ресурс] URL: <https://ya.ru/video/preview/5834962226034643245> (date of request: 26.08.2024).
45. Weintraub L. To Life!: Eco Art in Pursuit of a Sustainable Planet. Berkeley: University of California Press, 2012. 389 p.

References

1. ‘Arkhiv vystavki «Zhivoye veshchestvo»’ Audiogid s Alyonoy Doletskoy, Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya (“Live Matirial” Audio guide with Alena Doletskaya, the Tretyakov Gallery) 2021, *izi.Travel*, viewed 26 August 2024, <https://izi.travel/ru/4d2f-arkhiv-vystavki-zhivoe-veschestvo/ru> (in Russ.)
2. Baskar, M 2017, *Printsip kuratorstva. Rol' vybora v epokhu pereizbytki* (The principle of supervision. The role of choice in an era of excess), Ad Marginem Press, Moscow. (in Russ.)
3. Baudrillard, J 2023, ‘*Esteticheskaya illyuziya kak esteticheskaya dezillyuziya*’ (Aesthetic illusion as aesthetic disillusion. Conspiracy of Art), RIPOL classic publ, Moscow, Russia. (in Russ.)
4. Bonami, ZA 2018, ‘Igry razuma s predmetom: v poiskakh definitsii muzeynoy kommunikatsii’ (Mind games with an object: in search of a definition of museum communication), *Museum. Monument. Heritage*, no. 1(3), pp. 41–50. (in Russ.)
5. ‘Vystavka «#ECOFRIENDLY»’ (Exhibition “#ECOFRIENDLY”) 2020, Galereya ArtPlay – Tsentr Dizayna, viewed 26 August 2024, <https://www.artplay.ru/> (in Russ.)
6. ‘Vystavka «Fantastik Plastik»’ (Exhibition “Fantastik Plastik”) 2021, *Tretyakov Gallery*, Moscow, viewed 26 August 2024, <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/o/fantastikplastik/> (in Russ.)
7. ‘Vystavka «Khlam»’ (Exhibition “Trash”) 2020, *Galereya XXI veka*, Moscow, viewed 26 August 2024, https://vzmoscow.ru/events/2019/vistavka_hlam/index (in Russ.)
8. Ievleva, NV 2006, ‘Netraditsionnyye podkhody k izucheniyu netraditsionnogo iskusstva’ (Non-traditional approaches to the study of non-traditional art), *Ekologiya vizual'nosti i izobrazitel'nogo iskusstva* (Ecology of visuality and fine art), Gosudarstvennyy Russkiy muzey publ, Saint-Petersburg, pp. 46–62. (in Russ.)
9. ‘Interv'yu s kuratorom Yuko Khassegava k vystavke «Zaoblachnyye lesa»’ (Interview with curator Yuko Hasegawa for the exhibition “Cloudy Forests”), *Rossiya 1 Vesti*, broadcast from 18.09.2017, Playback time: 00.00.00-00.13.05, viewed 26 August 2024 <https://www.vesti.ru/article/1676924?ysclid=m554ha3l2y895514331> (in Russ.)

10. Kozlova OA 2010 'Upakovka v kontseptsii ekologicheskoi oriyentirovannogo tovara' (Packaging in the concept of environmentally oriented goods), *XV Aprel'skiye ekonomicheskkiye chteniya*, «Paragraf» publ, Omsk, pp. 53–58. (in Russ.)
11. 'Lektoriy o cheloveke i yego otnoshenii k prirode' (Lecture on man and his relationship to nature), *Respublika Verde*, viewed 26 August 2024, <http://rverde.ru> (in Russ.)
12. 'Lektsiya A. Lebedeva i Ye. Izrail'tyanin: «Ekologicheskii marketing: konkurentsia s zabotoy o planete», Vysshaya shkola ekonomiki' (Ecological marketing: competition while caring for the planet, National Research University Higher School of Economics), *Respublika Verde*, viewed 26 August 2024 https://vk.com/video-60770247_456239296?ysclid=m554id6ewj737833246 (in Russ.)
13. Lynch, A & Strause, M 2009, *Izmeneniya v mode: prichiny i sledstviya* (Changes in fashion: causes and consequences), Grevtsov Publisher, Minsk. (in Russ.)
14. Lukina, AV 2012 'Ekologicheskii faktor v otnoshenii i povedenii rossiyskikh potrebitel' (Environmental factor in the attitude and behavior of Russian consumers), *Vestnik REU im. G.V. im. Plekhanova*, no.6. pp. 74–80. (in Russ.)
15. Makashova, NV 2020, 'Interv'yu s direktorom khudozhestvennogo muzeya musora «MU MU» I.A. Klochkova' (Interview with the director of the art museum of garbage "MU MU" I.A. Klochkova), *Proyekt'naya kul'tura i kachestvo zhizni*, no. 18, pp. 72–98. (in Russ.)
16. Makashova, NV 2022, 'Osobennosti proyektirovaniya vystavochnoy ploshchadki ekologo-prosvetitel'skogo sotsiokul'turnogo proyekta' (Features of designing an exhibition site for an eco-educational sociocultural project), *Proyekt'naya kul'tura i kachestvo zhizni*, no. 26, pp. 23–41. (in Russ.)
17. Mankovskaya, NB 2020, *Fenomen postmodernizma. Khudozhestvenno-esteticheskii rakurs* (The phenomenon of postmodernism. Artistic and aesthetic perspective), Moscow, Saint Petersburg. (in Russ.)
18. Mankovskaya, NB & Bychkov, VV 2011, *Sovremennoye iskusstvo kak fenomen tekhnogennoy tsivilizatsii* (Contemporary art as a phenomenon of technogenic civilization), VGIK publ, Moscow. (in Russ.)
19. 'On-layn diskussiya KTS ZIL «The Green New Deal: zapadnyy opyt i rossiyskiye perspektivy»' (Online discussion of the ZIL CC "The Green New Deal: Western experience and Russian prospects"), viewed 26 August 2024, https://vk.com/wall-33813991_147225&ysclid=m57 (дата обращения: 28.06.2024). (in Russ.)
20. Potarova, MV 2005, 'Publika khudozhestvennogo muzeya s tochki zreniya sotsial'nykh peremen' (The public of an art museum from the perspective of social change), *Triumf muzeya?*, Osipov publ, Saint Petersburg. (in Russ.)
21. 'Programma «Mesyats ekologii v muzeye Moskvye»' (Program "Ecology Month in the Moscow Museum"), *Moskva bez okrain, Kapotnya*, viewed 26 August 2024, <https://bezokrain.moscow/kapotnya> (in Russ.)
22. 'Programma konkursa – vystavki «Chistoye iskusstvo»' (Program of the contest - exhibition "Pure Art"), *Kul'turnyy tsentr ZIL*, viewed 26 August 2024, <https://ecoartkonkurs.ru> (in Russ.)
23. 'Programma festivalya – vystavki «Tresh-Art»' (Program of the festival - exhibition "Trash Art"), *TTS Riv'year*, viewed 26 August 2024 <https://events.riviera.su/trashart> (in Russ.)
24. 'Proyekt Biologicheskogo muzeya «Nashi berezy, vashi berezy»' (Project of the Biological Museum "Our birches, your birches"), *Mos.ru*, viewed 26 August 2024, <https://www.mos.ru/afisha/birch> (in Russ.)
25. 'Proyekt Darvinskogo muzeya «Rasshiryaya territorii. Departament poteryannykh mest i novykh vospominaniy»' (The State Darwin Museum "Expanding territories. Department of Lost Places and New Memories"), The State Darwin museum, viewed 26 August 2024, <https://www.darwinmuseum.ru/projects/event/rasshiryaya-territorii-departament-poteryannyh-mest-i-novyh-vospominaniy> (in Russ.)
26. Prozersky, VV 2013, 'Ekologicheskaya estetika na rubezhe vekov: vybor kontseptual'nogo puti' (Ecological aesthetics at the turn of the century: choosing a conceptual path), *Vestnik SPbGU. Ser. 17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya*, no. 3, pp. 22–28. (in Russ.)
27. 'Publichnaya programma 2-y Triyennale Rossiyskogo Sovremennogo iskusstva «Krasivaya noch' vsekh lyudey»' (Public program of the 2nd Triennial of Russian Contemporary Art

- “Beautiful Night of All People”), *GARAGE Museum*, viewed 26 August 2024, <https://trienial.garagemca.org/ru/participants> (in Russ.)
28. ‘Publichnaya programma «Gryadushchiy mir: ekologiya kak novaya politika. 2030–2100»’ (“The Upcoming World: Ecology as a New Politics. 2030–2100”), *GARAGE Museum*, viewed 26 August 2024, <https://upcomingworld//garagemca.org/ru> (in Russ.)
 29. Rapai, K 2016, *Kul'turnyy kod: Kak my zhivem, chto pokupayem i pochemu* (Cultural code: How we live, what we buy and why), Alpina Publisher, Moscow. (in Russ.)
 30. Ron, MV 2003, ‘Veshch' v prostranstve kul'tury’ (Thing in the space of culture), *Kul'turologicheskiye issledovaniya "03 : sb. nauch. tr., Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena*, publ, Saint Petersburg, pp. 90–99. (in Russ.)
 31. Simon, N 2017, *Partitsipatornyy muzey* (Participatory Museum), Ad Marginem Press, Moscow. (in Russ.)
 32. Toporov, NV 1993, ‘Veshch' v antropotsentricheskoy perspektive’ (The Thing in an Anthropocentric Perspective), in EG Rabinovich & IG Vishnevetskiy (eds.) *Aequinox MCMXCIII*, Knizhnyy sad publ, Carte Blanche publ, Moscow, pp. 70–167. (in Russ.)
 33. Ward, O 2021, *Iskusstvo smotret. Kak vosprinimat' sovremennoye iskusstvo* (The art of looking. How to perceive contemporary art), Ad Marginem Press, Moscow. (in Russ.)
 34. ‘Khudozhestvennyy Muzey Musora MUMU’ (Art Museum of Garbage MUMU), viewed 26 August 2024, <https://art-mumu.ru> (in Russ.)
 35. Sharkovskaya, AV 2010, ‘Kul'tura potrebleniya kak komponent tsennostnoy struktury lichnosti’ (Consumption culture as a component of the value structure of the individual), *Ekologiya i zhizn'*, Penza, pp. 161–164. (in Russ.)
 36. ‘Ekologicheskiy forum’ (Environmental forum), *Shkola dizayna VShE* (HSE Design School), viewed 26 August 2024, <https://hsedesign.ru/project/38e6e1d05f9c4e0bbda95foa80d5fade> (in Russ.)
 37. Esplund, L 2022, *Iskusstvo videt'. Kak ponimat' sovremennoye iskusstvo* (The art of seeing. How to understand contemporary art), Ad Marginem Press, Moscow. (in Russ.)
 38. Yanitsky, ON 2011, *Ekomodernizatsiya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva* (Eco-modernization of Russia: theory, practice, perspective), Institut sotsiologii RAN publ, Moscow. (in Russ.)
 39. Yasin, EG 2014, *Vliyaniye kul'tury na modernizatsiyu Rossii* (The influence of culture on the modernization of Russia), Izdatel'skiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki publ, Moscow. (in Russ.)
 40. Berleant, A 2017, ‘Policy, Aesthetics and Environment: The Way to Social Aesthetic’, in *ESPEs*, vol. 5, no. 2, pp 98-110.
 41. Bishop, C 2012, *Artificial hells: participatory art and the politics of spectatorship*, Verso publ, Brooklyn, NY.
 42. Saito, Y 2017, ‘The Role of Imperfection in Everyday Aesthetics’, *Contemporary Aesthetics Journal*, vol. 15, no. 1, pp 87–94.
 43. Spaid, S 2002, ‘Ecovention, Current Art to Transform Ecologies’, *Contemporary Arts Center*, Cincinnati, OH.
 44. ‘TEDxTeen. Lauren Singer. Why I live Zero Waste life?’, viewed 26 August 2024, <https://ya.ru/video/preview/5834962226034643245>
 45. Weintraub, L 2012, *To Life!: Eco Art in Pursuit of a Sustainable Planet*, University of California Press, Berkeley, CA.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 21.10.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Тулский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 100–113.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2024. Issue 4 (20). P. 100–113.

Научная статья

УДК 394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

ФРАТРИИ У ОБСКИХ УГРОВ: ПОЛЕМИКА В УГРОВЕДЕНИИ КАК НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГРЫ

**Елена Петровна
Мартынова**

Тулский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. В угроведении накоплен не только большой массив данных, но и представлены разные, порой взаимоисключающие, гипотезы о сущности разделения хантов и манси на группы Мось и Пор. Эти сведения и исследовательские подходы стали предметом изучения автора в данной статье. Ее цель – дать общий обзор подходов к трактовкам разделения на Пор / Мось среди обско-угорских народов и показать разные ракурсы освещения этой запутанной проблемы. Автор ни в коем случае не ставит задачу опровержения прежних взглядов и подтверждения своих. В работе анализируются концепции ученых-этнографов, начиная с конца XIX в. и заканчивая современными наблюдениями. В фокусе внимания автора, прежде всего, советские североведы (В. Н. Чернецов, А. М. Золотарев, З. П. Соколова), выдвинувшие и обосновавшие в эволюционно-марксистском русле идею формирования и длительного сохранения дуально-фратриальной организации у хантов и манси. В 1990-е гг. спектр интерпретаций деления на группы Мось и Пор у сибирских угров расширился. На первую позицию вышла этногенетическая гипотеза, трактующая эти социальные группировки как разные этнические общности, участвующие в этногенезе хантов и манси. Наиболее полно она представлена в работах Е. П. Мартыновой и Е. В. Переваловой. Нужно отметить заслуги известного венгерского исследователя П. Вереша, связавшего противопоставляемые группы Пор и Мось с древними мировоззренческими установками угров, которые до сих пор сохраняют дуализм и бинарность в духовной культуре. Важно подчеркнуть, что концепции, объясняющие разделение на Пор и Мось, базируются на множестве этнографических, фольклорных, лингвистических, археологических данных, которые по-разному интерпретируются. На этих основаниях они могут (и должны) считаться научным наследием Югры.

Ключевые слова: угроведение, обские угры (ханты и манси), социальная организация, фратрия, дуальная экзогамия, мировоззрение.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Фратрии у обских угров: полемика в угроведении как научное наследие Югры // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 100–113. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

Сведения об авторе: Е. П. Мартынова – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Мартынова Е. П., 2024

Scientific Article
UDC 394
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113>

PHRATRIES AMONG OB UGRIANS: POLEMICS IN UGRIC STUDIES AS A SCIENTIFIC HERITAGE OF YUGRA

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. The Ugric studies include a large array of data. However, there are different, sometimes mutually exclusive, hypotheses about the essence of Khanty and Mansi division into Mos and Por groups. These data and research approaches are the subject of the author's study in this article. It aims to give a general overview of approaches to the interpretations of the Por/Mos division among the Ob-Ugric peoples and to show different angles of coverage of this confusing problem. At the same time, the author in no way aims to refute previous views and confirm his own. The work analyses the concepts of ethnographers, starting from the end of the 19th century and ending with modern observations. First of all, the author focuses on Soviet northerners (V. Chernetsov, A. Zolotarev, Z. Sokolova), who put forward and substantiated the idea of the formation and long-term preservation of dual-phratry organisation among Khanty and Mansi in an evolutionary-Marxist manner. In the 1990s, the spectrum of interpretations of the division into groups of Mos and Por in the Siberian Ugrians expanded. The ethnogenetic hypothesis, which treats these social groups as different ethnic communities that participated in the ethnogenesis of Khanty and Mansi, takes the first place. It is most fully presented in the works of E. Martynova and E. Perevalova. The author notes the merits of the famous Hungarian researcher P. Veres, who linked the opposing groups of Por and Mos with the ancient worldview of the Ugrian peoples, who still preserve dualism and binarity in their spiritual culture. It is important to emphasize that the basis of the concept explaining the division into Por and Mos is a lot of ethnographic, folklore, linguistic, archaeological data interpreted in different ways. Thus, they can (and should) be the scientific heritage of Ugra.

Keywords: Ugric studies, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), social organization, phratry, dual exogamy, worldview.

For citation: Martynova, EP 2024, 'Phratries Among Ob Ugrians: Polemics in Ugric Studies as a Scientific Heritage of Yugra', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 100–113, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-100-113> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Написание статьи в определенной степени было спровоцировано одной из последних публикаций А. В. Головнева «Теории этногенеза как научное наследие: опыт академической истории Югры», в которой автор предлагает рассматривать в качестве научного наследия «актуальные тематические разработки вместе с их содержанием». «Их ценностью является не "единственно верная" теория, а все поле дискурса с различными, в том числе противоположными, доводами и мнениями. В ранг научного наследия тема возводится не чьим-то волеизъявлением, а благодаря содержанию и энергии научной дискуссии» [9, с. 81]. Уверена, что угроведы соглашались со мной в том, что тематика интерпретаций сущности разделения обско-угорских народов на две группы Мось и Пор безусловно, заслуживает быть включенной в научное наследие Югры. Замечу, что в недавно вышедшей «Академической истории Югры» эта проблема не затронута прежде всего из-за ее дискуссионности, сложности и многогранности.

Основная цель данной статьи – дать обзор подходов к трактовкам разделения на Пор / Мось среди обско-угорских народов и показать разные ракурсы освещения этой запутанной проблемы. Автор ни в коем случае не ставит задачу опровержения прежних взглядов и подтверждения своих. В работе анализируются концепции ученых-этнографов, начиная с конца XIX в. и заканчивая современными наблюдениями.

Первые сведения

Рассказы о людях Пор и Мось встречаются в разных жанрах обско-угорского фольклора (сказках, мифах, легендах). В сказках указывается на противопоставление, соперничество, вражду *Пор-ёх* и *Мось-ёх* [18, с. 84–103; 326–342]. В конце 1880-х гг. Н. Л. Гондатти, побывавший у сосвинско-ляпинских манси, записал легенду о богатырях *Мос-хум* (мужчина Мось) и *Пор-хум* (мужчина Пор), от которых пошли разные люди. Однажды богатыри Мось, вернувшись с охоты, начали варить добытое мясо. Но были атакованы врагами, обратились в бегство, захватив с собой сырое мясо и съев его. Это были *Мось-хум* (люди Мось). Другие – *Пор-хум* (люди Пор) – продолжили варить мясо, несмотря на нападение врагов, они съели вареное мясо. С тех пор съевшие сырое мясо зовутся *Мось-хум*, а вареное – *Пор-хум*. И потомки богатырей сохранили эти названия. «Теперь большей частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими к разным поколениям; выйти женщине из поколения *мось-хум* замуж за человека, происходящего из того же рода, считается в высшей степени предосудительным, точно так же и наоборот» [10, с. 37]¹. Запись путешественника стала своего рода отправной точкой для двух научных версий: о существовании у манси (и у обских угров в целом) дуально-фратриального деления и об участии людей Пор и Мось в этногенезе хантов и манси.

Десятилетием позже тюменский и тобольский краевед Л. Кориков в небольшом очерке о сосвинско-ляпинских вогулах указал на разное происхождение людей Мось и Пор (вслед за Н. Л. Гондатти он называет их «поколениями»): «Поколение *Мось хум* произошло от высшего духовного существа, а *Пор хум* – от сожительства родственника с *Мюс нэ* – “девой-духом”, род русалок» [15, с. 4]. Ученый и религиозный деятель В. Г. Павловский, автор фундаментального труда о христианизации вогулов-манси, повторил версию Л. Корикова [19, с. 5–6]. Известный русский историк и этнограф И. Н. Смирнов первым определил «гондательские поколения» *Пор хум* и *Мось хум* как две фратрии [24 с. 137, 138]. Ученый был последователем эволюционизма и следовал методам известных английских антропологов Г. Спенсера и Э. Тайлора. В своих трудах он уделял большое внимание изучению семейных отношений, был сторонником теории «коммунального (группового) брака» у древних финно-угорских народов и даже находил его у современных ему финно-угров [14].

Значение терминов

Прежде чем перейти к рассмотрению гипотез о сущности деления на Пор / Мось, остановимся на мнениях исследователей относительно этих терминов. Научная полемика вокруг названий Пор и Мось развернулась давно и далеко от окончания. В. Н. Чернецов сопоставлял обско-угорские термины *Мось – Монсь – Монть – Мис – Мишь – Манси* с венгерским *Мадъяр*, селькупским *Мас*, объясняя их значение из финского *миес* «человек» [34, с. 22]. Сходной интерпретации придерживался В. К. Штейниц [37, с. 130]. Г. Н. Прокофьев сопоставлял угорский термин *Мось* с селькупским *Мас* и объяснял значение в связи с финским словом «земля» (хантыйское и мансийское *ма*), *Мось-махум* переводил как «подземные люди» [22, с. 40]. П. Вереш обратил внимание на связь этнонима Мось со словами «сказка», «сказание», «рассказывать», восходящих к хантыйской праформе *мансэ*. По его предположению, этот древний этноним возник в процессе противопоставления соседям: «говорящий – немой» [5 с. 104–106].

О происхождении имени *Пор* наиболее распространена версия от названия съедобного растения *порих* [34, с. 21]. Г. Н. Прокофьев слово Пор связывал с селькупским *пари* – «верх», «вершина», *Пор-махум* перевел как «небесные люди» [22, с. 40]. П. Вереш, ссылаясь на исследования Я. Харматта, допускает возможность связи обско-угорского названия *Пор* с иранским племенем *порио-с*, входившим в племенной союз даха, кочевавший около II в. до н. э. к северу от Каспийского и Аральского морей [6, с. 74]. Кроме того, П. Вереш отмечает, что название фратрии Пор этимологически близко выражению «бескровное жертвоприношение» – *pori*, а также хантыйскому слову *par* – «пепел» [6, с. 74]. По мнению Е. И. Ромбандеевой, название Пор восходит к слову *пори* – «посторонний» [23, с. 38].

В этнографической литературе обращалось внимание на широкое распространение термина «Пор» в Приуралье и Зауралье [4 с. 141,142]. Так, в ненецком фольклоре женщина *Порне* – злой дух, обросшая волосами ведьма. *Порне* приходили на зов камлающих по ночам шаманов *я'няны*, связанных с духами земли [32, с. 235]. Т. Лехтисало зафиксировал название «Пор» в преданиях ненцев Канинской тундры о живущем под землей народе [36, с.17]. У удмуртов этноним Пор употребляется для обозначения чужаков – марийцев [28, с. 263]. К этому добавлю, что во время экспедиций я неоднократно сталкивалась с тем, что информанты, представляя меня знакомым, давали такое пояснение: «*Русь-нэ – Пор-нэ, Послан-нэ*», что значит «Русская женщина – это женщина Пор, или Послан». Можно предположить, что у финно-угорских народов термин «Пор» использовался для обозначения пришлых людей или представителей других народов. Попутно замечу, что представителей финно-угорских народов ханты относили к группе *Мось-ёх*, а татар – к *Пор-ёх*.

Фратриальная гипотеза

Этнограф и фольклорист И. И. Авдеев подтвердил идею И. Н. Смирнова о системе фратриального деления у манси и продолжил изучение их религиозных представлений. Пользуясь полевыми материалами В. Н. Чернецова, он привел список тотемов, существовавших у манси. Среди тотемов Мось он назвал Лягушку, Орла, Соболя, Утку-крохалю, Пор – Медведя, Гагару, Чайку, Ястреба. Авдеев полагал, что мансийские селения населены представителями отдельных родов, имеющих определенные тотемы. Фратриальное деление он распространил даже на мифологических персонажей: лесные духи *мис-хумы* относятся к фратрии Пор, а *менквы* – лесные духи-великаны – к Мось [1, с. 7, 20-28].

Выдающийся северовед, этнограф и археолог, В. Н. Чернецов значительно расширил эмпирическую базу данных о Пор и Мось. Валерий Николаевич провел среди манси восемь экспедиций в период 1925 – 1941 гг., освоил мансийский язык и собрал богатейший этнографический материал. Анализу социальной структуры ман-

си и хантов он посвятил две работы, обнаружив у них наряду с фратриями родовую организацию. Чернецов назвал характерные черты обско-угорских фратрий: самоназвание (Пор / Мось), осознание кровного родства их членами на основе происхождения от общего предка (медведь – у Пор, заяц или гусь – у Мось), почитание определенных пород деревьев как священных (кедр, лиственница, зонтичное растение *порых* – у Пор, береза – у Мось), общий религиозный культ с центрами в Вежакарах (для Пор) и Белогорье (для Мось), соблюдение тайны обрядов и священных сказаний. По его мнению, фратрии были экзогамными объединениями, состоявшими из нескольких родов (в более поздних работах – генеалогических групп). Валерий Николаевич считал, что фратрия Пор связана с культом медведя, среди ее членов бытовало название «люди Когтистого старика». Среди других наименований упомянул *Торсыр-хум* («люди Небесного рода») и *Торсыр-кол* («люди Небесного дома»). Важно отметить, что Чернецов первым указал на распространение дуально-фратриального разделения не только у манси, но и у хантов, причем у разных этно-территориальных групп. Правда, он не обнаружил ни в хантыйском, ни в мансийском языках специальных терминов для обозначения фратрий, так же как и родов. Он считал, что для обозначения этих социальных объединений обские угры употребляют термины *махум* (манси) и *сыр* (ханты) [34, с. 20, 28, 29, 37, 38]. Ученый предположил, что, будучи архаичной формой общественного устройства, фратриальная организация появилась во время «расцвета матриархального рода... Но по мере разложения матриархата и шедшего параллельно с ним процесса дробления родов ослабевала и роль фратриальной экзогамии» [35, с. 159].

В. Н. Чернецов трактовал сущность и особенности фратриально-родовой организации обских угров, исходя из эволюционистской теории Л. Г. Моргана – Ф. Энгельса, которая была канонизирована в советской этнографии. Согласно классической схеме эволюции социальных институтов доклассового общества Л. Г. Моргана (воспроизведенной Ф.Энгельсом), фратрия объединяла группу экзогамных родов, члены которых должны были заключать браки только с представителями другой фратрии. Дуальная организация из двух фратрий составляла племя, которое было эндогамным объединением. Отсюда и следовало объяснимое для 1930 – 1940 гг. стремление В. Н. Чернецова подтвердить марксистскую концепцию развития родового строя фактическими материалами.

Дальнейшее развитие эволюционистская методология получила в фундаментальной работе А. М. Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология» (1964 г.), написанной в конце 1930-х гг., а опубликованной много лет спустя после смерти автора. В ней он создал собственную концепцию развития общественного устройства и мировоззрения в эпоху первобытности. Дуальную организацию он считал универсальным социальным институтом, что и доказывал в этой книге. Основными доводами Александра Михайловича были: широкое распространение среди самых разных народов, а также ее связь с дуализмом в космогонических представлениях и бинарными оппозициями. По его мнению, дуальная организация возникла в процессе становления материнского рода и матрилинейного счета, она была «древнейшей упорядоченной формой общества», развившейся непосредственно из «первобытного стада», обуздавшей «звериное в человеке» и определившей весь строй жизни первобытного человека: «экономическую организацию, организацию племенной власти, брачные нормы, поведение людей, порядок исполнения религиозных обрядов и церемоний» [12, с. 289 – 291].

По обско-угорским сюжетам дуального деления А. М. Золотарев вступил в полемику с В. Н. Чернецовым. По его сведениям, «небесной» была фратрия Мось (называлась *Торсыр-махум* – «люди Небесного рода»), а Пор относилась к «земным людям» («*Мы-махум*»). В книге он поместил записанную им хантыйскую легенду о

происхождении людей Мось от Торума. Фратрия Пор, по его данным, произошла от древнего населения земли – кровожадных *менкво* [12, с. 226, 227]. Ученый обратил внимание на сохраняющуюся традицию противопоставления представителей разных фратрий друг другу как «людей разных пород». «Фратрия Мось считалась старше фратрии Пор, а члены ее более искусными в лесном промысле, ибо именно *Мось-ху* – сын Торума – научил людей лесному промыслу. Люди Мось поэтому постоянно смеялись над людьми Пор, упрекая их в неумении ловить зверя и охотиться... Люди Мось насмеялись также над Пор, попрекая их людоедство» [12, с. 228]. В качестве достоинств людей фратрии Пор информанты ученого упоминали храбрость, смелость: «*Пор-ху* – удалой боевой человек, во всяком деле он не отстает... *Пор-ху* – бесстрашен» [12, с. 229]. Согласно А. М. Золотареву, основными характеристиками дуальной организации обских угров были: экзогамия, происхождение от разных предков, фратриальные тотемы и святилища, обособленные поселки, представления о различиях в характерах членов разных фратрий, подшучивание друг над другом. Александр Михайлович, отметив, что фратриальная экзогамия не соблюдалась в его время, тем не менее обнаружил следы раздельного поселения фратрий – его информанты знали, какой фратрией основано селение [12, с. 229].

Стоит обратить внимание на то, что работы В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева были сконцентрированы на выявлении не столько самобытных, сколько архаических общественных структур в социальной организации хантов и манси². Как метко заметил В. А. Тишков, «для этнографа-традиционалиста в современности интересны рецидивы архаики и их скрываема первичная значимость» [29, с. 8]. «Открытие» дуально-фратриальной организации у того или иного народа, как и установление ее происхождения, считались большими научными достижениями. В связи с этим вспоминается известная в кругах отечественных сибиреведов байка о том, как Б. О. Долгих, напутствуя аспиранта Ю. Б. Симченко накануне экспедиции к нганасанам, сказал: «Привези мне с Таймыра матриархат» [29, с.7].

Наиболее ярко увлечение архаикой проявляется в научном наследии З. П. Соколовой по тематике социальной структуры обских угров. Этой теме исследовательница посвятила не один десяток работ, фундаментальной по праву считается книга «Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода» (1983 г.). Соколова серьезно расширила и углубила идеи В. Н. Чернецова о дуально-фратриальном делении обских угров, значительно обогатив корпус источников для аргументации своей гипотезы. По мнению исследовательницы, дуально-фратриальное деление появилось у предков обских угров – уральских племен в древности и сохранялось до начала XX в. [25, с. 21]. Как и В. Н. Чернецов, Зоя Петровна указывала на повсеместное распространение фратриального деления у всех групп обских угров в XVIII – начале XX в. Главным признаком дуально-фратриальной организации она считала дуальную экзогамию, посвятив ей специальную главу монографии. Для доказательства своей теории она использовала методы количественного анализа браков обских угров (было проанализировано более 24 000 браков), выявленных по церковным метрическим книгам и ревизским сказкам в фондах Тобольского филиала государственного архива Тюменской области. Анализ брачных связей позволил ей определить фратриальную принадлежность остяцких и вогульских селений, географическое расселение членов обеих фратрий и их численность по волостям [26, с. 5–13; 27, с. 333–335]. Она привела доказательства по тем моментам, которых не было у Чернецова (фратриальные селения, соблюдение норм дуальной экзогамии).

Специфику общественного устройства хантов и манси З. П. Соколова видела в том, что при наличии четкого деления на две дуально-экзогамные половины Пор и Мось у них не было рода как особой формы социальной организации, поскольку

первоначальные роды не разделились на более мелкие самостоятельные экзогамные роды [26 с. 163, 164]. Дуально-экзогамные отношения, по Соколовой, выступали главной доминантой их общественного строя. Основную причину длительного сохранения дуально-фратриальной системы у обских угров она связала с «чрезвычайно замедленным развитием этих народов, отчасти обусловленным их изолированностью и рассеянностью в условиях расселения по таежно-болотистой зоне Западной Сибири» [26, с. 164]. Понимая, что родоплеменная организация обских угров не соответствует образцу, описанному Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом у индейцев Северной Америки, она выдвинула тезис, что для многих народов были «характерны своеобразные формы родоплеменного строя, отличавшиеся от классических как некоторыми особенностями, так и разной степенью развития» [26, с. 165].

Этногенетическая контроверза

С критикой взглядов З. П. Соколовой на обско-угорские фратрии выступил В. Г. Бабаков. Он считал актуальным для этнографической науки изучать не только логико-эвристические реконструкции социальных структур в древности, но и реальные формы конкретно-исторических социальных структур того или иного народа [3, с. 36, 38]. Владимир Герасимович в своей критике дуально-фратриальной организации западносибирских угров, как и его оппоненты, оставался в рамках марксистской методологии. Он обратил внимание на то, что «дуальная экзогамия может функционировать только в рамках эндогамной общности. В иерархической системе элементов родового общества фратрия не может быть межплеменным или межэтническим объединением...» [3, с. 39]. Поэтому уязвимым местом во фратриальной концепции обско-угорского общества оказалось то, что фратрии делились на этносы, хотя по логике Моргана – Энгельса должны были сначала разделиться на роды. Более того, у обских угров в XV – XVI вв. существовали этнически и политически разобщенные княжества, имевшие военную организацию. В таких условиях «общеугорская дуально-экзогамная организация, да еще архаичного австралийского типа» не могла функционировать [3, с. 39].

В. Г. Бабаков не согласился и с методикой З. П. Соколовой о причислении хантыйских и мансийских фамилий на основе анализа брачных связей к фратриям Пор или Мось. Недопустимым, с его точки зрения, было соотносить современные фамилии с данными за XVIII – XIX вв. Он также отметил, что в ходе экспедиций 1971 и 1973 гг. большинство хантов и манси ничего не знали о *Пор-ёх (махум)* или *Мось-ёх (махум)*. Ареал распространения этих терминов точно известен – пограничная контактная зона расселения сосьвинско-ляпинских манси и нижнеобских хантов [3, с. 41]. По его мнению, вопрос об объяснении терминов *Пор-ёх (махум)* или *Мось-ёх (махум)* следует связывать «с более поздними процессами этнической миксации южных и северных групп хантов и манси, происходившими в Западной Сибири под напором сначала тюркской, а затем и русской колонизации» [3, с. 47].

С конца 1980-х гг. среди отечественных этнологов преобладающим стал этногенетический подход к сущности деления на группы *Пор-ёх (махум)* / *Мось-ёх (махум)* у северных хантов и манси. Еще во времена В. Н. Чернецова он был обоснован В. К. Штейницем. Генезис такого деления он связал с этногенетическими процессами, протекавшими в древности. По его мнению, Мось были продвинувшимися из южных степей кочевниками-уграми, а Пор – северосибирскими аборигенами, охотниками и рыболовами. В первых веках нашей эры часть угров-коневонов из Среднего и Южного Зауралья была оттеснена к северу, в таежную зону, где постепенно ассимилировалась охотничье-рыболовецкими племенами Северного Урала. После смешения потомки этих групп стали противопоставлять себя друг другу в брачном отношении и в религиозном культе [37, с. 130–132]. Замечу, что В. К. Штейниц раз-

делял точку зрения В. Н. Чернецова об универсальности деления угров на группы Пор и Мось.

Свою этногенетическую гипотезу представил В. Г. Бабаков. Учитывая наличие деления на Пор / Мось только среди северных групп угров, он сопоставил Пор с хантами, а Мось – с продвинувшимися с запада манси [2, с. 20]. Сходных представлений об этнической сущности деления манси на Пор и Мось придерживалась Е. И. Ромбандеева. По ее мнению, Пор и Мось – это разные этносы, причем наряду с приуральскими Мось, использующими в хозяйстве деревянные и берестяные предметы, автор различает довольно развитых, владеющих железом Пор Приуралья и слабо развитых Пор Зауралья. Кроме того, по сведениям Е. И. Ромбандеевой, были еще и зауральские «состоятельные» *Мис махум*, владеющие оленями, имеющие шелка и сукна, знающие железо и медь. Перейдя через Урал, приуральские Мось смешались с Мис махум и разбогатели [23, с. 34-35].

Автор данной статьи, как и Владимир Герасимович, не признает наличия дуально-фратриальной организации у обских угров. Подчеркну, что по полевым материалам конца 1980 – 1990-х гг., разделение фамилий на Пор / Мось фиксируется только среди войкарских, сынских, куноватских, казымских, шурышкарских, березовских, кодских (среднеобских) хантов и ляпинско-сосьвинские манси, т.е. там, где его отмечали предшественники³. Группы *Пор-ёх (махум)* и *Мось-ёх (махум)* характеризуется определенным фамильным составом, при этом нижнеобские ханты соотносят с ними роды-*сыр* [16, с. 46; 56–57; 17, с. 14–15; 20, с. 133–135].

Сущность разделения на Мось / Пор мои информанты трактовали по-разному: «Пор и Мось – это две нации у хантов»; «Пор и Мось жили в древности, про них сказок много»; «Пор должны на Мось жениться и наоборот»; «Люди Пор – сильные, грубые; женщины Пор – неумелые хозяйки и незаботливые матери (могут бросить ребенка), а люди Мось – добрые, ловкие, умелые, хотя уступают людям Пор в силе».

Нижнеобские ханты полагают, что люди Мось были древними обитателями бассейнов обских притоков. Считается, что они жили на мысах в укрепленных «городках», строили срубные дома, занимались охотой и рыболовством. Некоторые информанты говорили, что Мось были знакомы с оленеводством. Согласно легендам во время потопа (*емэн йинк*) жители левобережных притоков спаслись на высоких местах Урала, а некоторых людей Мось «занесло водой» на берега Оби и ее правобережных притоков (Казым и Куноват). Пор считается пришлой группой. Предания говорят о появлении носителей фамилий, относящихся к этой группе, во время «священного потопа». Название группы «Пор» ханты связывают со словом *por* – плот. Часто *Пор-ёх* называют *Нобты-ёх* – «приплывший народ». С местами былого обитания людей Пор хантыйская традиция связывает неукрепленные поселения в пойме Оби с землянками, следы которых сохраняются неподалеку от современных селений. Пор часто связывают с рыболовами, вероятно, по той причине, что расселились они в обской долине, где имелись богатые рыболовные угодья. По словам информантов, различия между группами заключается также в том, что у *Пор-ёх* «бог по земле ходит», а у *Мось-ёх* – небесный, крылатый дух-покровитель

Я выдвинула предположение, что люди Пор были носителями потчевашской и усть-ишимской культур. Под давлением тюркского населения началось продвижение угров-Пор к северу по главной водной магистрали Северо-Западной Сибири – Оби. Расселение Пор имело характер постепенной инфильтрации небольших групп населения на протяжении довольно значительного периода времени. Переселенцы-Пор, оседая в долине Оби, могли создавать очаги своей культуры, но затем растворялись в среде автохтонов, воспринимая их культуру жизнеобеспечения [16, с. 56–57; 17, с. 20]. Генетические истоки Мось следует искать в археологических культурах

Нижнего Приобья и таежного Урала. Относительно их выделения у археологов нет консенсуса. Если ориентироваться на екатеринбургских археологов, то с Мось можно связать обь-иртышскую культурно-историческую общность, существовавшую в Нижнем и среднем Приобье с VII – IV вв. до н. э. по XII – XVI вв. и послужившую базой для формирования угорских и самодийских народов [31, с. 80–81; 13, с. 65–66].

Концепцию о связи групп Пор и Мось с этнической историей хантов разделяет Е. В. Перевалова. Согласно ей, своеобразной точкой отчета формирования северных хантов был священный потоп, во время которого пришельцы с запада – люди Мось – спасались на Уральских горах (холмах, буграх), а люди Пор приплыли с юга. В ее монографии приведены названия и фамильный состав хантыйских родов, относящихся к Мось-ёх и Пор-ёх [20, с. 126–130, 132–135]. По ее мнению, Мось характеризуются культовым единством, которое не обнаруживается у Пор. «По-видимому, группа Пор сложилась из аборигенного северотаежного населения и разновременных мигрантов с юга, которых объединяло противопоставление «местным» Мось, а также общность способов продвижения (на «плотах») и мест расселения (по «потокам и «пугорам»)». Западные мигранты Мось также не представляли собой единой волны переселенцев [20, с. 136].

Разобраться в хитросплетениях деления на Пор и Мось попыталась Е. Г. Федорова, для чего привлекла огромное число публикаций предшественников и свои полевые материалы. Елена Геннадьевна указала на главные разногласия среди исследователей по следующим сюжетам: наличие этногенетической и исторической точек зрения на происхождение разделения; территории распространения представлений о людях Пор и Мось; различия в описаниях характеров людей Пор и Мось; разные переводы терминов [30, с. 124–127, 129–130, 132–133]. Она считает, что Пор и Мось – разные этнические группы в составе обских угров, а также признает наличие в прошлом среди них дуально-экзогамного деления, возникшего в результате этноисторических процессов [30, с. 129].

Версия о дуальности в мировоззрении

Среди публикаций о людях Мось и Пор можно выделить особую группу, в которых дуальное деление связывается с очень древними мифологическими представлениями хантов и манси. Прежде всего отметим в этой связи работы венгерского исследователя П. Вереша. Он разделяет взгляды В. Н. Чернецова и З. П. Соколовой о наличии у хантов и манси дуально-фратриального деления, считая при этом, что архаичные черты дуальной социальной организации лучше всего сохранили северные манси [6, с. 73]. Его исследовательский фокус сосредоточен на изучении мифологической модели мира у обских угров. Он подчеркивает, что ей была свойственна двойная символическая классификация, бинарность. С мировоззренческими установками он связывал разделение на фратрии: Мось – с *Нуми-Торумом* и его сыном, крылатым всадником *Мир-суснэ-хумом*, Пор – с женщиной *Пор-нэ* [6, с. 77]. Как и Штейниц, он сторонник происхождения угорских фратрий на основе этнического смешения продвинувшихся с юга угров-коневодов с местными уральскими аборигенными популяциями, однако относит миграции к более раннему времени – бронзовому и железному векам [7, с. 44].

С позицией В. К. Штейница выразил несогласие Й. Хэгель, написавший в 1946 г. работу о тотемизме и дуальном делении у сибирских угров (издание на русском языке вышло в 2001 г.). «Наслоения подобного рода происходили и происходят на земле, в том числе и на сибирской территории, постоянно, однако у этих народов нет двухкомпонентности» [33, с. 53]. Он связывал дуальную систему угров с их тотемистическими верованиями. Опираясь на данные Чернецова и Штейница, он обратил внимание, что фратрия Пор связана с мужским началом: предок – Медведь, духи – великаны *менквы*, бог – Нуми Торум, почитаемые деревья – кедр и

лиственница, а фратрия Мось – с женским: предок – зайчиха, духи – *мисс*, богиня – Калташ, почитаемое дерево – береза. Эту идею поддержала Е. А. Пивнева. Она предположила, что дихотомия Пор – Мось уходит корнями в сферу древнейшего мировоззрения и связана с оппозицией мужского и женского начал. Она даже допускает, что «на практике каждая из этих половин могла состоять из представителей мужского и женского пола» [21, с. 33].

Исследования Т. В. Волдиной демонстрируют связь традиционного мировоззрения, мифологической картиной мира, культа духов-покровителей обско-угорских народов с их традиционной социальной организацией. Она показала, что у северных угров основным принципом организации сакрального жизненного пространства выступает «дуализм», связанный со сложившийся у них в древности дуально-фратриальной организацией. Для восточных хантов характерна «троичность», соответствующая разделению на три рода Медведя, Лося и Бобра [8, с. 494, 496].

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в угроведении накоплен не только большой массив данных, но и представлены разные, порой взаимоисключающие гипотезы о сущности разделения хантов и манси на группы Мось и Пор. Даже этимология этих названий часто представляет собой набор догадок. Уже в первом записанном Н. Л. Гондатти сюжете о людях Пор и Мось содержится повод для разных интерпретаций: в легенде говорится о происхождении Пор и Мось от разных богатырей (этногенетическая линия) и указание на экзогамные браки между группами (дуально-фратриальная линия). Последующие поколения исследователей обращались к разъяснению феномена Пор / Мось и каждый представлял свою трактовку.

Вплоть до конца 1980-х гг. отечественные угроведы были в плену концепции эволюционизма, представленной в основополагающих работах Л. Моргана и Ф. Энгельса. Отсюда вытекало вполне объяснимое стремление выдающегося этнографического трио (В. Н. Чернецова, А. М. Золотарева, З. П. Соколовой) подтвердить марксистскую концепцию развития родового строя эмпирическими материалами. Очевидно, поэтому они сфокусировали усилия на выявлении архаических общественных структур в социальной организации хантов и манси. «Открытие» дуально-фратриальной организации, как и установление ее происхождения, считались большими научными достижениями. Высказанная ими идея о формировании в далекой древности дуально-фратриальной организации обских угров и ее длительном сохранении (вплоть до начала XX в.) вошла в научное наследие Югры. Подтверждением этому является то, что она была подхвачена многими угроведами (и не только ими). Понятие «фратрии» до сих пор используется этнологами, в том числе представителями коренных народов, для обозначения социальных групп, имеющих имена Мось и Пор, а также при указании на дуализм в духовной культуре хантов и манси.

В 1990-е гг. исследовательский ракурс проблемы о существовании в составе северных групп угров Мось и Пор расширился. В спектре интерпретаций этого феномена на первую позицию вышла этногенетическая гипотеза, трактующая эти социальные группировки как разные этнические общности, участвующие в этногенезе хантов и манси. Наиболее полно она представлена в работах Е. П. Мартыновой и Е. В. Переваловой. Нужно отметить заслуги известного венгерского исследователя П. Хайду, связавшего противопоставляемые группы Пор и Мось с древними мировоззренческими установками угров, которые до сих пор сохраняют дуализм и бинарность в духовной культуре.

Примечания

1. Такая же легенда была записана В. Н. Чернецовым, однако, по его трактовке, сырое мясо съели люди Пор [34 с. 20–21].
2. Корифей сибирской этнографии 1950 – 1960-х гг. Б. О. Долгих также поддерживал идею о наличии родового и фратриального деления у обских угров, связывая существование фратрий с традициями древнего дуального деления общества [11, с. 4, 7].
3. Аналогичные данные содержатся в полевых материалах Е.В. Переваловой. Она также обратила внимание на отсутствие представлений о Пор / Мось севернее Салехарда [20, с. 131].

Список источников и литературы

1. Авдеев И. И. Песни народа манси / под общ. ред. И. Н. Попова. Омск: Омгиз, 1936. 125 с.
2. Бабаков В. Г. Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII – XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. М., 1973. 178 с.
3. Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // Советская этнография. 1988. № 3. С. 36–47.
4. Васильев В. И. Проблемы формирования фратриально-родовой организации у народов севера Западной и Средней Сибири в свете их этногенеза // Традиционные верования и быт народов Сибири: XIX – начало XX в. / отв. ред. И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 133–143.
5. Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 102–113.
6. Вереш П. Этиологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 72–78.
7. Вереш П. Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 43–52.
8. Волдина Т. В. Культ родовых духов-покровителей как основа организации жизненного пространства в традиционной культуре северных групп обских угров // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы : сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4-7 июня 2019 г.). Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 493–496.
9. Головнёв А. В. Теории этногенеза как научное наследие: опыт академической истории Югры // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 80–89.
10. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 91 с.
11. Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири // Доклады VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук. М., 1964. 9 с.
12. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
13. Зыков А. П., Федорова Н. В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : 2 Уральское археологическое совещание, 19-22 апреля 1993 г. : тезисы. Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 65–66.
14. Ивановская Н. И., Мишуринская О. В. Иван Николаевич Смирнов // Российский этнографический музей : офиц. сайт. СПб., 1999–2024. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/> (дата обращения: 11.10.2024).
15. Коригов Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа : (очерк). Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты» (А. А. Крылова), 1898. 24 с.
16. Мартынова Е. П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / Мартынова Елена Петровна. М., 2000. 461 с.
17. Мартынова Е. П. Этногонические предания хантов о людях «Пор» и «Мось» // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Вып. 2. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во ТГУ, 2018. С. 7–24. Библиогр.: с. 21–24.
18. Мифы, предания, сказки хантов и манси : пер. с хантыйского, мансийского, немецкого яз. / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, 1990. 568 с.
19. Павловский В. Г. Вогулы : [этнограф. очерк]. Казань: Типолит. Имп. Ун-та, 1907. 229 с.

20. *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
21. *Пивнева Е. А.* Исследования В. Н. Чернецова и проблема происхождения дуально-фратриального деления у обских угров // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. : к 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 32–33.
22. *Прокофьев Г. Н.* Этногония народов Обь-Енисейского Севера // Советская этнография. 1940. Т. 3. С. 67–76.
23. *Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом : Северо-Сибирское регион. кн. изд-во, 1993. 206 с.
24. *Смирнов И. Н.* Остяки и вогулы (югра) : историко-этнографический очерк : (окончание) // Вестник и библиотека самообразования. СПб., 1904. № 4. С. 136–149.
25. *Соколова З. П.* Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // Советская этнография. 1976. № 6. С. 13–38.
26. *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 319 с.
27. *Соколова З. П.* Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
28. *Тепляшина Т. И.* К вопросу об этнониме Пор // Происхождение марийского народа : материалы Научной сессии, проведенной Марийск. науч.-исслед. ин-том яз., лит. и ист., (23-25 дек. 1965 г.). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1967. С. 262–264.
29. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
30. *Федорова Е. Г.* Люди Пор и Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 1998. Вып. 4. С. 124–134.
31. *Федорова Н. В.* О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников 1 тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 78–83.
32. *Хомич Л. В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Рус. двор, 1995. 334 с.
33. *Хэкедь Й.* Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 108 с.
34. *Чернецов В. Н.* Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. Т. 2. С. 20–42.
35. *Чернецов В. Н.* К истории родового строя у обских угров // Советская этнография. 1947. Т. 6-7. С. 158–185.
36. *Lehtisalo T.* Entwurf einer Mythologie der Juraksamojeden. Helsinki: Societe finno-ougrienne, 1924. 171 p.
37. *Steinitz W.* Totemismus bei den Ostjake in Sibirien // Ethnos. 1938. Vol. 3, Issue 4-5. P. 125–140.

References

1. Avdeyev, II 1936, *Pesni naroda mansi* (Songs of the Mansi people), ed. by I. N. Popov, Omgiz publ, Omsk. (In Russ.)
2. Babakov, VG 1973, Territorialno-plemennyye obshchnosti obskikh ugrov i narymskikh selkupov (XVII–XIX vv.) (Territorial and tribal communities of Ob Ugrian and Narym Selkups (17th – 19th centuries)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
3. Babakov, VG 1988, 'Istoricheskoye mesto fratrii v strukture sotsialnykh svyazey zapadnosibirskikh ugrov' (Historical place of fraternity in the structure of social relations of the West Siberian Ugrians), *Sovetskaya etnografiya*, no.3, pp. 36–47. (In Russ.)
4. Vasilyev, VI 1987, 'Problemy formirovaniya fratrialno-rodovoy organizatsii u narodov severa Zapadnoy i Sredney Sibiri v svete ikh etnogeneza (Problems of the formation of clan-fraternal organisation among the peoples of the north of Western and Middle Siberia in the light of their ethnogenesis), *Traditsionnyye verovaniya i byt narodov Sibiri: XIX – nachalo XX v.* (Traditional Beliefs and Life of the Peoples of Siberia: 19th – early 20th century), ed. by I. N. Gemuyev, A. M. Sagalayev, Nauka publ, Novosibirsk, pp. 133–143. (In Russ.)
5. Veres, P 1978, 'Etnokulturnoye razvitiye ugorskikh narodov' (Ethno-cultural development of the Ugrian peoples), *Etnokulturnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* (Ethno-cultural history of the population of Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 102–113. (In Russ.)

6. Veres, P 1990, 'Etiologicheskii mif obskikh ugrov o proiskhozhdenii fraternalnoy organizatsii i ikh model mira' (The etiological myth of Ob-Ugrians on the origins of phraternal organization, and their world model), *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* (Worldview of Finno-Ugric peoples), Nauka publ, Novosibirsk, pp. 72–78. (In Russ.)
7. Veres, P 2014, 'Etiologicheskii mif obskikh ugrov: proiskhozhdeniye fraternalnoy organizatsii i model mira' (The etiological myth of Ob-Ugrians on the origins of phraternal organization, and their world model), *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* (Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences), no. 3, pp. 43–52. (In Russ.)
8. Voldina, TV 2019, 'Kult rodovyykh dukhov-pokroviteley kak osnova organizatsii zhiznennogo prostranstva v traditsionnoy kul'ture severnykh grupp obskikh ugrov' (The cult of patron ancestral spirits as a basis for the organisation of living space in the traditional culture of the northern Ob Ugrian groups), *Finno-ugorskiy mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kulturnoye naslediyе i novyye vyzovy : sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* (The Finno-Ugric World in the Multi-ethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges : a collection of articles on the materials of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies), Izhevsk, 4-7 June, Izd-vo Anny Zeleninoy publ, Izhevsk, pp. 493–496. (In Russ.)
9. Golovnov, AV 2024, 'Teorii etnogeneza kak nauchnoye naslediyе: opyt akademicheskoy istorii Yugry' (Theories of ethnogenesis as a scientific heritage: the case of the academic history of Yugra), *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), no. 3 (84), pp. 80–89. (In Russ.)
10. Gondatti, NL 1888, *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* (Traces of paganism among foreigners of North-West Siberia), Tip. Ye. G. Potapova publ, Moscow. (In Russ.)
11. Dolgikh, BO 1964, 'Rod, fratriya, plemya u narodov Severnoy Sibiri' (Kin, fraternity, tribe among the peoples of Northern Siberia), *Doklady VII Mezhdunarodnogo kongressa etnograficheskikh i antropologicheskikh nauk* (Papers of the VII International Congress of Ethnographic and Anthropological Sciences), Moscow. (In Russ.)
12. Zolotarev, AM 1964, *Rodovoy stroy i pervobytnaya mifologiya* (The clan system and primitive mythology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
13. Zыkov, AP & Fedorova, NV 1993, 'Ob -Irtyskaya kulturno-istoricheskaya obshchnost epokhi zheleza' (Ob-Irtysk cultural-historical community of the Iron Age), *Arkheologicheskiye kultury i kulturno-istoricheskiye obshchnosti Bolshogo Urala : 2 Uralskoye arkheologicheskoye soveshchaniye* (Archaeological cultures and cultural-historical communities of the Greater Urals : 2nd Urals Archaeological Meeting), 19-22 April, Izd-vo In-ta istorii i arkheologii UrO RAN publ, Yekaterinburg, pp. 65–66. (In Russ.)
14. Ivanovskaya, NI & Mishurinskaya, OV 1999–2024, 'Ivan Nikolayevich Smirnov', *Rossiyskiy etnograficheskiy muzey* (Russian Museum of Ethnography), viewed 11 October 2024 <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/smirnov-ivan-nikolaevich/> (In Russ.)
15. Korikov, L 1898, *Sosvinskiye i lyapinskiye voguly Berezovskogo okruga* (Sosvinsky and Lyapinsky Voguls of the Berezovsky District), Tip. «Sibirskoye torgovoy gazety» (A. A. Krylova) publ, Tyumen. (In Russ.)
16. Martynova, YeP 2000, *Khanty: etnicheskaya i sotsialnaya struktura v XVII – nachale XX vv.* (Khanty: ethnic and social structure in the 17th - early 20th centuries), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
17. Martynova, YeP 2018, 'Etnogonicheskiye predaniya khantov o lyudyakh «Por» i «Mos»' (Ethnic legends of Khanty people about Por and Mos people), *Sibirskiye ugry v ozherelye subarkticheskikh kultur: obshcheye i nepovtorimoye* (Siberian Ugrians in the necklace of subarctic cultures: the common and the unique), no. 2, Izd-vo TGU publ, Khanty-Mansiysk, Tomsk, pp. 7–24. (In Russ.)
18. Lukina, NV 1990, *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* (Myths, legends, fairy tales of Khanty and Mansi people), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
19. Pavlovskiy, VG 1907, *Voguly* (Voguls), Tipolit. Imp. Un-ta publ, Kazan. (In Russ.)
20. Perevalova, YeV 2004, *Severnyye khanty: etnicheskaya istoriya* (The Northern Khanty: ethnic history), UrO RAN publ, Yekaterinburg. (In Russ.)
21. Pivneva, YeA 2005, 'Issledovaniya V. N. Chernetsova i problema proiskhozhdeniya dual'no-fraternal'nogo deleniya u obskikh ugrov' (Chernetsov and the problem of the origin of dual-fraternal division among Ob Ugrians), *Problemy istoriko-kulturnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh territoriy : materialy XIII Zapadno-Sibirskoy arkheologo-etnograf. konf. : k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Chernetsova* (Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories : proceedings of the XIII West Siberian archeological and ethnographic conf. : to

- the 100th anniversary of the birth of V. N. Chernetsov), Izd-vo TGU publ, Tomsk, pp. 32–33. (In Russ.)
22. Prokofyev, GN 1940, 'Etnogoniya narodov Ob-Yeniseyskogo Severa' (Ethnony of the peoples of the Ob-Yenisei North), *Sovetskaya etnografiya*, vol. 3. pp. 67–76. (In Russ.)
 23. Rombandeyeva, YeI 1993, *Istoriya naroda mansi (vogulov) i yego dukhovnaya kultura (po dannym folkloru i obryadov)* (History of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)), Sev. dom publ, Severo-Sibirskoye region. kn. izd-vo publ, Surgut. (In Russ.)
 24. Smirnov, IN 1904, 'Ostyaki i voguly (yugra)' (Ostyaks and Voguls (Yugra)), *Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya* (Bulletin and library of self-education), St. Petersburg, no.4, pp. 136–149. (In Russ.)
 25. Sokolova, ZP 1976, 'Problema roda, fratirii i plemeni u obskikh ugrov' (The problem of kin, fraternity and tribe among the Ob Ugrians), *Sovetskaya etnografiya*, no. 6, pp. 13–38. (In Russ.)
 26. Sokolova, ZP 1983, 'Sotsialnaya organizatsiya khantov i mansi v XVIII – XIX vv.' (Social organisation of Khanty and Mansi in the 18th – 19th centuries), *Problemy fratirii i roda* (Fraternity and clan issues), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 27. Sokolova, ZP 2009, *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* (Khanty and Mansi: a view from the 21st century), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 28. Teplyashina, TI 1967, 'K voprosu ob etnonime Por' (On the question of the ethnonym Por), *Proiskhozhdeniye mariyskogo naroda : materialy Nauchnoy sessii, provedennoy Mariysk. nauch.-issled. in-tom yaz., lit. i ist.* (Origin of the Mari people : proceedings of the Scientific Session held by the Mariysk Research Institute of Language, Literature and History), 23-25 December, Marknigoizdat publ, Yoshkar-Ola, pp. 262–264. (In Russ.)
 29. Tishkov, VA 2003, *Rekviyem po etnosu: Issledovaniya po sotsialno-kulturnoy antropologii* (Requiem for Ethnicity: Studies in Social and Cultural Anthropology), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
 30. Fedorova, YeG 1998, 'Lyudi Por i Mos v predstavleniyakh sovremennykh mansi i khantov (po polevym materialam posledney chetverti XX v.)' (On the cultural affiliation of Ob-Irtysh monuments of the 1st millennium AD), *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovaniy* (Materials of ethnographic field research), no. 4, MAE RAN publ, St. Petersburg, pp. 124–134. (In Russ.)
 31. Fedorova, NV 1978, 'O kulturnoy prinadlezhnosti Ob-Irtyshskikh pamyatnikov 1 tys. n. e.' (On the cultural affiliation of Ob-Irtysh monuments of the 1st millennium AD), *Ranniy zheleznyy vek Zapadnoy Sibiri* (Early Iron Age of Western Siberia), Izd-vo Tomskogo un-ta publ, Tomsk, pp. 78–83. (In Russ.)
 32. Khomich, LV 1995, *Nentsy. Ocherki traditsionnoy kultury* (Nenets. Sketches of traditional culture), Rus. dvor publ, St.Petersburg. (In Russ.)
 33. Haekel, J 2001, *Pochitaniye dukhov i dualnaya sistema u ugrov (k probleme yevraziyskogo totemizma)* (Dual system among the Ugrians (on the problem of Eurasian totemism)), trans. by N. V. Lukina, Izd-vo Tom. un-ta publ, Tomsk. (In Russ.)
 34. Chernetsov, VN 1939, 'Fratrionalnoye ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva' (Fratrinal structure of the Ob-Yugorian society), *Sovetskaya etnografiya*, vol. 2, pp. 20–42. (In Russ.)
 35. Chernetsov, VN 1947, 'K istorii rodovogo stroya u obskikh ugrov' (To the history of the Ob Ugrian clan system), *Sovetskaya etnografiya*, vols. 6-7, pp. 158–185. (In Russ.)
 36. Lehtisalo, T 1924, *Entwurf einer Mythologie der Juraksamojeden*, Societe finno-ougrienne publ, Helsinki. (In Germ.)
 37. Steinitz, W 1938, 'Totemismus bei den Ostjake in Sibirien', *Ethnos*, vol. 3, no. 4-5, pp. 125–140. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 17.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 17.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

«СЛОВАРЬ ДЕОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

**Инна Александровна
Карпова**

Тула, Россия

karpovainnatula@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0002-2408-9233>

Аннотация. Статья посвящена словарю «Словарь деонимов русского языка», задуманному профессором А. Н. Карповым и написанному автору этих строк. Это лингвистический словарь толкового типа, аспектный, адресуемый широкому читателю; его целевое назначение - научный, учебный. Словарь представляет интерес для лексикографов, лексикологов, семасиологов, культурологов, лингвокультурологов, этимологов, переводчиков, специалистов в области межкультурной коммуникации и истории русского языка; для преподавателей и учителей русского и иностранных языков; для студентов вузов, учащихся школ; для всех, изучающих русский язык как родной или как иностранный; для любых носителей русского языка. *Словарь* включает в себя 1770 деонимов русского языка, то есть продуктов деонимизации – перехода онима в апеллатив без аффиксации. Хронологические рамки словаря – последняя декада XVII в. – вторая декада XXI в. Деонимы русского языка - недостаточно изученный пласт лексики: они выявлены не полностью; часть их не имеет лексикографической фиксации; большое их число (из включенных в словарь) не предъявлены как лексические единицы деонимного статуса, а для многих не определен экстралингвистический контекст, в котором имя собственное стало нарицательным. Настоящий *Словарь* отчасти восполняет эти пробелы. Автор *Словаря* выявил деонимы, подтвердил их письменными источниками, дал дефиниции; установил онимы, к которым восходят деонимы; описал экстралингвистические контексты, породившие деонимы; дал этимологию онимов. В тематическом плане представленные в *Словаре* деонимы разнообразны. Иллюстративная база *Словаря* включает в себя художественные, научные, публицистические, эпистолярные и иные тексты. Периодические издания, послужившие источниками для иллюстраций, насчитывают 240 названий. Структура словарной статьи: зона заглавного слова и грамматических характеристик; зона морфологических вариантов; зона дефиниции; зона иллюстраций; этимолого-энциклопедическая зона (для описания деонимов использованы 288 названий языков, диалектов и этносов). Объем *Словаря* – 42,1 а. л.

Ключевые слова: деоним, деонимизация, оним, этимология деонима, этимология онима, экстралингвистический контекст.

Для цитирования: Карпова И. А. «Словарь деонимов русского языка»: от замысла к воплощению // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 114–121. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-114-121>

Сведения об авторе: И. А. Карпова – кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь.

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-114-121>**«A DICTIONARY OF RUSSIAN DEONYMS»:
FROM CONCEPTION TO REALIZATION*****Inna A. Karpova***

Tula, Russia

karpovainnatula@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0002-2408-9233>

Abstract. The article is devoted to the dictionary «A Dictionary of Russian Deonyms» that was conceived by Prof. Alexandre N. Karpov and written by the present writer. It is an explanatory linguistic dictionary aimed for the general reader; its purpose is scientific and educational. The *Dictionary* can be of interest to linguists, University and school teachers and also to any learner and speaker of Russian. The *Dictionary* includes 1770 Russian deonyms, i.e., proper nouns that were transformed into common nouns in an affixless way. The chronological range is the 10th decade, XVII c. – the 2nd decade, XXI c. The *Dictionary* is innovative due to the big number of the deonyms that are included into it and to the multiparameter way in which they are described. In modern linguistics, the Russian deonym problem is urgent for the following reasons: Russian deonyms have been studied insufficiently so far and have never been collected in a dictionary. The present *Dictionary* partially bridges these gaps. The *Dictionary's* author found the deonyms, illustrated them with quotations from written sources, gave each deonym a definition, identified the extralinguistic contexts that had generated the deonyms, and described the etymology of the onyms. In the present *Dictionary*, the deonyms show a notable thematic diversity. The structure of the entry is this: entry word; morphological variants; lexico-semantic variants; definition; illustrative quotations; etymological and encyclopedic data (names of 288 languages, dialects and ethnic groups are used here). The size of The Dictionary is 42,1 author's sheets.

Keywords: deonym, deonymisation, onym, etymology of deonym, etymology of onym, extralinguistic context.

For citation: Karpova, IA 2024, '«A Dictionary of Russian Deonyms»: from Conception to Realization', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 114–121, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-114-121> (in Russ.)

Information about the Author: *Inna A. Karpova* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Independent Researcher.

Термин деоним, введённый в научный оборот профессором Александром Николаевичем Карповым в 1990-е гг., обозначает продукт деонимизации — имя собственное, ставшее нарицательным, без аффиксации. Иллюстративные примеры, почерпнутые из многочисленных письменных источников, свидетельствуют о том, что процесс деонимизации берёт своё начало в последней декаде XVII в. и активизируется в современном русском языке. Деонимы вызывают затруднение у читателей текстов любых жанров и поэтому требуют подробного лексикографического описания. Такое описание самобытного пласта русской лексики может расширить представления о деонимизации, стать научной базой для изучения деонимов других языков и проведения сопоставительных исследований деонимических систем разных языков, а также дать чрезвычайно богатый материал для практической работы в разных предметных областях со студентами и школьниками.

А. Н. Карпов вдохновился идеей написать словарь, какой стал бы самым полным в отечественной лексикографии описанием деонимов, восполняя пробел отсутствия в современном языкознании многосторонних исследований, посвящённых деонимизации и комплексному анализу деонимической лексики в русской лингвокультуре. По его замыслу, такой многоаспектный словарь, фиксируя деонимы в диахронии и уточняя представленные в разных источниках сведения о них, представлял бы интерес как для специалистов, так и для рядовых носителей русского языка.

Картотека деонимов, собранная А. Н. Карповым, позволила глубже постичь основания сложного ономаσιологического процесса. Автор этих строк в значительной степени расширил её и взял на себя увлекательную и непростую задачу написать словарь деонимов русского языка.

«Словарь деонимов русского языка» — это лингвистический словарь толкового типа, аспектный, адресуемый широкому читателю. По целевому назначению он является научным, учебным. Словарь включает в себя 1770 деонимов русского языка, его хронологические рамки — последняя декада XVII в. — вторая декада XXI в.

По степени охвата объекта и по лексикографическим параметрам его описания настоящий Словарь является инновационным, поскольку деонимы русского языка являются недостаточно изученным пластом лексики: они выявлены не полностью; часть их не имеет лексикографической фиксации; большое их число (из включенных в словарь) не предъявлены как лексические единицы деонимного статуса, а для многих деонимов не определен экстралингвистический контекст, в каком имя собственное стало нарицательным. Настоящий Словарь отчасти восполняет эти пробелы.

Автор Словаря провёл следующее исследование: выявил деонимы методом сплошной выборки; подтвердил факт их существования иллюстрациями из письменных источников; дал дефиниции деонимам; установил оним, к которому восходит каждый деоним; описал экстралингвистический контекст, породивший деоним; дал этимологию онима в той полноте, какая оказалась возможной.

Тематика деонимов разнообразна: домашние животные (йоркшир, саутдаун), растения (даная, секвойя), рыбы (аманда, гуппи), ткани (барез, мадрас), автомобили (майбах, понтиак), спиртные напитки (бароло, текила), продукты питания (маасдам, табаско), стили мебели (буль, чиппендейл), танцы (бостон, липси), головные уборы (дерби, кордова), одежда (каракалла, макинтош), аксессуары (аскот, стейнкерк), обувь (веллингтоны, лабутены), причёски (капуль, помпадур), монеты (бобби, гаррингтон), спортивные игры (бадминтон, регби), археологические культуры (олдувай, солютре), шрифты (дидо, цицера), устройства и механизмы (стент, деррик), аэростаты (монгольфьер, цеппелин), огнестрельное оружие (лепаж, наган), военная техника (леклерк, стюарт) и т. д.

Представленные в Словаре деонимы найдены в произведениях XVII — XXI вв., их прежнее употребление способствует лучшему выявлению последующих значений.

Например:

ВАКСАЛ, а, м. (*фоксгал*, а, м.) Парк под Лондоном – место общественных развлечений.

ВОКСА`Л, а, м. (*вакс`ал*, а, м.; *вокса`л*, а, м.) 1. Место публичных увеселений.

2. **ВОКСАЛ**, а, м. Общественное увеселение.

ВОКЗА`Л, а, м. Здание станции различных видов транспорта, предназначенное для обслуживания пассажиров.

Словарь включает в себя деонимы-термины разных областей знания, в том числе и узкоспециальные, не получившие более или менее широкого распространения в литературной речи, но встречающиеся в специальных трудах и статьях отраслевой периодики, например: **ГАЙО`Т**, а, м. (геол.). Изолированная плосковершинная подводная гора в виде вулкана со срезанной вершиной; иначе: гора подводная плосковершинная.

Словарь регистрирует слово в совокупности его морфологических вариантов. Способ презентации морфологических вариантов – воспроизведение целых слов, например: **ДЕ`РРИНДЖЕР**, а, м. (*де`рринджер*, а, м.). Заглавное слово для слов, имеющих более одного лексико-семантического варианта, выбирается по принципу совпадения морфологических вариантов по вертикали. Например:

СЭ`НДВИЧ, а, м. (*са`ндвич*, а, м.) 1. Бутерброд из двух или нескольких кусков хлеба, с разнообразными прослойками.

2. **СЭ`НДВИЧ**, а, м. Многослойная строительная панель.

Грамматическая характеристика слова складывается из указания на исходную форму – именительный падеж единственного числа, окончание родительного падежа единственного числа и род, например: **ТИБЕ`Т**, а, м. Мягкая ткань саржевого переплетения из шерсти коз, двусторонняя, с чередованием блестящих полос.

Для существительных с исходной формой во множественном числе даются именительный и родительный падежи множественного числа. Например: **БЕРМУ`ДЫ**, уд, мн. Широкие шорты от середины бедра до колен или немного ниже, обыкновенно из пестрой ткани.

Грамматическая характеристика слова не приводится или приводится не полностью, если его склонение и (или) род автору *Словаря* установить не удалось. Например: **НИНСЯ`** Китайская порода свиней; **БО`БИ**, нескл. Шотландская билонная монета, впервые чеканенная при Якове V в 1542 г.

Ударение в словах показано дифференцированно: оно обозначается, если его место подтверждено справочными изданиями (например: **НАРЦИ`СС**), и не обозначается, если не подтвердилось и не установлено, например: **ТАКСЕДОУ**, нескл., м. (*таксидо*, нескл., м.).

Суждение о семантике слова опирается на правила функционирования слов и сверки – для деонимов, имеющих лексикографическую фиксацию, – с показаниями словарей XVIII – XXI вв. Семантика слова описывается с подразделением на лексико-семантические варианты. Если деоним имеет несколько лексико-семантических вариантов, то каждый из них приводится отдельно, например:

РЕГЛА`Н, а, м. 1. Рукав, составляющий с плечом одно целое.

2. Фасон одежды с рукавом такого покроя.

3. Одежда с рукавом такого покроя.

В *Словаре* даны дефиниции, предложенные автором, при максимальном использовании доступных ему лексикографических источников.

Для выявления деонимов автор обратился прежде всего к справочным изданиям разных лет выпуска, однако они не всегда интерпретируют деонимы как лексические единицы деонимного статуса. Значительное число деонимов (в том числе – не

зафиксированных в словарях) и подавляющее большинство примеров-иллюстраций автор *Словаря* нашёл в письменных источниках методом сплошной выборки.

В *Словаре* приняты три типа дефиниций, каждый из которых обусловлен семантическими, частотными и парадигматическими характеристиками деонима:

I. Дефиниция, описывающая значение слова с элементами энциклопедического характера, например: **ДЖУ`ЛИО**, нескл., м. 1. Папская серебряная монета, весом 3,87 г, введённая в XIII в. под названием «большой грош»; **МАРЕ`НГО**, нескл., м. и ср. 1. (в XVIII в.) Ткань тёмно-коричневого цвета с белыми крапинками. 2. Меланжевая ткань с преобладанием тёмно-серого, часто почти черного цвета. 3. Черный цвет с серым отливом. 4. Золотая монета достоинством 20 франков, чеканенная в Турине.

II. Краткая, указывающая на родовый признак, на класс предметов, например: **НАГАСА`КИ-Э**, нескл. Тип японских ксилографий; ксилография этого типа; **ОЛДСМОБИ`ЛЬ**, я, м. Марка автомобиля; автомобиль этой марки.

III. Специальная, близкая к научной, например: **СЕ`ЛЕТ**, а, м. (археол.) Археологическая культура начала верхнего палеолита, для которой характерны листовидные наконечники, орудия мустьерского типа, охота, собирательство; иначе: селетская культура; **ТИ`ФИЯ**, и, ж. Насекомое рода перепончатокрылых, личинки которого паразитируют на пластинчатоусых жуках.

В *Словаре* вычленены деонимы, восходящие к разным онимам, например:

КАРДИГА`Н¹, а, м. Вязаный жакет без воротника и лацканов, с удлинённой горловиной и карманами.

Восходит к титулу английского генерала *Бруднелла*, седьмого графа **Кардигана** (*J.T. Brudenell, 7th Earl of Cardigan*, 1797 – 1868), который во время Крымской войны (1854) якобы носил такой жакет с целью утепления военного мундира.

КАРДИГА`Н², а, м. Порода собак со слегка согнутыми передними ногами и длинным хвостом; иначе: вельш-корги-кардиган.

Восходит к **Кардиган** (*англ. Cardigan*) – названию города в графстве Кереди-гион, где эта порода была выведена от собак, привезённых туда кельтами ок. 1200 г. до н. э. (Великобритания).

Для каждого слова имеется документированное подтверждение в текстах XVII – XXI вв.; цитируемые источники различны по жанрам и нормам словоупотребления. Иллюстрирование (в форме предложения-цитаты) ставит своей целью наиболее полно раскрыть семантику слова, показать его употребление, грамматические особенности. Цитатами служат извлечения из художественных, научных, публицистических, эпистолярных и иных текстов. Количество иллюстративного материала зависит от характера слова, его семантического богатства, обилия его грамматических и прочих характеристик, а также от протяжённости его существования в диахронии. Например:

МАЛА`ГА, и, ж. Вино ликёрного типа, тягучее, с полным вкусом. [*Гамбург, вместимая мера*] *Меры или сосуды, в которых иностранные вина сюда привозят, считаются: бочка (Both) малаги – от 60 до 65 вельт, хереса – от 62 до 68 вельт, педро хименес – от 48 до 49 вельт, аликантэ – от 58 до 60 вельт* (Общая метрология. – Спб., 1849). Он [*К. Нессельрод*] *был весьма воздержан, хотя любил хорошо поесть; до обеда, который был всегда весьма изысканный, он ничего не ел, только выпивал поутру и в три часа дня по рюмке малаги с бисквитом* [Граф Рейзет в России в 1852 – 1854 гг.] (Русская старина, № 7, 1903). *Нам привезли две бутылки превосходной сухой малаги (она очень похожа вкусом на белый портвейн)* (В. П. Боткин. Письма об Испании). *Шуршат истомно муары влаги, Вино сверкает, как стих поэм... И закружились от чар малаги Головки женщин и хризантем...* (И. В. Северянин. Хабанера III). *Малагу любили древние римляне, правитель Самарканда Тамерлан. Не садилась без малаги за обеденный стол Екатерина Великая* (Ю. Иванов.

Мир вина). Судя по тому, что Лефорту нравились мускатные вина, не исключено, что это могла быть и малага (Родина, № 3, 2007).

Цитаты из источников приводятся в объёме, достаточном для раскрытия значения слова, поэтому в *Словаре* допускается сокращение цитат. Даны инициалы, фамилия автора и название произведения. Деонимы, не подтверждённые письменными источниками, в *Словарь* не вошли.

В этимолого-энциклопедической зоне словарной статьи включены сведения о деониме: оним, к которому восходит деоним; этимология онима; экстралингвистический контекст деонимизации; энциклопедические сведения о деониме. Там, где это необходимо, приводятся даты исторических событий, эпох, периодов жизни писателей, изобретателей, государственных деятелей и т.п., годы появления изобретений, выхода в свет художественных произведений и научных трудов. Для описания деонимов в этой зоне словарной статьи использованы 288 названий языков, диалектов и этносов.

Для большинства онимов в этимолого-энциклопедической зоне словарной статьи даются этимологические сведения. Например: (в словарной статье **ДЬЮА`Р**, а, м. Сосуд с двойными посеребренными изнутри стенками и вакуумом для длительного поддержания температуры содержимого в нём веществ; иначе: сосуд Дьюара): восходит к Дж. Дьюар (англ. **Dewar**, 1842 – 1923) – фамилии шотландского физика и химика, который впервые получил жидкий водород и изобрёл термос (1872). Англ. **Dewar**, фам.: 1. < гаэльск. **deoir** ‘паломник’; 2. < **Dewar**, топон., Шотландия < предпол.: валл. **du ar** ‘чёрная вспаханная земля’.

Поскольку *Словарь* имеет большие хронологические рамки и не является нормативным, пометы экспрессивных функций слов не даются. Некоторые другие характеристики речевой употребительности – связь слов с жанрами письменности, принадлежность к терминологическим номенклатурам – также не даются, поскольку легко выводятся из толкований и иллюстративного материала. Специальными пометами предваряются только узкопрофильные термины из области архитектуры, археологии, геологии и палеонтологии.

Словарная статья состоит из пяти зон:

Зона I. Зона заглавного слова и грамматических характеристик. Заглавное слово дано в исходной форме и сопровождается грамматическими характеристиками, например: **ДАГЕ`Р**, а, м.

Зона II. Зона морфологических вариантов. Например: **СА`ССУН**, а, м. (**сэ`ссон** а, м.; **сэ`ссу** а, м.) Морфологические варианты, являющиеся усечением полных форм, следуют за последними. Например: **ЙОРКШИ`Р**, а, м. (**йорк**, а, м.).

Морфологические варианты XVII – XVIII вв. стоят за вариантами XIX – XXI вв. Например: **АДРИЕ`Н**, а, м. (**адрие`на**, ы, ж.; **адрие`нна**, ы, ж.; **адрие`на**, ы, ж.). Порядок расположения вариантов слов – алфавитный (отдельно для XVII – XVIII вв. и XIX – XXI вв.). Деонимы, восходящие к разным именам собственным, обозначаются надстрочными арабскими цифрами. Например:

БУРБО`Н¹, а, м. Грубый, невежественный и властный правитель и администратор; грубый человек; первоначально - офицер, выслужившийся из солдат.

Восходит к **Бурбоны** (франц. **Bourbon**) – фамилии французской королевской династии, правившей во Франции (1589 – 1792; 1814 – 1848).

БУРБО`Н², а, м. Сорт виски из солода кукурузы и ржи; виски этого сорта. Иначе: виски-бурбон.

Восходит к **Бурбон** (франц. **Bourbon**) – названию округа (шт. Кентукки, США), где благодаря наличию чистой воды и лесов было много винокурен и где впервые стали делать этот напиток (предпол.: 1789).

Зона III. Зона дефиниции. Например: **ГРЭ`ХЭМ**, а, м. Сорт хлеба из дроблёно-

го или цельномятого зерна; иначе: збожие. Дефиниции лексико-семантических вариантов разделяются арабскими цифрами, например: **ЖАКО`Б**, *нескл., м.* 1. Стиль мебели красного дерева с наклеенными полосками золоченой бронзы и латуни (XIX в.). 2. Мебель в этом стиле.

Зона IV. Зона иллюстраций. Цитаты-иллюстрации располагаются в прямом хронологическом порядке. Допускается пропуск её части. Например (в словарной статье **МУ`ЗА**, *ы, ж.*): *Рубенс, которому было уже за пятьдесят, вернулся в Антверпен, где его ждала молодая жена Елена Фоурмен... Елена родила ему пятерых детей и стала музой десятков картин, где нагота изображалась с невиданным для того времени откровением* (В. В. Эрлихман. Властелин империи красок).

Пример словарной статьи:

ФОНТА`НЖ, *а, м.* 1. Причёска из комбинации локонов, уложенных на голове рядами и смазанных белком, а также из проволочного каркаса, украшенного в сложенные складки газом, кружевом и цветами. *В конце [XVII] столетия в Англии по-прежнему были популярны французские моды, поэтому причёска и головной убор «фонтанж» получили широкое распространение* (М. Н. Мерцалова. Костюм разных времён и народов). *Однажды во время королевской охоты у герцогини де Фонтанж развалилась причёска, и она перевязала волосы лентой. Король выразил восхищение, и вскоре все придворные дамы стали носить причёску «фонтанж» (à la Fontanges)* (В.Г. Власов. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства).

2. **ФОНТА`НЖ**, *а, м.* (**фантанж**, *а, м.*) Жёсткая шапочка с лентами, мелкими локонами и гофрированными проклеенными кружевами. # *Посылаю к тебе кружива на фантанжу и на агажанты* (Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка Петра I с Екатериной Алексеевной. [1707 – 1724]. – М., 1861). *Головной убор «фонтанж» покорила Англию в конце XVII века и сохранился там до десятых годов XVIII века, получив название «commode» («удобный»)* (М. Н. Мерцалова. История костюма). [Согласно приказу Петра I, оглашённому 4.01.1700] *Просторные наряды княгинь и боярынь в законодательном порядке приказано было сменить на «образцовые немецкие женские портища» (то есть платья с корсетом и юбками до щиколоток), а вместо венцов и кик украшать головы фонтанжами и корнетами* (Родина, № 8, 1995).

3. Тип веера; веер этого типа. *Веер с удлинённой центральной частью экрана получил название «баллон» (ballon), а веер «фонтанж» (fontange) напоминал своей формой о легендарных сооружениях из кружев на дамских головках в конце XVII – начале XVIII в.* (Современная энциклопедия Аванта+. Мир вещей. – М., 2003).

Восходит к М. А. **Фонтанж** (франц. М. А. de Scorailles de Roussille, duchesse de **Fontanges**, 1661 – 1681) – фамилии герцогини, фаворитки Людовика XIV.

(1) Фонтанж ввела моду на эту причёску.

Франц. **Fontanges**, фам. **Fontanges**, топон., Франция.

Франц. **fontange**.

К **Словарю** прилагается обширная библиография, которая включает теоретическую литературу, источники фактологического материала и иллюстративную базу, состоящую из текстов различных функциональных стилей.

Словарь написан с привлечением многочисленных и разнообразных источников для анализа большого и сложного языкового материала. Он оригинален в плане изложенных в нём концептуальных подходов и методологии, принятых в данной предметной области. Деонимы уже были зафиксированы словарями русского языка, однако данный **Словарь** является специализированным словарём и впервые предлагает максимально широкое и комплексное описание деонимов за счет введения, помимо собственно семантической составляющей, этимологических, этнокультурных и

исторических данных.

Словарь представляет интерес для лексикографов, лексикологов, семасиологов, культурологов, лингвокультурологов, этимологов, переводчиков, специалистов в области межкультурной коммуникации и истории русского языка; для преподавателей и учителей русского и иностранных языков; для студентов вузов и учащихся школ; для всех, изучающих русский язык как родной или как иностранный; для любых носителей русского языка.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 01.10.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-122-127>

ПЧЕЛОВОДЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ А. Н. КАРПОВА

**Григорий Валериевич
Токарев**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, grig72@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Аннотация. Статья посвящена исследованию пчеловодческого словаря А. Н. Карпова. Основным методом является описание. В ходе исследования определено, что словник словаря составляют различные части речи, которые получают лингвистическую характеристику: ударение, указание на часть речи, у существительных – род, у глаголов – вид и переходность. Словник представлен многообразными с точки зрения сферы распространения единицами: терминами, профессионализмами, номенклатурами, жаргонизмами, бытовизмами. Установлено, что автор словаря использует приёмы лексикографирования, типичные для лингвистической презентации материала. Макроструктура словаря исходит из формы. Материал подаётся в алфавитном порядке. В словаре учитывается полисемия терминов. Однако она отражается специфически. Для каждого значения приводится своя словарная статья. В толкованиях используются лингвистические термины. В словарь включены единицы разных исторических эпох. Используются различные виды семантизации. Определены доминанты отраслевого сознания, которые представлены специальными словами *матка, мёд, пасака, пчела, рой*. Словарь содержит культурологическую информацию об устройстве быта русского человека, ведении хозяйства. Толкуются символы, в основу которых положены номинации лексикографируемого поля. Эмпирической базой словаря стали разнообразные издания: научные монографии, энциклопедии, периодика, учебная литература, словари русских донских говоров, русских народных говоров, русского языка XI – XVII вв., русского языка XVIII в., современного русского литературного языка. Резюмировано, что пчеловодческий словарь А. Н. Карпова представляет собой уникальный многоаспектный труд. Книга сочетает энциклопедический и лингвистический подходы, тем самым представляя амальгаму научной и наивной картин мира. Широкий охват материала, включение в него слов разнообразной функционально-семантической направленности, грамматической принадлежности позволяет охарактеризовать словарь как тезаурус специальной лексики. Словарю присущ лаконизм, характерный для идиостиля учёного. Оригинальность и успех книги обусловлены тем, что Александр Николаевич отразил в своём словаре две линии своей жизни – хобби (увлечение пчеловодством) и профессию (изучение языка).

Ключевые слова: специальная лексика, пчеловодство, термин, профессионализм, профессиональный жаргон, словарь, тезаурус.

Для цитирования: Токарев Г. В. Пчеловодческий словарь А. Н. Карпова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 122–127. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-122-127>

Сведения об авторе: Г. В. Токарев – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-122-127>**A. N. KARPOV'S BEEKEEPING DICTIONARY****Grigory V. Tokarev**

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, grig72@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Abstract. The article deals with the study of A. N. Karpov's beekeeping dictionary. The main method of research is description. In the course of the study, the author determines that the vocabulary in the dictionary consists of various parts of speech that receive linguistic characteristics: stress, an indication of a part of speech, in nouns – gender, in verbs – aspect and transitivity. The vocabulary is diverse and from the point of view of the sphere of distribution contains the following units: terms, functional lexis, nomenclatures, jargonism, colloquialisms. The author establishes that Karpov uses lexicography techniques typical for the linguistic presentation of the material. The macrostructure of the dictionary comes from the form. The distinctive features of the dictionary are: alphabetical order of the material presentation, specific polysemy of terms (a separate dictionary entry for each meaning), use of linguistic terms in interpretations. Also the dictionary includes units from different historical eras and uses various types of semantics. The author defines the dominants of branch consciousness represented by special words: *matka* (mother bee), *myod* (honey), *paseka* (apiary), *pchela* (bee), *roy* (cluster of bees). The dictionary contains cultural information about the structure of Russian life, household management. The author interprets symbols based on the nominations of the lexicographed field. Various publications have become the empirical base of the dictionary: scientific monographs, encyclopedias, periodicals, educational literature, dictionaries of Russian Don dialects, Russian folk dialects, Russian language of the 19th century, Russian language of the 20th century, modern Russian standard language. The author summarizes that A. N. Karpov's beekeeping dictionary is a unique multidimensional work. The book combines the features of encyclopedic and linguistic approaches, thereby presenting an amalgam of scientific and naive worldviews. The wide coverage of the material, the inclusion of various functional and semantic orientation words, grammatical affiliation allows us to characterize the dictionary as a thesaurus of specialist vocabulary. The dictionary has a laconism characteristic of the scientist's idiosyncrasy. The originality and success of the book are due to the fact that Alexander Nikolayevich reflected in his dictionary two lines of his life – a hobby (passion for beekeeping) and a profession (language learning).

Keywords: specialist vocabulary, beekeeping, term, functional lexis, jargon, dictionary, thesaurus.

For citation: Tokarev, GV 2024, 'A. N. Karpov's Beekeeping Dictionary', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 122–127, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-122-127> (in Russ.)

Information about the Author: Grigory V. Tokarev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Documentation Sciences and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Среди филологических интересов А. Н. Карпова особое место принадлежит лексикологии. Научная деятельность учёного отражает особенности данного направления языкознания во второй половине двадцатого века: внимание к эволюции лексического значения, изучение словесных категорий (в частности лексико-семантических групп), описание ономастического аспекта номинаций. Обозначенные вопросы отражают интеграцию сравнительно-исторического и структурного методов. Александр Николаевич предлагал своим аспирантам темы, связанные с изучением лексических полей в трёх названных аспектах. В рамках исследования А. Н. Карповым лексики русского языка значимым результатом является пчеловодческий словарь. Александр Николаевич сам был пчеловодом, у него была собственная пасека. Всё, что интересовало А. Н. Карпова в этом направлении, он обобщил, систематизировал в своей работе.

Материалы и методы

Целью нашей статьи является анализ пчеловодческого словаря А. Н. Карпова, ввиду чего основным методом является описание. Словарь вышел в 1997 году в издательстве «Русский язык».

Результаты

Словарь пчеловодства А. Н. Карпова является одним из первых, беспрецедентных в русской лингвокультуре изданий, системно отражающих специальную лексику данной сферы профессиональной деятельности. До выхода словаря А. Н. Карпова были изданы «Систематическая энциклопедия пчеловодства» Г. А. Буткевича, «Справочник по пчеловодству» Н. Л. Буренина и Г. Н. Котовой, «Словарь-справочник пчеловода» Н. Ф. Федосова, «Энциклопедия пчеловодства» А. Хабачева. Позже увидела свет «Азбука пчеловодства» В. Ф. Стрельцова, в пространстве интернета появился онлайн-словарь, посвящённый данной теме, – «Глоссарий пчеловодческих терминов».

В аннотации книги А. Н. Карпова указано, что «словарь рассчитан на широкий круг занимающихся пчеловодством, а также студентов средних специальных и высших заведений соответствующего профиля». Из этого следует, что словарь совмещает информационно-справочную и учебную задачу, на что, несомненно, оказала влияние преподавательская деятельность учёного.

По своему характеру словарь должен быть отраслевым энциклопедическим. Однако А. Н. Карпов даёт несколько иную квалификацию своей работе. Он пишет: «“Пчеловодческий словарь” входит в серию толковых словарей...» [4, с. 3]. Характеристика словаря как толкового переводит его в ранг лингвистических. Далее учёный отмечает: «Словарь включает в себя лексику пчеловодства с древней эпохи и до наших дней...» [4, с. 3]. Обращает на себя внимание тот факт, что лексикограф не пользуется традиционным для энциклопедического жанра инструментарием – понятиями, терминами. Более того, вокабулы включают типичные лингвистические характеристики: ударение, указание на часть речи, у существительных – род, у глаголов – вид и переходность. Данные аспекты не типичны для энциклопедического словаря. В предисловии А. Н. Карпов указывает: «Далее следуют толкования значения слова и иллюстративные примеры, взятые, главным образом, из специальных работ по пчеловодству... Цитирование приводится в том минимальном объёме, который достаточен для раскрытия значения слова» [4, с. 3]: «*Рой сел медведем, облепил улей*» (В. Даль). Как видим, учёный оперирует лингвистическим термином *значение*, а не *содержание* понятия. Использует приём лексикографирования, типичный для лингвистической презентации материала. В некоторых случаях именно иллюстрация раскрывает значение специального слова: *витерунок* «*В наше время мало в*

России бортников, умеющих готовить так называемую приманку (витерунок)...» [4, с. 34].

Макроструктура словаря исходит из формы. Материал подаётся в алфавитном порядке. Словник составляют преимущественно имена существительные, однако встречаются и прилагательные, глаголы, наречия и даже звукоподражания (*куа, куа, куа, ку-а-а*). Интересно, что слова на кириллице и латинице подаются смешанным образом. Так, термин *APIS* толкуется там, где толкуются лексеммы на букву А. Варианты терминов даются в скобках. Например, *БЕнкарт – (бенкАрт)*.

В словаре учитывается полисемия терминов. Однако она отражается специфически. Для каждого значения приводится своя словарная статья. Вокабулы нумеруются индексами. Так, в словаре фиксируется три термина *активность*. Содержание каждого понятия уточняется контекстом: *активность лётная, активность (оптическая активность мёда), активность (семьи)*. После этого толкуется содержание каждого значения термина в отдельной статье.

Словник неоднороден с точки зрения сферы распространения. Традиционное толкование термина встречается не часто. Так, в толкование термина *вес пчелы* включается информация энциклопедического характера о массе пчелы в зависимости от выполняемой деятельности, возраста и т. д. В толковании термина *доска медовая* дано указание об изобретателе данного устройства – П. И. Прокоповиче. Наряду с терминами используются диалектизмы. Например, *алтаец* ‘местное название двухэтажного улья системы Рута’. Здесь же находим номенклатурные единицы. Например, *Апитерм - I* ‘комплект обогревателей для ульев’. Профессионализмы: *байбак* ‘чурбан, утыканный гвоздями; подвешивается к борти для отпугивания медведей’. В некоторых случаях жаргонизмы заключаются в кавычки. Например, «Бег с жужжанием» ‘сигнал, с помощью которого пчела-разведчица побуждает пчёл к переселению на новое место’. В иных случаях описания подаются без кавычек: *баланс* ‘лёгкий домик (будка) для удовлетворения бытовых и производственных потребностей пчеловода в полевых условиях’.

В толкованиях используются лингвистические термины. Например, *алтайка* ‘популяция медоносной пчелы; получила название по топониму Алтай’, *долголетие* ‘метафора, обозначающая действительно большие сроки сохранности мёда как питательного продукта’, «*захребетник мирской*» ‘ироническое название трутня’.

В словарь включены единицы разных исторических эпох. Так, лексикографируется слово *Бчела (Бъчела)*. Значение слова иллюстрируется памятником XII – XIII вв. – Успенским сборником. Характерно, что приводятся производные от этого слова: прилагательное – *бчелиный, бчелица*.

В словаре используются различные виды семантизации. Наиболее ожидаемый – энциклопедический, с опорой на родовое понятие. Например, *грегариноз* ‘инвазивная болезнь пчелиных семей, характеризующаяся расстройством кишечника’. В данной легенде опорным словом выступает гипероним *болезнь*. Наряду с этим используются отсылочные толкования. *Группа связующая* ‘то же, что полевые пчелы’. Среди них можно выделить синонимичные *дань* ‘принудительный сбор мёда в пользу владельца леса или княжеских экономий’. Опорным словом семантизации выступает слово *дань*. Практические цели словаря обуславливают ситуативные толкования: *грелка* ‘используется для содержания в тепле и покое натуральных маточников’.

Приём толкования терминов, при котором гипонимы, образованные по модели словосочетания, включаются в словарную статью, в данном справочнике не используется. Каждая гипонимическая единица репрезентируется самостоятельной статьёй: *дымарь, дымарь бездымный, дымарь газовый, дымарь лечебный, дымарь-патрон, дымарь теплоструйный, дымарь холодноструйный*. Можно выделить це-

лые гнёзда с ключевым термином-компонентом: *матка, мёд, пасека, пчела, рой*. Данные единицы отражают доминанты отраслевого сознания.

Словарь содержит культурологическую информацию об устройстве быта русского человека, ведении хозяйства. Этому посвящены отдельные статьи. Например, *деревня медовая* 'поселение, жители которого занимались промыслом мёда'; *десятина пчелиная* 'оброк, равный десятой части от собранного мёда'. Толкуются символы, в основу которых положены номинации лексикографируемого поля: *мёд и млеко* 'символ богатства и изобилия'.

Эмпирической базой словаря стали разнообразные издания: научные монографии, энциклопедии, периодические издания, учебная литература, словари русских донских говоров, русских народных говоров, русского языка XI – XVII вв., русского языка XVIII в., современного русского литературного языка в 17 томах.

Заключение

Итак, пчеловодческий словарь А. Н. Карпова представляет собой уникальный многоаспектный труд. Книга сочетает энциклопедический и лингвистический подходы, тем самым представляя амальгаму научной и наивной картин мира. Словарь отражает историю развития отрасли, раскрывает эволюцию профессионального сознания в контексте повседневности. Многообразные с точки зрения сферы распространения единицы: термины, профессионализмы, номенклатуры, жаргонизмы, бытовизмы – дают возможность услышать живую речь пасечника. Широкий охват материала, включение в него слов разнообразной функционально-семантической направленности, грамматической принадлежности позволяет охарактеризовать словарь как тезаурус специальной лексики. Таким образом, словарь представляет ценность и по охвату материала, и по реализованной в нём модели лексикографирования, заключающейся в широком подходе к специальной лексике. В то же время словарю присущ лаконизм, характерный для идиостиля учёного. Оригинальность и успех книги обусловлены тем, что Александр Николаевич отразил в своём словаре две линии своей жизни – хобби (увлечение пчеловодством) и профессию (изучение языка).

Список источников и литературы

1. Буренин Н. Л., Котова Г. Н. Справочник по пчеловодству. М.: Колос, 1977. 367 с.
2. Буткевич Г. А. Систематическая энциклопедия пчеловодства: Полное руководство для школ, курсов и инструкторов пчеловодства, а также для всех, желающих основательно изучить эту отрасль хозяйства : [в 2 т.]. Тула, 1928.
3. Глоссарий: словарь наиболее употребляемых пчеловодческих терминов // АйДаМёд: таёжный мёд Алтая : сайт. Боровск, 2000–2024. URL: <https://allhoney.ru/glossariy> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Карпов А. Н. Пчеловодческий словарь. М.: Рус. язык, 1997. 385 с.
5. Стрельцов В. Ф. Азбука пчеловодства. СПб: Полигон, 2002. 286 с.

References

1. Burenin, NL & Kotova, GN 1977, *Spravochnik po pchelovodstvu* (Beekeeping guide), Kolos publ., Moscow. (In Russ.)
2. Butkevich, GA 1928, *Sistematicheskaya entsiklopediya pchelovodstva: Polnoye rukovodstvo dlya shkol, kursov i instruktorov pchelovodstva, a takzhe dlya vsekh, zhelayushchikh osnovatelno izuchit etu otrasl khozyaystva* Systematic encyclopedia of beekeeping (The Systematic Encyclopaedia of Beekeeping: A Complete Guide for Schools, Courses and Instructors

- of Beekeeping, and for all who wish to study this branch of beekeeping thoroughly), Tula. (In Russ.)
3. 'Glossariy: slovar naiboleye upotreblyayemykh pchelovodcheskikh terminov' (Glossary: Dictionary of the Most Commonly Used Beekeeping Terms), *AyDaMyod: tayozhnyy mod Altaya* (AyDaMyod:Taiga Honey of Altai), viewed 10 October 2024, <https://allhoney.ru/glossariy> (In Russ.)
 4. Карпов, АН 1997, *Pchelovodcheskiy slovar* (Beekeeping dictionary), Rus. yazyk publ., Moscow. (In Russ.)
 5. Streltsov, VF 2002, *Azbuka pchelovodstva* (The ABC of beekeeping), Poligon publ, St.Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.11.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 13.11.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 81.006.3:81.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-128-138>

НОМИНАЦИИ МЕДА КАК ХМЕЛЬНОГО НАПИТКА В «ПЧЕЛОВОДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ» А. Н. КАРПОВА

**Ирина Евгеньевна
Герасименко**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, irinagera2006@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4918-7470>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы лексикографированных номинаций *меда* как продукта переработки медоносными пчелами нектара и как хмельного напитка в зависимости от способа приготовления в словаре А. Н. Карпова в сопоставлении с другими толковыми словарями русского языка. Автор обосновывает актуальность исследования номинации «мед» тем, что она практически не подвергалась лингвистическому рассмотрению в статьях и монографиях. Кроме того, данная лексема относится к разряду символических в русской лингвокультуре. Автор отмечает, что «Пчеловодческий словарь» А. Н. Карпова (1997), который входит в серию толковых словарей по основным отраслям науки и производства, является весьма содержательным и представляет собой богатый источник для языковедческого описания лексики русского языка.

В ходе исследования установлено, что в словаре А. Н. Карпова слово «мёд» имеет два значения. Основное внимание в статье уделяется анализу лексемы «мёд» в значении 'хмельной напиток'. Выявлено, что в словаре А. Н. Карпова зафиксированы только три из номинаций, отмеченных в «Словаре русских народных говоров»: *воронок*, *мед княжий* и *сычевка*. Вместе с тем в «Пчеловодческом словаре» встречаются номинации, которые отсутствуют в других словарях, например, *мёд расхожий*, *мёд сладкий*, *мёд старый*, *мёд столовый* и др. Установлено, что некоторые номинации меда как алкогольного напитка имеют различные значения в словаре А. Н. Карпова и в других толковых словарях русского языка. Так, номинант меда «воронок» имеет в словаре А. Н. Карпова сему 'без добавления хмеля', а в «Словаре русских народных говоров» – 'с добавлением хмеля'. В статье проанализированы подобные примеры расхождений в значениях, наличия и отсутствия номинантов, даны культурологические и этимологические комментарии к некоторым языковым явлениям. Анализ «Пчеловодческого словаря» А. Н. Карпова позволил определить, что по своей форме лексика тематической группы «мед как хмельной напиток» остается диалектной (*воронок*, *сычевка*) или представляет собой названия исчезнувших или вышедших из употребления предметов (*мед княжий*, *мед кислый*, *мед бутылочный*).

Ключевые слова: номинация, лексема, толковый словарь, мёд, хмельной напиток.

Для цитирования: Герасименко И. Е. Номинации меда как хмельного напитка в «Пчеловодческом словаре» А. Н. Карпова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 128–138. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-128-138>

Сведения об авторе: И. Е. Герасименко – доктор филологических наук, доцент, профессор института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 81.006.3:81.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-128-138>

NOMINATIONS OF HONEY AS AN INTOXICATING DRINK IN THE BEEKEEPING DICTIONARY BY A. N. KARPOV

Irina E. Gerasimenko

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, irinagera2006@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4918-7470>

Abstract. The article examines the problems of lexicographic nominations of honey as a product of nectar processing by honey bees and as an intoxicating drink depending on the method of preparation in A. N. Karpov's dictionary in comparison with other Russian language explanatory dictionaries. The author substantiates the relevance of considering the nomination 'honey' by the fact that today there are almost no linguistic studies on this topic. In addition, this lexeme belongs to the category of symbolic ones in Russian linguoculture. The author notes that the Beekeeping Dictionary by A. N. Karpov (1997), which is part of a series of explanatory dictionaries on the main science and production branches, is very informative and represents a rich source for the linguistic description of the Russian language vocabulary.

The study establishes that in the dictionary by A. N. Karpov the word 'honey' has two meanings. The author focuses on the analysis of the lexeme 'honey' in the meaning of 'intoxicating drink'. Karpov's dictionary records only three of the nominations noted in the Dictionary of Russian Folk Dialects: *voronok*, *knyazhiy myod*, and *sychevka*. At the same time, the Beekeeping Dictionary contains nominations that are absent from other dictionaries, for example, *mod raskhozhiy*, *mod slastnyy*, *mod staryy*, *mod stolovyy*, etc. The author establishes that some nominations of honey as an alcoholic beverage have different meanings in A. N. Karpov's dictionary and in other explanatory dictionaries of the Russian language. Thus, *voronok*, the nominee of honey, has the same 'without adding hops' in A. N. Karpov's dictionary, and 'with adding hops' in the Dictionary of Russian Folk Dialects. The article analyzes similar examples of discrepancies in meanings, presence and absence of nominees, and provides cultural and etymological comments on some linguistic phenomena. Based on the analysis of A. N. Karpov's Beekeeping Dictionary, the author determines that the lexicon of the thematic group 'honey as a intoxicating drink' remains dialectal in its form (*voronok*, *rychevka*) or represents the names of disappeared or out of use items (*princely honey*, *sour honey*, *bottled honey*).

Keywords: nomination, lexeme, explanatory dictionary, honey, intoxicating drink.

For citation: Gerasimenko, IE 2024, 'Nominations of Honey as an Intoxicating Drink in the Beekeeping Dictionary by A. N. Karpov', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 128-138, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-128-138> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina E. Gerasimenko* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Огромную роль в нашей жизни играют учителя. Они не только воспитывают в нас лучшие качества, им удается пробудить интерес к познанию, сформировать круг увлечений, вызвать стремление подражать им. Большое влияние на мою жизнь и профессиональное становление оказал мой учитель Александр Николаевич Карпов. Это действительно легендарная личность. Его жизнь была настолько насыщена событиями, настолько увлекательна и интересна, что повествование о ней потребовало бы немало времени. Он был не только крупным ученым, но и героем Великой Отечественной войны, талантливым педагогом, галантным мужчиной с прекрасным чувством юмора. Научные интересы ученого были разноплановыми: синхроническая и диахроническая лексикология, терминология, ономастика, синтаксис, стилистика, история русского литературного языка и др. Нельзя не согласиться с мнением ответственного редактора сборника, посвященного памяти профессора А. Н. Карпова, Г. В. Токаревым: «Не будет преувеличением сказать, что по работам профессора Карпова можно проследить развитие проблематики лингвистических исследований в XX веке» [26, с. 4].

А. Н. Карпов является автором «Пчеловодческого словаря» (1997), который входит в серию толковых словарей по основным отраслям науки и производства. Словарь был задуман как доступное справочное пособие для приобщающихся к разведению пчел и уходу за ними. Словарь включает в себя лексику пчеловодства с древних времён до наших дней. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке, заголовочные слова снабжены грамматическими пометами, указывающими на часть речи. Далее следуют толкования значения слова и иллюстративные примеры, взятые, главным образом, из специальных работ по пчеловодству.

Пчеловодческие словари существуют в немалом количестве, среди них есть «периодически пополняемые» (например, «Словарь пчеловода» [22], созданный на основе «Азбуки пчеловодства» под ред. Л. Н. Волковского [25]), словари наиболее употребляемых пчеловодческих терминов от специалистов, профессионально занимающихся разведением пчел (например, «Словарь пчеловода», размещенный на сайте пчеловода А. А. Дорошенко [21], глоссарий интернет-магазина «Таёжный мёд Алтая» [4]). Однако многочисленные словари терминов пчеловодства не сравнятся со словарем А. Н. Карпова, несомненным достоинством которого является, наряду с полнотой вокабуляра, богатое лингвистическое наполнение и интересный набор иллюстрирующих значения примеров.

При решении вопроса о лексических единицах, составляющих объект исследования данной статьи, мы решили остановиться на центральной номинации, представляющей и в логическом, и в лингвокультурологическом планах бесспорный центр парадигмы, – лексеме «мёд». К нашему удивлению, оказалось, что лексема «мёд» практически не подвергалась лингвистическому рассмотрению в статьях и монографиях. Исключение составила магистерская работа 2014 года на тему «Концепт “мед” в русской лингвокультуре», написанная под научным руководством профессора И. Т. Вепревой [9], и малочисленные научные статьи, исследующие, главным образом, поэтический символизм метафоры «мёд» (например, [1], [17], [7]), «мёд» как компонент паремиологической картины мира различных языков в сопоставлении с русским (например, [2], [5], [20], [13], [14], [16]), языковое представление о мёде как о напитке (например, [8], [29]). Косвенным включением компонента «мёд» в разряд символьных в составе культурно значимых фразеологизмов является описание лексемы «мёд» и ее производных в «Словаре русской пищевой метафоры», содержащем образные средства русского языка, называющие различные явления окружающего мира по аналогии с продуктами питания и блюдами русской национальной кухни [24].

Таким образом, исследование лексемы «мёд» представляется в настоящее время весьма актуальным и, безусловно, увлекательным.

Исследование

В культуре славян мёд олицетворяет бессмертие, изобилие, здоровье, процветание, красоту, радость и сладость жизни. Его называют пищей богов и эликсиром жизни. В древних преданиях говорится, что «в раю реки полны молока, вина и мёда». У подножия мирового древа бьют двенадцать источников, дарующих эти напитки. У славян мёд играет важную роль в свадебных, родинных и похоронных обрядах, а также используется в народной медицине. Мёд был неотъемлемой частью рациона всех славянских народов на протяжении веков, поэтому он прочно вошёл в культуру и язык славян.

Анализ данных толковых словарей показал, что лексема «мёд» многозначная. На базе первого значения развиваются другие семемы данной лексемы. В работах лексикографов не прослеживается единого мнения о том, как следует интерпретировать семантику слова «мёд». Например, в словаре Т. Ф. Ефремовой можно найти четыре лексико-семантических варианта этого слова [6], в словаре Д. В. Дмитриева – три [27], а в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой – только два [15]. Большинство лексикографов сходятся во мнении относительно первого значения, это связано с тем, что оно наиболее тесно связано с реальным миром [3]. Опираясь на словарные определения, можно охарактеризовать мёд как ‘сладкое вещество, похожее на сироп’. Все авторы словарей согласны с тем, что мёд производят пчёлы. В некоторых источниках также упоминается, что его делают из нектара цветов или медоносных растений.

В словаре А. Н. Карпова слово «мёд» имеет два значения.

Мёд – ‘продукт переработки медоносными пчелами нектара или пади, представляющий собой сладкую, ароматическую, сиропообразную жидкость или закристаллизовавшуюся массу’. Мёд – ‘хмельной напиток, в зависимости от способа приготовления приближающийся по качеству к некоторым сортам пива или сухого и сладкого вина’ [12, с.149].

Интересно, что в словаре А. Н. Карпова нет упоминания о цвете или пользе мёда, однако отмечается его способность быть не только в жидком (*сиропообразная жидкость*), но и в твердом (*закристаллизовавшаяся масса*) состоянии, что не фиксируется другими словарями.

Как мы отметили выше, мёд может восприниматься и как продукт, и как напиток. «Я там был; мед, пиво пил – И усы лишь обмочил», – этими знаменитыми словами заканчивается известная сказка А. С. Пушкина «О царе Салтане». И в русских народных сказках часто можно встретить описание пира, где пьют «мёд-пиво». А. О. Захаров пишет: «Ещё два слова, известные из детских сказок, – мёд-пиво – тоже крайне размыты по значению. Мёд как напиток (ставленный мёд, питный мёд) сегодня глубокий анахронизм, а медовуха, хотя и регламентируется ГОСТ Р 57594-2017 Медовухи. Общие технические условия, не имеет там однозначного определения, ибо может быть изготовлена не только из мёда, но и из сахара, патоки, прополиса, перги» [8, с. 8].

Использование мёда для получения хмельного напитка зародилось в лесных районах Руси, где было распространено бортничество. Напиток готовили из дикого мёда с добавлением сока ягод и хмеля в бочке, которую смолили и ставили в землю. Процесс брожения длился 10–15 лет, в результате получался «ставленный» мёд – дорогой и высококачественный напиток крепостью 10–16 градусов. Существовал и напиток более быстрого приготовления: мёд варился на воде и подвергался брожению в течение 10–14 дней. Это был более дешёвый «варёный» мёд низкого качества с крепостью около 9 процентов. Известны также сыта (смесь воды и мёда, которая

использовалась для приготовления слабоалкогольного напитка) и медовуха (брага с добавлением мёда). В зависимости от сорта мёда напитки могли иметь разный вкус.

Начиная с XV в. количество мёда в стране стало уменьшаться, что привело к повышению цен на медовые напитки, которые начали экспортироваться.

Хотя алкогольные напитки были известны ещё с древних времён, в древнерусском государстве пьянство не стало серьёзной общественной проблемой. Такой вывод можно сделать, изучив законодательство и церковные предписания того времени. Веками на Руси сохранялось равновесие между повседневной трезвостью и возможностью наслаждаться весельем и торжеством, которое сопровождалось употреблением алкогольных напитков. В праздничные дни проводились пиры для мужчин (братчины) и для девушек (складчины). Также были совместные пиры: княжеские, семейные и свадебные. Хмельные напитки употреблялись во время похоронных обрядов. Известный русский историк Н. М. Карамзин писал о традициях Древней Руси, что «россияне... любили вино, но считали трезвость добродетелью» [10, т. 3].

Несмотря на то, что в настоящее время восприятие меда в качестве напитка не является актуальным в русском народном сознании, в «Словаре русских народных говоров» содержится обилие разнообразных номинаций напитков, приготовленных из него: *братчина, брашный мед, буза, бурдымага, варенюха, воронок, звар, кавардак, квасок, брага, княжои мед, медовая кислушка, медоуха, сута, сычевка, сычина* [23]. Некоторые из этих номинаций имеют территориальную закреплённость, так, лексема *кавардак* употреблялась в значении 'водка, сваренная с клюквой, медом и пряностями', лишь в Тамбовской области.

В словаре А. Н. Карпова нами зафиксированы только три из указанных номинаций: *воронки, мед княжий* и *сычевка*.

Воронки – 'продукт переработки меда; напиток с определенной долей спирта; самоквас без добавления хмеля-растения'. *Спрос на мед увеличился, цена на него повысилась... Из него сейчас домашним способом готовят пиво и воронки* (Ф. Вишняков) [12, с. 37]. В «Словаре русских народных говоров» *воронки* – это 'напиток из сотового меда, воды, дрожжей или хмеля, иногда с пряностями' [23, т. 5, с. 116]. Можно увидеть, что присутствие / отсутствие хмеля в воронке, отмеченное составителями двух словарей, указывает на то, что напиток готовился в разных регионах России по-разному. Интересно заметить, что в Кулинарном словаре *воронки* – это 'русский керамический или металлический сосуд для хранения напитков. Имел форму высокого кувшина с ручкой, носиком, крышкой и поддоном. Крышка не снималась, а была приделана на шарнирах. Воронки вышли из употребления во второй половине XIX в., когда широко стали распространяться стеклянные графины, казавшиеся в то время верхом красоты' [19]. Очевиден метонимический перенос значения: сосуд для напитка → напиток. Здесь могут возникнуть вопросы о направлении переноса значения. Мы предполагаем именно такой вектор, поскольку этимология слова «воронка» ('приспособление в виде конуса для переливания жидкостей', 'водоворот', 'впадина'), семантически связанного со словом «воронки», объясняется «суффиксальным образованием уменьшительно-ласкательного характера от общеславянского **vorpa* 'дыра, отверстие'» [30].

Мед княжий – 'хмельной напиток высшего качества, приготовленный из меда по особой рецептуре; боярский мед; братский мед'. *Послано посломь дацкимь съ сытного дворца... 10 ведрь меду княжаго, 15 ведрь меду боярского* (Русские акты копенгагенского архива) [12, с. 52–53]. В «Словаре русских народных говоров» значение словосочетания «княжои мед» не имеет в себе сем 'высшего качества', 'приготовленный по особой рецептуре', подчеркивающих элитарность данного алкогольного напитка. Здесь лексикографируется значение, связанное с русским свадебным

обрядом: *княжий мед* – ‘водка или наливка, которые подносят молодые после венчания, когда принимают поздравления от гостей’ [23, т. 13, с. 348].

Практически абсолютными синонимами являются определения лексемы «сычевка» в обоих словарях: ‘вареный питейный мед’ [12, с. 322] и ‘вареный, предназначенный для питья мед’ [23, т. 43, с. 180].

В словаре А. Н. Карпова список медовых хмельных напитков шире: *водочка сладкая, мед кислый, мед брожёный, м. бутылочный, м. варёный, м. квашеный, м. крепкий, мед-напиток, м. паточный, м. простой, м. пьяный, м. расхожий, м. сладный, м. старый, м. столовый, м. стоялый, м. сыченый, медЫ, м. ядовитый*.

Водочка сладкая – ‘веселящий напиток, изготовленный из меда; синоним слова «мед» в значении «крепкий напиток». Когда на Руси ещё не было известно хлебное вино, а виноградное вырабатывалось в далеких странах, только из меда и приготавливались те веселящие напитки, которые назывались «медом» или «сладкой водочкой». Потребление этих напитков было громадно. При разных случаях мед, можно сказать, «лился рекой» (А. Курочкин) [12, с. 36].

В «Словаре русских народных говоров» слово «водочка» имеет значение ‘водичка’: *И пьет-то конь водочку ключевую* [23, т. 4, с. 347]. В этом значении лексема «водочка» отсутствует в других словарях. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *водочка* – (разг., ·фам.) ‘ласк. к водка’. *Не хотите ли водочки?* [28].

Мед кислый – ‘хмельной напиток из меда’. *Припасено вино горячее и меду кислые* (Акты Древней России, XIII – XVII вв.) [12, с. 152]. В этом значении словосочетание «мед кислый» отсутствует в других словарях. В «Словаре русских народных говоров» *кислый* – ‘одно из лиц народного свадебного обряда со стороны жениха, кто при поезде хозяина везет хмельное для потчевания поезжан и встречающих’ [23, т. 13, с. 235]. Вероятно, такое именование участника свадебного обряда возникло в результате метонимического переноса значения, отмеченного в словаре А. Н. Карпова.

Мед бутылочный – ‘напиток из меда; приготавливается из меда, воды, хмеля и пряностей в определенных пропорциях’. *Бутылочный мед парят в вольном духу или переваривают на ягодах и получают ставленный и ягодные меда* (В. Даль) [12, с. 150]. В «Словаре русских народных говоров» отмечены два значения слова «бутылочный» в сочетании с существительными «болезнь» и «суд»: *бутылочная болезнь* – ‘алкоголизм, пьянство’; *бутылочный суд* – ‘суд, основанный на произволе, когда судей подкупают (угощают водкой, вином)’ [23, т. 3, с. 316].

Мед паточный – ‘хмельной напиток из меда-патоки’. *Мед паточный и княжой велели про послов ставити* (Акты исторические, 1589 г.) [12, с. 156]. Однако в «Словаре русских народных говоров» номинация «мед паточный» соотносена с основным значением лексемы «мед»: *мед паточный* – ‘то же, что патока’. *По меду, меду по паточному А и плыла чара серебряная* (Свадебная песня) [23, т. 25, с. 274]. *Патока* – ‘свежий мед, вытекающий из сотов’ [там же, с. 273]. Хотя явно приведенная иллюстрация из свадебной песни относится к меду как напитку, поскольку чара – ‘древнерусский металлический сосуд для питья крепких напитков’ [18].

Оставшиеся номинации меда-напитка из словаря А. Н. Карпова отсутствуют в других рассмотренных нами словарях в значениях, связанных с ним.

Мед брожёный – ‘хмельной напиток из меда; приготавливается из меда, воды, хмеля и пряностей в определенных пропорциях’. *Если броженный мед парят, глухо замазав, то получают ставленный и ягодный меда: мед малиновый, вишневый и пр.* (В. Даль) [12, с. 150].

Мед варёный – ‘алкогольный продукт переработки меда с помощью огня’. *Другие статьи, относящиеся к пчеловодству, включенные в Судебник Иоанна IV... имеют цель ограничение потребления вареного меда... Следовательно, уже и в*

это время потребление этого напитка перешло меры, полагаемые нравственностью, и обратило на себя внимание правительства (А. Покорский-Жоравко) [там же].

Некоторые номинации меда-напитка не дифференцируются по значению. Так, *мед квашеный* определяется как ‘алкогольный напиток’. *Необходимость вина на сельских помочах, при разных работах, заменили квашеным медом и пивом домашнего приготовления. За неимением квашеного меда обходились и так* (Ф. Вишняков) [12, с. 152]. *Мед крепкий* – ‘хмельной напиток из меда’. *Послано бочка меда крепкаго 5 ведрь* (Кладовые росписи боярина Бориса Морозова) [там же, с. 153]. *Мед-напиток* – ‘продукт переработки меда, содержащий определенную дозу алкоголя; хмельной напиток’. *Указом 1663 года определена продажная стоимость меда-напитка, а указом 1681 года определены места продажи и установлены новые цены меда-напитка* (С. Розов) [там же, с. 154]. *Мед простой* – ‘напиток, приготовленный из натурального меда с добавлением воды и хмеля’ [там же, с. 157].

Как ‘хмельной напиток из меда’ дефинируются *мёд расхожий* [там же, с. 157], *сластный* [там же, с. 158], *старый, столовый, стоялый, сыченый* [там же, с. 159]. Близки к этому определению и *медЫ* – ‘старинные русские и польские напитки – хмельные, но без сивушного масла’ [там же, с. 160].

Синонимичны названия *мед пьяный* (‘ядовитый мед; вызывает отравление у людей, очень сходное с сильным опьянением’) и *мёд ядовитый* (‘продукт переработки нектара некоторых ядовитых растений (например, азалии, бирючины, горного лавра, андромеды, рододендрона, багульника болотного, чемерицы); вызывает отравление у людей, очень сходное с сильным опьянением’) [там же, с. 157].

«Пчеловодческий словарь» А. Н. Карпова предоставляет благодатную почву для дальнейших лингвистических изысканий с возможностью чтения других словарей и погружения в исторические особенности слов и национальных культурных реалий. Однако мы пока остановимся, чтобы подвести некоторые итоги.

Заключение

«Одним из важнейших объектов языкознания является региональная производственно-профессиональная лексика. В этом массивном пласте русской речевой культуры обращает на себя лексика пчеловодства – древнейшей благодатной формы общения человека с природой» [11, с. 5]. Мы коснулись в статье проблемы лексикографированных номинаций меда как продукта переработки медоносными пчелами нектара и как хмельного напитка в зависимости от способа приготовления в словаре А. Н. Карпова в сопоставлении с другими толковыми словарями русского языка. Обращает на себя внимание тот факт, что словарь А. Н. Карпова содержит лексический материал, отражающий факторы постоянного увеличения номинативов и роста данных тематических групп, прогрессирующей семантической и функциональной перегруппировки единиц внутри данных тематических групп, усиления валентности лексем. По своей форме лексика данных тематических групп остается диалектной (*воронок, сычевка*) или представляет собой названия исчезнувших или вышедших из употребления предметов (*мед княжий, мед кислый, мед бутылочный*).

Сегодня мы вспоминаем нашего учителя и выдающегося ученого XX в. Александра Николаевича Карпова, который не только воспитал целую плеяду талантливых последователей-русистов, но и оставил богатое научное наследие. Как написано в одном из инскриптов Александра Николаевича на «Пчеловодческом словаре»: «Мое авторское самолюбие будет вполне удовлетворено, если какая-то толика содержания этой книги даст Вам усладу и побудит Вас заняться пчеловодством с надеждой, что оно порадует Вас завидным долголетием». Пчеловодством, в силу трудности этого занятия, займется не каждый, но получить наслаждение при линг-

вистическом и культурологическом исследовании словаря, к счастью, может и студент филологического факультета, и его преподаватель.

Список источников и литературы

1. *Бородулина Е. А.* Символика баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд» // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы X Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2022. С. 43–45.
2. *Галеева А. М., Султанбаева Х. В.* «Мёд» как компонент паремиологической картине мира в турецком и в башкирском языках // Актуальные проблемы современной татарской филологии : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. С. Шарипов. Уфа, 2019. С. 200–202.
3. *Герасименко И. Е.* Специфика имплицитного содержания высказывания // Глобальный научный потенциал. 2021. № 12 (129). С. 243–245.
4. Глоссарий: словарь наиболее употребляемых пчеловодческих терминов // АйДаМёд: таёжный мёд Алтая : сайт. Боровск, 2000–2024. URL: <https://allhoney.ru/glossariy> (дата обращения: 20.10.2024).
5. *Гусейнова В. К. Г.* Паремиологические единицы с компонентами «хлеб-соль», «мёд», «масло» в русском и азербайджанском языках // Актуальные проблемы филологии : материалы Междунар. науч. конф. Пермь, 2012. С. 50–52.
6. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный : в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1: А–О. 1232 с.; Т. 2: П–Я. 1088 с.
7. *Журавель О. Д.* Символика мёда и пчёл в творчестве Андрея Денисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 12. С. 225–231.
8. *Захаров А. О.* Восприятие алкоголя в Древней Индии: теория и практика // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 5. С. 6–19.
9. *Заяц С. С.* Концепт «мед» в русской лингвокультуре : магистерская диссертация. Екатеринбург, 2014. 136 с.
10. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 447 с.
11. *Карнов А. Н.* Отонимная лексика в словаре русских пчеловодов // Русистика: проблемы, достижения, перспективы : сб. науч. ст. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2003. С. 5–8.
12. *Карнов А. Н.* Пчеловодческий словарь. М.: Рус. яз., 1997. 385 с.
13. *Кодинцева К. В.* Лингвокультурологический комментарий в белорусско-английском словаре пословиц // Благословенны первые шаги : сб. работ молодых исследователей. Магнитогорск, 2024. С. 152–157.
14. *Николаева Е. К.* Мёд в русской и польской фразеологии // West-East. 2019. Т. 2-2, № 1. С. 51–55.
15. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
16. *Пахоменкова О. М.* Ложка дёгтя в бочке мёда: от образа фразеологизма – к способам противостояния // Advances in Science and Technology : сб. ст. XLIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 139–141.
17. *Петрова Т. С.* Мифопоэтика пути в книге К. Д. Бальмонта «Сонеты солнца, мёда и луны» // Научный поиск. 2013. № 4.3. С. 14–19.
18. Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись Скульптура. Графика. Декор. искусство : в 2 т. / гл. ред. В. М. Полевой. М.: Сов. энцикл., 1986.
19. *Похлебкин В. В.* О кулинарии от А до Я : словарь-справочник. М.: Полымя, 1988. 224 с.
20. *Рамазанов Р. К.* Народная мудрость в русско-татарском диалоге культур // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 317–322.
21. Словарь [пчеловода] // Блог о пчеловодстве Дорошенко А. А. URL: <https://doroshenkoaa.ru/karmannyi-slovar-spravochnik/> (дата обращения: 20.10.2024).

22. Словарь пчеловода // Пчеловодство: оборудование и инвентарь : сайт. Оренбург, 2024. URL: <http://www.beetools.ru/slovar/a.php> (дата обращения: 20.10.2024).
23. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М. ; Л.: Наука, 1965– .
24. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 428 с.
25. Стрельцов В. Ф. Азбука пчеловодства / под ред. Л. Н. Волковского. СПб.: Полигон, 2002. 286 с.
26. Токарев Г. В. Предисловие // Русистика: проблемы, достижения, перспективы : сб. науч. ст. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2003. С. 3–4.
27. Толковый словарь русского языка : ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, 2003. 989 с.
28. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
29. Чжу М., Тельпов Р. Е. Представления о полезных и вредных напитках в русской и китайской лингвокультурах // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : сб. науч. ст. Воронеж, 2023. С. 155–160.
30. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М.: Дрофа, 2000. 398 с.

References

1. Borodulina, EA 2022 ‘Simvolika ballady R. L. Stivenzona «Vereskovyy myod»’ (Symbolism of the ballad ‘Heather Ale’ by R. L. Stevenson), *Molodezh XXI veka: obrazovaniye, nauka, innovatsii : materialy X Vseros. stud. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* (Youth of the 21st century: education, science, innovation. Proceedings of the 10th All-Russian student scientific and practical. conf. with international participation), Novosibirsk, pp. 43–45. (In Russ.)
2. Galeyeva, AM & Sultanbayeva, KhV 2019, ‘«Myod» kak komponent paremiologicheskoy kartiny mira v turetskom i v bashkirskom yazykakh’ (“Honey” as a component of the paremiological worldview in the Turkish and Bashkir languages), *Aktualnyye problemy sovremennoy tatarskoy filologii: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf.* (Current issues of Modern Tatar Philology: Proceedings of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference.), ed. M. S. Sharipov, Ufa, pp. 200–202. (In Russ.)
3. Gerasimenko, IE 2021, ‘Spetsifika implitsitnogo sodержaniya vyskazyvaniya’ (The specifics of the implicit content of the utterance), *Global scientific potential*, no. 12 (129), pp. 243–245. (In Russ.)
4. *Glossariy: Slovar naiboleye upotreblyаемых pchelovodcheskikh terminov* (Glossary: A dictionary of the most commonly used beekeeping terms), *AyDaMyod: tayozhnyy mod Altaya* (AyDaMyod: Altai taiga honey), viewed 20 October 2024, <http://allhoney.ru/glossariy>. (In Russ.)
5. Guseynova, VKG 2012, ‘Paremiologicheskiye yedinitsey s komponentami «hleb-sol», «myod», «maslo» v russkom i azerbaydzhanskom yazykakh’ (Paremiological units with the components ‘bread and salt’, ‘honey’, ‘butter’ in Russian and Azerbaijani languages), *Aktualnyye problemy filologii. Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* (Current issues of philology. Proceedings of the International scientific conf.), Perm, pp. 50–52. (In Russ.)
6. Yefremova, TF 2000, *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo- slovoobrazovatelnyy: v 2 t.* (New explanatory and word-formative dictionary of the Russian language. In 2 vols.), Rus. yaz., publ, Moscow. (In Russ.)
7. Zhuravel, OD 2012, ‘Simvolika myoda i pchyol v tvorchestve Andrey a Denisova’ (Symbolism of honey and bees in the works by Andrey Denisov), *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 11, no. 12, pp. 225–231. (In Russ.)
8. Zakharov, AO 2022, ‘Vospriyatiye alkogolya v Drevney Indii: teoriya i praktika’ (Perceptions of Alcoholic Drinks in Ancient India: Theory and Practice), *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity*, no. 5, pp. 6–19. (In Russ.)

9. Zayats, SS 2014, Kontsept «myod» v russkoy lingvokulture (Concept HONEY in the russian linguistic culture), Master's thesis, Yekaterinburg. (In Russ.)
10. Karamzin, NM 2012, *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* (History of the Russian State), OLMA Media Grupp publ, Moscow. (In Russ.)
11. Karpov, AN 2003, 'Otonimnaya leksika v slovare russkikh pchelovodov' (Otonym lexicon in the dictionary of Russian beekeepers), *Rusistika: problemy, dostizheniya, perspektivy: Sb. nauch. Statej* (Russian Studies: Problems, Achievements, Prospects: Collection of scientific articles), Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo publ, Tula, pp. 5–8. (In Russ.)
12. Karpov, AN 1997, *Pchelovodcheskiy slovar* (Beekeeping dictionary), Rus. yaz. publ, Moscow. (In Russ.)
13. Kodintseva, KV 2024, 'Lingvokulturologicheskiy kommentariy v belorussko-angliyskom slovare poslovits' (Linguocultural commentary in the Belarusian-English dictionary of proverbs), *Blagoslovenny pervyye shagi: sb. rabot molodykh issledovateley* (Blessed are the first steps. Collection of works by young researchers), Magnitogorsk, pp. 152–157. (In Russ.)
14. Nikolayeva, YeK 2019, 'Myod v russkoy i polskoy frazeologii' (Honey in Russian and Polish phraseology), *West-East*, vol. 2-2, no. 1, pp. 51–55. (In Russ.)
15. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu, 1997, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), Azbukovnik publ, Moscow. (In Russ.)
16. Pakhomenkova, OM 2022, 'Lozhka dyogtya v bochke myoda: Ot obraza frazeologizma – k sposobam protivostoyaniya' (A spoon of tar in a barrel of honey: from the image of phraseological unit - to ways of confrontation), *Advances in Science and Technology*, Coll. of Art. 43rd International Scientific and Practical Conf., Moscow, pp. 139–141. (In Russ.)
17. Petrova, TS 2013 'Mifopoetika puti v knige K. D. Balmonta «Sonety solntsa, myoda i lunny»' <https://elibrary.ru/item.asp?id=21182478> (The Mythopoetics of the Way in K. D. Balmont's 'Sonnets of Sun, Honey, & Moon'), *Nauchnyy poisk* (Scientific research), no. 4.3, pp. 14–19. (In Russ.)
18. Polevoy, VM (ed.) 1986, *Populyarnaya hudozhestvennaya entsiklopediya: Arkhitektura. Zhivopis. Skul'ptura. Grafika. Dekor. iskusstvo. V 2 t.* (Popular Art Encyclopedia. Architecture. Painting Sculpture. Graphics. Decorative art. In 2 vols.), Sov. entsikl. publ, Moscow, viewed 20 October 2024, http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/3622. (In Russ.)
19. Pokhlyobkin, VV 1988, *O kulinarii ot A do Ya. Slovar-spravochnik* (About cooking from A to Z. Dictionary-reference book), Polymya publ, Moscow, viewed 20 October 2024, <http://gufo.me/dict/culinary>. (In Russ.)
20. Ramazanov, RK 2011, 'Narodnaya mudrost v russko-tatarskom dialoge kultur' (Popular wisdom in the Russian-Tatar dialogue of cultures), *Scientific notes of Orel state university*, no. 1 (39), pp. 317–322. (In Russ.)
21. Doroshenko, AA, 'Slovar pchelovoda' (Beekeeper's Dictionary), *Blog o pchelovodstve* (Blog about beekeeping), viewed 20 October 2024, <http://doroshenkoaa.ru/karmannyi-slovar-spravochnik/>. (In Russ.)
22. Slovar pchelovoda (Beekeeper's Dictionary), *Pchelovodstvo: oborudovaniye i inventar* (Beekeeping: equipment and inventory), viewed 20 October 2024, <http://www.beetools.ru/slovar/a.php>. (In Russ.)
23. *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian Folk Dialects) 1965, *Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka, Slovarnyy sektor* (USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Dictionary Sector), Nauka publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
24. 'Blyuda i produkty pitaniya' (Dishes and food products) 2015, *Slovar russkoy pishchevoy metafory* (Dictionary of Russian food metaphor). vol. 1, e-book, Izd-vo Tomckogo un-ta publ, Tomsk, viewed 20 October 2024, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000508030/SOURCE1?view=true>. (In Russ.)
25. Streltsov, VF 2002, *Azbuka pchelovodstva* (ABC of Beekeeping), ed. L. N. Volkovskiy, Polygon publ, St. Petersburg. (In Russ.)
26. Tokarev, GV 2003, 'Predisloviye' (Preface), *Rusistika: problemy, dostizheniya, perspektivy: Sb. nauch. Statej* (Russian Studies: Problems, Achievements, Prospects: Collection of scientific articles), Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo publ, Tula, pp. 3–4. (In Russ.)

27. Dmitriyev, DV (ed.) 2003, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: ok. 2000 slovar. st., svyshe 12000 znacheniy* (Explanatory Dictionary of the Russian Language: Approx. 2000 dictionary entries, over 12000 meanings), Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
28. Ushakov, DN 2014, *Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language), Adelant publ, Moscow, viewed 20 October 2024, <https://gufo.me/dict/ushakov>. (In Russ.)
29. Zhu, M & Telpov, RYe 2023, 'Predstavleniya o poleznykh i vrednykh napitkakh v russkoy i kitayskoy lingvokulturakh' (Ideas about healthy and unhealthy drinks in Russian and Chinese linguistic cultures), *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy. Sb. nauch. st.* (Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Collection of scientific articles.), Voronezh, pp. 155–160. (In Russ.)
30. Shanskiy, NM 2000, *Shkolnyy etimologicheskiy slovar russkogo yazyka: Proiskhozhdeniye slov* (School Etymological Dictionary of the Russian Language: Origin of Words), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.11.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 02.11.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 811.161.1'367

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

О РАЗВИТИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДЕЙ А. Н. КАРПОВА В XXI ВЕКЕ

*Лариса Дмитриевна
Беднарская*

Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева
Орел, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. В статье анализируются научные достижения доктора филологических наук профессора А. Н. Карпова в области исследования «поликомпонентных единств» – структур, состоящих из нескольких предложений, объединённых одной темой и синтаксической связностью. Исследования А. Н. Карпова внесли большой вклад в изучение лингвистики текста, его идеи получили продолжение в современных работах о сложном синтаксическом целом (ССЦ) – высшей единице синтаксиса, о его формах и функциях смысловой части целого текста. В современной лингвистике ССЦ анализируется как переходная структура между сложным многокомпонентным предложением и текстом, между предложением и отсоединившейся в целях актуализации присоединительной частью (присоединение, парцелляция). Своё продолжение получает и плодотворная разработка А. Н. Карповым структуры периода, исследование которого оказалось чрезвычайно актуальным в русле изучения структурно-семантического и филологического анализа художественного текста. Оказалось, что тип ССЦ связан с его содержанием, именно в его границах формируются описание, повествование, иногда рассуждение.

Варианты сочетания структур-типов в ССЦ определяют идиостиль писателя. Ключевые слова распределяются в структуре текста по смысловым частям, тематически связывая их. Осознание цельности смысловой части связано с выделением в ней ключевых слов, тематически «сшивающих» её. В первом предложении смысловой части содержатся слова с обобщённым значением, которое раскрывается в последующих предложениях при помощи местоимений, однокоренных слов, синонимов, антонимов и т. д. Стало возможным различить нарратив и собственно повествование внутри сюжета. Нарратив абстрактнее, объёмнее, шире: это текст, передающий информацию о реальных или вымышленных событиях, происходящих во временной последовательности, и языковые средства, его организующие, шире просто повествования. Например, нарратив пушкинской прозы плотный, он максимально информативен: за каждым предложением такого нарратива ощущается объёмный культурно-исторический и сюжетный контекст, апперцепционный фон, это движение самой жизни. В заключении перечисляются признаки сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: «поликомпонентные единства» как прообраз сложного синтаксического целого, переходные структуры, формирование типов текста и авторского идиостиля.

Для цитирования: Беднарская Л. Д. О развитии синтаксических идей А. Н. Карпова в XXI веке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 139–149. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

Сведения об авторе: Л. Д. Беднарская – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 300026, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, 41.

© Беднарская Л. Д., 2024

Scientific Article
UDC 811.161.1'367
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

ON THE DEVELOPMENT OF A. N. KARPOV'S SYNTACTIC IDEAS IN THE XXI CENTURY

Larisa D. Bednarskaya

Oryol State University named after I. S. Turgenev
Orel, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. The article analyzes the scientific achievements of Professor A. N. Karpov, Doctor of Philology, in the field of research of "multicomponent unities" – structures consisting of several sentences united by one theme and syntactic coherence. A. N. Karpov's works have made a great contribution to the study of the linguistics of the text, his ideas have been continued in modern works on the complex syntactic whole (CCC) – the highest unit of syntax, on its forms and functions of the semantic part of the whole text. In modern linguistics, the CCC is analyzed as a transitional structure between a complex multicomponent sentence and a text, between a sentence and an attached part that has been disconnected for the purpose of actualization (attachment, parcellation). A. N. Karpov's fruitful development of the structure of the period also continues, the study of which turned out to be extremely relevant in the context of studying the structural, semantic and philological analysis of literary text. It turned out that the type of CCC is also related to its content, it is within its boundaries that a description, narrative, and sometimes reasoning are formed. The variants of the combination of structures-types in the CCC determine the idiosyncrasy of the writer. Keywords are distributed in the structure of the text by semantic parts, thematically linking them. Awareness of the integrity of the semantic part is associated with the allocation of keywords in it, thematically "stitching" it. The first sentence of the semantic part contains words with a generalized meaning, which is revealed in subsequent sentences using pronouns, single-root words, synonyms, antonyms, etc. It became possible to distinguish the narrative and the actual narrative within the plot. The narrative is more abstract, voluminous, broader: This is a text that conveys information about real or fictional events taking place in a time sequence, and the linguistic means that organize it are broader than just narratives. For example, the narrative of Pushkin's prose is dense, it is as informative as possible: behind each sentence of such a narrative there is a voluminous cultural, historical and plot context, an apperceptive background, this movement of life itself. In conclusion, the signs of a complex syntactic whole are listed.

Keywords: "multicomponent unities" as a prototype of a complex syntactic whole, transitional structures, formation of text types and author's idiosyncrasy.

For citation: Bednarskaya, LD 2024, 'On the Development of A. N. Karpov's Syntactic Ideas in the XXI Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 139–149, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149> (in Russ.)

Information about the Author: *Larisa D. Bednarskaya* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department, Oryol State University named after I. S. Turgenev, 41, Komso-molskaya Str., Orel, 302015, Russia.

© Bednarskaya L. D., 2024

Введение

Александр Николаевич Карпов одним из первых поддержал новое лингвистическое направление, изучавшее синтаксические единицы, приближающиеся к тексту. Его докторская диссертация «Поликомпонентные единства с идентичными элементами в русской монологической речи» (1983) и ряд публикаций продолжали линию исследования тех структур, которые назывались по-разному: сложными синтаксическими целыми, сложными синтаксическими единствами, сверхфразовыми единствами, синтаксическими целыми, единицами более сложного порядка, синтаксико-семантическими единствами и др. Разрабатывавшие эту проблему лингвисты справедливо считали, что именно текст и его смысловые части в форме сложных синтаксических целых дают возможность наиболее адекватно исследовать законы построения языка / речи, увидеть системные связи между компонентами текста – единицами низших ярусов системы языка. Именно эти единицы изучались и изучаются в системе языка, но живёт язык – в речи и тексте. Именно текст предоставляет возможности для выбора синонимичных и антонимичных структур – лексических, морфологических, синтаксических, и только в тексте на пересечении многообразных системных отношений и выражающих их связей рождаются новые смыслы.

Методология и методы исследования

А. Н. Карпов следовал принципам **структурно-семантического направления**, которое представляет очередной этап развития классического русского языкознания – основы для синтеза различных направлений исследования языка [2, с. 63].

В своём исследовании А. Н. Карпов основывался на четырех направлениях в изучении «поликомпонентных единств». С середины 30-х годов первое грамматическое направление представлено прежде всего работами И. А. Фигуровского [16; 17]. В «Укрупненных синтаксических единицах» рассматриваются синтаксические связи между составляющими их предложениями, делается вывод о том, что в основном эти связи сходны со структурами внутри сложных предложений, между самостоятельными предложениями, а также между смысловыми частями текста.

Второе направление, стилистическое, с конца 40-х годов развивается В. В. Виноградовым [7, с. 141 и сл.], Н. С. Поспеловым [14; 15], Е. И. Дибровой [8, с. 14 и сл.] и др. Считается, что синтаксической единицей связной монологической речи оказывается обычно не предложение, а группа предложений, образующих высказывание, в котором «синтаксическая перспектива» создается особыми средствами выражения сказуемости. Здесь речь идёт о соотношении видо-временных форм сказуемых в компонентах сложного единства, они «рисуют одну картину, обладают замкнутой синтаксической структурой – это сложные синтаксические целые (ССЦ). Именно они, а не отдельные предложения являются действительной синтаксической единицей связной речи и, будучи извлеченными из контекста, сохраняют свою синтаксическую самостоятельность. Если первое грамматическое направление представляет горизонтальный, линейный аспект текста, то второе уже перекидывает мостик к вертикальному – смысловому – более глубинному его “срезу”» [11, с. 64].

Третье структурно-семантическое направление, представленное с конца 50-х годов преимущественно в работах Л. М. Лосевой, Г. Я. Солганика [15], концентрирует внимание на структурной и смысловой целостности текстовой единицы (ССЦ, прозаической строфы). ССЦ интерпретируется как текст с его структурными признаками: выделяют зачин, основную фразу, комментирующую часть, или концовку. Само же ССЦ определяется как сочетание самостоятельно оформленных в тексте предложений, выражающее относительно полное содержание определенной микротемы, в своём текстовом воплощении нередко приближенной к «маленькому рассказику» .

Четвертое направление, хотя и называет себя семантическим, большее внимание обращает на синтаксическую связность, но выясняет, что семантическая связность текста, наряду с другими видами связности, является первоосновой его целостности. Идеи этого направления представлены в работах Н. Д. Арутюновой [1], С. И. Гиндина и др.

Результаты исследования

А. Н. Карпов совмещает эти направления на новом уровне, добавляя к изучению структуры и семантики поликомпонентных единств функционально-стилистический аспект. Он впервые системно анализирует три структурно-семантических типа поликомпонентных единств: анафорические, катехизические единства и гипотаксические периоды «как наиболее определившиеся в социально-коммуникативном, композиционном и эстетико-стилистическом отношениях» [10]. В их исследовании объединяются структурный, семантический и коммуникативный аспекты: прослеживаются пути развития данных структур, релевантность составляющих их компонентов, делаются попытки дифференцировать общестилевые и идиостилистические черты поликомпонентных единств, определить их основные типы и виды, наиболее характерные для определённых стилей, а также типы единств по однородности их функций. А. Н. Карпов показывает, какие экстралингвистические факторы влияют на функциональное сближение некоторых видов единств. Особенно интересно и перспективно исследование гипотаксических единств – периодов, определения которых до сих пор нет ни в лингвистических, ни в школьных словарях, тогда как в практике вузовского и школьного образования периоды активно изучаются в курсах филологического анализа текста [6; 9; 10].

Обсуждение результатов

Идеи А. Н. Карпова, объединяющие анализ языка и речи, нашли своё продолжение на новом этапе развития лингвистики текста. Во-первых, текст рассматривается как **единица языка и речи**. Как единица языка он представлен сложным синтаксическим целым, как единица речи – цельным произведением, результатом речевой деятельности. Текст не входит в иерархию синтаксических единиц, он представляет филологическое понятие. В школе на уроках русского языка, а также в вузе изучается ССЦ в форме иллюстративного материала, включающего языковое явление, функционирующее в его естественной среде. На уроках и занятиях по литературе текст изучается как речевое произведение – по другим законам [6].

Во-вторых, ССЦ – иерархически высшая единица системы языка, она является максимально переходной структурой между многокомпонентным сложным предложением, имеющим языковую семантику и структуру, и текстом [6]. С другой стороны, ССЦ несёт структурно-смысловую смысловую «порцию» текста и в то же время может быть оформлено как целый текст. Сложное синтаксическое целое включает все компоненты языковой системы и распространяется на них. ССЦ состоит из простых и сложных предложений всех типов и видов, которые в свою очередь строятся из словоформ разных частей речи. Как показали мои исследования, и семантика, и структура ССЦ имеют переходный характер. Семантика – это уже не просто синтаксическое значение даже в сильно усложнённом многокомпонентном сложном предложении – она значительно сложнее [5]. В составе ССЦ она имеет текстовый характер, заявляя и раскрывая микротему, часть общей темы текста. В ССЦ сохраняются линейные связи, в целом тексте связность когезийная, импульсная [6, с. 166–184].

В-третьих, именно в структуре ССЦ в роли смысловой части текста формируются типы речи: описание, повествование, иногда рассуждение, а также идиостиль автора [6, с. 136–149]. Художественный текст как результат творчества, воссоздающего субъективную картину мира, объединяет языковую систему, речевую деятельность и речь, но строится он по законам языковой системы, так как текст состоит из

фрагментов – сложных синтаксических целых (смысловых частей), в какой-то мере раскрывающих микротемы, которые вписываются в общую тему произведения, несут смысловую нагрузку, организуя скрытые смыслы текста. Текст как речевой результат – творчество, а не модель, хотя он творится по законам сочетающихся моделей, но смыслы его распространяются «за» семантику языковых моделей.

ССЦ существует «на переходах»

Особенно ярко это проявляется в процессе филологического анализа микротекста, содержащего одну микротему, имеющего форму сложного синтаксического целого. Жанр лирических миниатюр демонстрирует, как в едином лирическом выплеске-впечатлении выражен сгусток эмоций-ассоциаций, возвращающих лирического героя в далёкое детство. Даже блок уточняющих обстоятельств времени отдельно не интонируется.

Встреча с детством

Утро пасмурное, а вечером солнце, весна ослепительная. И есть переулочки в Замоскворечье, где сохранилась тишина и в какую-то минуту перед самым вечером в сумраке можно встретить себя самого в детском виде и наслаждающимся счастьем детства под чудесный говорок засыпающих галок. (М. Пришвин)

Такой же выплеск-впечатление возможен в форме усложнённого сложного предложения с разными типами связи, оно легко может быть представлено как ССЦ:

Встреча

Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидеть младшую свою сестру землянику, и та поспешила, обе встретились: весенняя сестрица, бледно-голубая фиалка о пяти лепестках, и земляника о пяти лепестках белых, скреплённых в середине одной жёлтой пуговкой. (М. Пришвин)

Глубокая философская мысль может быть облечена в форму МСП, синонимичную сложному синтаксическому целому [5]:

Сказочная красавица

Всё вдвойне: человек и зверь, день и ночь, любовь и ненависть, растение и животное, лес и поле, рука и нога, и так всё, но солнце не имеет своего антипода, и на что уж ночные светила, кажется, годятся к этому, но как подумаешь – тоже нет: солнце, месяц и звёзды сходятся вместе, украшая ночную красавицу. (М. Пришвин)

Переходность между предложением и тестом формирует яркие средства актуализации – **автономное присоединение и парцелляцию**. В XX в., особенно во второй его половине, в качестве мощного экспрессивного средства оформилось актуализированное присоединение: компонент отделяется от базовой части высказывания точкой, в результате предложение превращается в ССЦ. Этот приём экспрессивной актуализации главного информативно-чувственного компонента широко использовала уже М. Цветаева:

Той, где на монетах

Молодость моя,

Той России нету.

Как и той меня.

От базовой части может отрываться придаточное предложение:

Остаются только тучи – но их разгоняет ветер.

Ибо у смерти всегда свидетель он же и жертва.

(И. Бродский)

Или члены предложения:

Моя девочка в автомате

Мёрзнет. В тубельках почему-то.

(А. Вознесенский)

Тонкие вариативные переходы между предложением и ССЦ, ССЦ и текстом наблюдаем в лирических стихотворениях. Скандирование – собственно парцеллирование – встречается редко, выполняя ритмо-мелодическую, актуализирующую и смысловую функции:

*Ягоды двоились, наплывали,
в зелень зарывались от жары.
Медленно качали головами
солнечные сочные шары.
Справа.
Слева.
Всюду!
Повсеместно!
Дальше убегали –
под кусты...*

(Р. Рождественский)

В отличие от трёх основных типов связи – сочинения, подчинения, бессоюзия, – имеющих объективированный характер, выражающих семантику результата мыслительного процесса, присоединение имеет субъективный характер – отражает точку зрения говорящего и может оформляться как любым типом связи, так и своей собственной номенклатурой связей. Таким образом, присоединение синтаксически оформляет безграничный спектр субъективных авторских интенций, интеллектуальных и экспрессивных, служащих основой для актуализации чего угодно. Присоединение помогает выразить смыслы «за строкой» по принципу дополнительности, акцентировать самое важное для автора, присоединение организует подтекст, ассоциативные смыслы произведения.

Особенно ярко переходность проявляется в периодах, которые могут представлять собой и МСП, и ССЦ. А. Н. Карпов исследует их на материале прозы Л. Толстого [9]. Подобные структуры нередки в романе «Евгений Онегин» (гл. 2, XVIII):

*Когда прибежем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольство иль порывы
И запоздалые отзывы, –
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чуждых язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.*

Чаще период составляет часть стихотворения. Период, открывающий стихотворение, занимая сильную позицию, определяет и экспрессивно актуализирует имплицитные смыслы:

*Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрее минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;*

**Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь, –
От сладких слёз, что наготове,
По крайней мере, удержишься.**

*Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалеи.
Не штука быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей.*

(А. Твардовский)

Препозитивное придаточное обычно совпадает с темой всего высказывания, которой оппозиционная рема, представляющая блок главного предложения с постпозитивными придаточными. Поглощающая сила любого детерминанта и объясняется тема-рематической актуализацией высказывания, когда целеустановка речевой реализации определяет синтаксическую структуру языковой модели. Контаминированное подчинение в МСП доступно далеко не каждому художнику слова, особенно лирику, но владеющему этим секретом открываются новые горизонты в постижении и выражении собственного Я. Типы текста (речи) структурируют сочетания определённых составов предложений и их логико-синтаксические типы [4, с. 154].

А. Н. Карпов верно писал, что варианты сочетаний структур-типов в ССЦ определяют идиостиль писателя. Стало возможным различить структуру нарратива и собственно повествования [6, с. 196–207]. Нарратив пушкинской прозы плотный, он максимально информативен. Это именно нарратив, который выходит за рамки просто повествования, оформленного элементарными языковыми средствами – он абстрактнее, объёмнее, шире: это текст, передающий информацию о реальных или вымышленных событиях, происходящих на значительном временном отрезке, и языковые средства, его организующие, шире просто повествования. За каждым предложением такого нарратива ощущается объёмный культурно-исторический и сюжетный контекст, апперцепционный фон, это движение самой жизни. Проанализируем, например, начальное ССЦ в рассказе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого»:

*В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его **крестник, арап Ибрагим**. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненый, возвратился в Париж. Император среди обширных своих трудов не представлял осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предложениями, то ранюю, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.*

Данную структуру трудно назвать повествованием, так как она содержит значительный временной этап, в течение которого происходили описанные события. За каждым из них скрывается апперцепционная база знаний об эпохе, героях, о прошлом, настоящем и будущем их судеб. Информация о них свёрнута до максимума и может быть развёрнута в целый роман: история арапа Ибрагима, почему он стал крестником Петра, его жизнь в России, почему он оказался в Европе, его учёба и продвижения в Испанской войне, почему он не хотел возвращаться в Россию, его отношения с Петром и т.д. Такая структура – прекрасная иллюстрация к словам самого автора:

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ничему не служат» («О прозе»).

Инвариантная для повествования релевантность соотношений форм совершенного / несовершенного видов сглажена – это не столько последовательность событий, сколько широкая темпорально-пространственная картина – вхождение в хронотоп произведения. Включения других типов редки и минимальны: буквально несколько слов. Нарратив соответствует повествованию, которое разбавляется краткими описаниями. Рассуждений мало, и они занимают минимальный объём ССЦ, поэтому незначительна частотность конструкций гипотетической обусловленности (условных, уступительных СПП). Такие нарративные ССЦ характерны для рамок и всего текста, и отдельных глав. Внутри сюжета находятся ССЦ, формирующие собственно повествование или описание:

На другой день Петр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном. Придворные окружили Ибрагима, всякий по-своему старался обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин позвал обедать. Сему последнему примеру последовали и прочие, так что Ибрагим получил приглашений по крайней мере на целый месяц.

Определяющую роль в данном повествовании выполняют соотношения форм совершенного вида, этому не мешает даже параллельная структура ССЦ. Совершенно другой тип соотношения ССЦ и текста находим, например, у Ф. М. Достоевского в последнем романе «Бесы».

Заключение

Идеи А. Н. Карпова открывают широкие перспективы современных исследований языка, литературы, филологии, методики их преподавания в школе и вузе. Лингвометодическое, «школьное» определение текста до сих пор, по сути, является определением сложного синтаксического целого: «Текст – сочетание предложений, связанных между собой по смыслу и грамматически» [3, с. 34]. Нередко сложное синтаксическое целое и текст не различаются, а обозначающие их слова употребляются как синонимы. Это касается не только школьных, но и вузовских учебников: например, Н. А. Николина использует термины *сложное синтаксическое целое* и *текст* как взаимозаменяемые, – скорее, даже не как синонимы, а слова с одним денотатом [12, с. 649].

Сложное синтаксическое целое занимает промежуточное положение, являясь высшим звеном в иерархии синтаксических единиц, между единицей языка и текстом как филологическим явлением, это высшая в системе синтаксиса единица. «Нежесткая», но достаточно определённая структура каждого функционального типа ССЦ предоставляет огромные возможности для выражения максимально разнообразного тематического содержания, организуя его в структурно-смысловые блоки. «Семантическое» в ССЦ размыто, оно превращается в текстовое «тематическое», однако формальные ограничения, определяющие структуру типа, есть.

В последние годы внимание к ССЦ активизировалось в лингвометодическом аспекте – в связи с разработкой и внедрением в практику школьного преподавания системно-деятельностных технологий развития речи. В моём учебно-методическом пособии «Учимся писать сочинение» (М.: ФЛИНТА – Наука), выдержавшем восемь изданий, подробно раскрываются эти насущные проблемы. Оказалось, что моделировать и написать сочинение можно только при условии осознания цельности и связности смысловых частей текста-образца. Моделирование смысловых частей сочинения и их соположения лежит в основе композиции будущего произведения ученика. Центральными понятиями любой работы с текстом являются **смысловая**

часть текста и ключевые слова в смысловой части, они взаимосвязаны. Содержание смысловой части опирается на ключевые слова. Ключевые слова распределяются в структуре текста по смысловым частям, тематически связывая их. Осознание цельности смысловой части связано с выделением в ней ключевых слов, тематически «сшивающих» её. В первом предложении смысловой части содержатся слова с обобщённым значением, которое раскрывается в последующих предложениях при помощи местоимений, однокоренных слов, синонимов, антонимов и т. д. Конкретизация такого слова-гиперонима является содержательным ядром смысловой части. Особенно важно автоматизировать навык выделения ключевых слов в смысловых частях научного текста, это основа его информационной переработки и создания на её основе устного и письменного воспроизведения – от пересказа, конспекта до научной статьи.

Оказалось, что многие текстоведческие понятия / термины чётко не определены. До сих пор и в научной, и в учебной литературе не различаются понятия/термины *тип* и *структура текста*, *смысловая часть текста* (сложное синтаксическое целое) и *абзац*.

Различие между сложным синтаксическим целым и текстом явственно обнаруживается при сравнении планов и содержаний их анализа. При синтаксическом (собственно лингвистическом) анализе сложного синтаксического целого в центре внимания – его синтаксическая структура, синтаксические связи и отношения, синтаксическая (языковая) семантика.

При филологическом анализе цельного текста как речевого произведения предмет наблюдения – авторская позиция, тематическое и идейное единство текста, способы их выражения, информативная семантика, система образов, стилевые и стилистические особенности, интертекстуальные связи, имплицитные, вербально не выраженные смыслы, место в методологическом направлении, в русле которого создано произведение, и т. д.

Сложное синтаксическое целое и текст различаются характером семантики и структуры. В сложном синтаксическом целом определяются языковая (синтаксическая) семантика, синтаксическая структура (количество предложений, их типовые и видовые разновидности, языковые средства связи и др.), в тексте – информативная семантика с актуализацией речевого компонента. В сложном синтаксическом целом выявляются синтаксические связи и отношения, а при анализе текста обращается внимание на тему и идею текста, его типы, формируемые грамматическими средствами, языковая структура превращается в художественную – сюжетную и композиционную.

Текст базируется на структуре сложного синтаксического целого. Сложное синтаксическое целое – это зерно синтаксической формы текста, один из его признаков, который не всегда принимается во внимание при филологическом анализе текста.

В условиях внедрения системно-деятельностных технологий в школе и вузе анализ текста осмысливается как интегративный синтез современных методов и приёмов. Анализ текста преследует разные цели, представлен в разном объёме, имеет разные объекты, несмотря на то что они называются одним словом – *текст*. Системный филологический подход к изучению языка и произведения, созданного посредством языка, позволяет различить разные виды такого анализа: **предварительный, информативный, комплексный, лингвистический, стилистический, литературоведческий, филологический**. Они взаимно дополняют друг друга.

В заключение перечислим **признаки сложного синтаксического целого**:
– состоит из нескольких простых и сложных предложений,

- единство темы,
- рамочная структура,
- способы раскрытия гиперонима определяют горизонтальную структуру (тип) ССЦ;
- цепная или параллельная **линейная** текстовая структура;
- языковые средства развития микротемы (гипероним определяет микротему, синонимичные ему языковые средства – ключевые слова – развивают её);
- языковые средства связности (дейксисы, сочинительные союзы, вводные компоненты, типовые наречия места и времени, видо-временные соотношения форм глаголов-сказуемых и т. д.); подчинительные союзы чаще используются в МСП;
- отсутствие ведущей связи при сочетании связей разных типов;
- «размытость» общей семантики по сравнению с соотносительным МСП;
- ослабление синтаксического синкретизма;
- отсутствие тема-рематического членения;
- отсутствие единой интонационной оформленности.

Список источников и литературы

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. *Бабайцева В. В.* Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе // Избранное, 2005-2010 : сб. ст. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 76–96.
3. *Бабайцева В. В.* Русский язык: 10-11 класс : учебник : углубленный уровень. М.: Дрофа, 2013. 447 с. (Русский язык и литература).
4. *Бабайцева В. В.* Синтаксис русского языка : монография. М.: Флинта : Наука, 2015. 576 с.
5. *Беднарская Л. Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентного сложного предложения : монография. М.: Флинта : Наука, 2014. 130 с.
6. *Беднарская Л. Д.* Сложное синтаксическое целое и текст : монография. М.: Флинта : Наука, 2019. 327 с.
7. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
8. *Диброва Е. И.* Избранные работы : в 2 т. М.: ТВТ Дивизион, 2008. Т. 1: Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл. 430 с.
9. *Карнов А. Н.* Стилистические функции периодов в произведениях Льва Толстого (из книги «Стилистический синтаксис Л. Толстого») // Русистика: проблемы, достижения, перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. Г. В. Токарев. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2003. С. 65–73.
10. *Карнов А. Н.* Поликомпонентные единства русской эмфатической речи : учеб. пособие. Тула: Тул. пед. ин-т, 1981. 81 с.
11. *Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1968. 250 с.
12. *Николина Н. А.* Сложное синтаксическое целое // Современный русский язык Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. вузов : в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. М.: АCADEMIA, 2001. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. С. 560–586.
13. *Поспелов Н. С.* Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Ученые записки МГУ. 1948. Вып. 137: Труды кафедры русского языка. Кн. 2. С. 36–48.
14. *Поспелов Н. С.* О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1950. С. 321–327.
15. *Солганик Г. Я.* К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 70–79.
16. *Фигуровский И. А.* От синтаксиса отдельного предложения – к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. 1948. № 3. С. 21–31.

17. *Фигуровский И. А.* Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

References

1. Arutyunova, ND 1976, *Predlozheniye i yego smysl: logiko-semanticheskiye problem* (The sentence and its meaning), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Babaytseva, VV 2010, 'Razvitiye idey traditsionnogo yazykoznanija v strukturno-semanticheskom sintaksise' (Development of ideas of traditional linguistics in structural and semantic syntax), *Izbrannoye, 2005-2010* (Selected, 2005-2010), Izd-vo SGU publ, Moscow, Stavropol, pp. 76-96. (In Russ.)
3. Babaytseva, VV 2013, *Russkiy yazyk: 10-11 klass* (Russian language. Grades 10-11), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
4. Babaytseva, VV 2015, *Sintaksis russkogo yazyka* (Syntax of the Russian language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bednarskaya, LD 2014, *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnogo slozhnog o predlozheniya* (Patterns of grammatical division of a multicomponent complex sentence), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Bednarskaya, LD 2019, *Slozhnoye sintaksicheskoye tseloye i tekst* (Complex syntactic whole and text), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Vinogradov, VV 1963, *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
8. Dibrova, YeI 2008, 'Khudozhestvennyy tekst: Struktura. Soderzhaniye. Smysl' (Literary text. Structure. Content. Meaning), *Izbrannyye raboty: v 2 t.* (Selected works. In 2 vols.), vol. 1, TVT Divizion publ, Moscow. (In Russ.)
9. Karpov, AN 2003, 'Stilisticheskiye funktsii periodov v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (iz knigi «Stilisticheskiy sintaksis» L. Tolstogo)' (Stylistic functions of periods in the works of Leo Tolstoy (from the book 'Stylistic syntax' by L. Tolstoy), *Rusistika: problemy, dostizheniya, perspektivy* (Russian studies: problems, achievements, prospects), ed. G. V. Tokarev, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, Tula, pp. 65-74. (In Russ.)
10. Karpov, AN 1981, *Polikomponentnyye yedinstva russkoy emfaticheskoy rechi* (Multicomponent unities of Russian emphatic speech), Tul. ped. in-t publ, Tula. (In Russ.)
11. Kozhina, MN 1968, *K osnovaniyam funktsionalnoy stilistiki* (On the foundations of functional stylistics), Izd-vo Permskogo un-ta publ, Perm. (In Russ.)
12. Nikolina, NA 2001, 'Slozhnoye sintaksicheskoye tseloye' (A complex syntactic whole), *Sovremennyy russkiy yazyk Teoriya. Analiz yazykovykh yedinit* (Modern Russian language. Theory. Analysis of linguistic units), ed. Ye. I. Dibrova, part 2, ACADEMIA publ, Moscow, pp. 560-586. (In Russ.)
13. Pospelov, NS 1948, 'Problema slozhnogo sintaksicheskogo tselogo v sovremennom russkom yazyke' (The problem of a complex syntactic whole in modern Russian), *Memoirs of the Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University*, no. 137, pp. 36-48. (In Russ.)
14. Pospelov, NS 1950, 'O grammaticheskoy prirode slozhnogo predlozheniya' (On the grammatical nature of a complex sentence), *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* (Issues of syntax of the modern Russian language), Izd-vo MGU publ, Moscow, pp. 321-327. (In Russ.)
15. Solganik, GYa 1981, 'K probleme tipologii rechi' (On the problem of typology of speech), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 70-79. (In Russ.)
16. Figurovskiy, IA 1948, 'Ot sintaksisa otdel'nogo predlozheniya – k sintaksisu tselogo teksta' (From the syntax of a single sentence to the syntax of the whole text), *Russian language at school*, no. 3, pp. 21-31. (In Russ.)
17. Figurovskiy, IA 1961, *Sintaksis tselogo teksta i uchenicheskiye pismennyye raboty* (Syntax of the whole text and student written works), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 09.09.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-150-162>

СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДИОСТИЛЯ МИХАИЛА ЧЕХОВА

*Дмитрий Анатольевич
Романов*

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. В идиостиле Михаила Чехова синтаксические явления играют заметную роль. Отдельные из них представляют собой самостоятельные стилевые доминанты, другие образуют микрокомпозиции, периодически повторяющиеся в тексте и определенным образом его организующие.

Различного типа однородные компоненты служат автору преимущественно для информационного расширения нарратива, а также для усиления его экспрессивности. Градационные ряды способствуют подчеркиванию логики авторских рассуждений. В сфере словосочетания у М. А. Чехова наиболее заметна тенденция к нестандартности, необычности компонентного состава на фоне узуальных единиц подобного типа. Неличное отнесение прямой речи и особое структурирование диалога и полилога помогает беллетристу передать атмосферу того сложного времени, которое он воплощает в своей книге «Жизнь и встречи». Предложения с двукратной полупредикацией дают наиболее полный разворот теоретической мысли М. Чехова как автора оригинальной системы подготовки актера и позволяют осмыслить опыт коллег – создателей театральных школ.

Композиция текста М. Чехова отличается дробностью, которая обусловлена, с одной стороны, мемуарным жанром, с другой – характером авторского осмысления действительности. Локальные фрагменты-рассуждения и относительно целостные, завершенные микроповествования органически вводятся автором в «большую» текстовую композицию.

Идиостиль М. А. Чехова отличается обширным составом полипредикативных синтаксических конструкций, среди которых ведущую (в количественном отношении) роль играют бессоюзные сложные предложения с различными типами отношений между частями и, как правило, неоднократным осложнением каждой из них. Добавочные замечания (скобочные конструкции) делают повествование более насыщенным, потому что наряду с наполнением событийного нарратива показывают еще и авторское отношение к происходящему, имея форму эмоциональных или ментальных ремарок.

Ключевые слова: беллетристика, идиостиль, синтаксис, композиция, однородные члены, полупредикативные конструкции, противопоставления, бессоюзные сложные предложения.

Для цитирования: Романов Д. А. Синтаксический аспект идиостиля Михаила Чехова // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 150–162. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-150-162>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-150-162>

SYNTACTIC ASPECT OF MIKHAIL CHEKHOV'S IDIOSTYLE

Dmitry A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. In Mikhail Chekhov's idiosyle, syntactic phenomena play a prominent role. Some of them are independent stylistic dominants, others form micro-compositions that are periodically repeated in the text and organize it in a certain way.

Various types of homogeneous components serve the author primarily to expand the narrative informationally, as well as to enhance its expressiveness. Graduation series help to emphasize the logic of the author's reasoning. In the field of word combination, M. A. Chekhov, the most noticeable tendency is towards non-standard, unusual component composition against the background of conventional units of a similar type. The impersonal attribution of direct speech and the special structuring of dialogue and polylogue helps the fiction writer convey the atmosphere of that difficult time that he embodies in his book «Life and Encounters». Sentences with double semi-predication provide the most complete development of the theoretical thought of M. Chekhov as the author of the original system of actor training and allow us to comprehend the experience of colleagues – the founders of theater schools.

The composition of M. Chekhov's text is distinguished by its fragmentation, which is determined, on the one hand, by the memoir genre, and on the other, by the nature of the author's understanding of reality. Local fragments of reasoning and relatively holistic, complete micronarratives are organically introduced by the author into the «large» text composition.

Chekhov's idiosyle is characterized by an extensive composition of polypredicative syntactic constructions, among which the leading (in terms of quantity) role is played by non-conjunctive compound sentences with various types of relations between the clauses and, as a rule, repeated compounding of each of them, e.g., supplementary comments and syntactic constructions marked by parentheses. Supplementary comments, also known as parenthetical constructions, serve to augment the narrative's intensity. These supplementary elements not only enrich the event narrative but also reveal the author's perspective on the unfolding events, manifested through emotional or reflective remarks.

Keywords: fiction, idiosyle, syntax, composition, homogeneous members, semi-predicative constructions, oppositions, non-conjunctive complex sentences.

For citation: Romanov, DA 2024, 'Syntactic Aspect of Mikhail Chekhov's Idiosyle', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 150–162, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-150-162> (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitry A. Romanov* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenina Prospect, Tula, 300026, Russia.

Посвящение

Многие десятилетия Александр Николаевич Карпов занимался изучением русского синтаксиса. Его работы, посвященные структурам сложных предложений в произведениях Л. Н. Толстого, широко известны филологам-славистам. Их до сих пор цитируют в России и за ее пределами (в частности, венгерский журнал «Slavica» в 2023 г. включил монографию «Стилистический синтаксис Льва Толстого» в актуальный список программных книг по толстоведению). Посвящаем это исследование, лежащее в русле синтаксических интересов профессора А. Н. Карпова, его 100-летнему юбилею и памяти известного ученого, с которым мне посчастливилось (пусть и недолго) работать на одной кафедре.

Введение

Михаил Александрович Чехов, известный актер и театральный деятель первой половины XX в., племянник А. П. Чехова, обладал незаурядным литературным талантом. Его книги «Путь актера», «Жизнь и встречи», «Воспоминания» и др. отличаются глубиной наблюдений над характерами людей, своеобразным ракурсом мировидения, интересными композиционными решениями, оригинальным слогом. Как и многие деятели искусства, выросшие из русского Серебряного века, М. А. Чехов внес заметный вклад не только в свой основной род деятельности (мастерство актера), но и в отечественную беллетристику. Индивидуальный языковой стиль Михаила Чехова достоин специального исследования.

Материалы и методы

В данной работе мы остановимся на показательных синтаксических чертах прозы М. А. Чехова. Источником наблюдений послужит книга «Жизнь и встречи», основной корпус которой создан в 1930-е гг.

Главным научным методом станет традиционный структурно-семантический, но в отдельных случаях синтаксические явления будут интерпретироваться с позиций лингвистической поэтики (например, при определении их композиционной роли).

М. Чехов с большим мастерством использует разнообразные возможности русского синтаксиса. Палитра конструктивных характеристик его прозы чрезвычайно богата, что свидетельствует о хорошем образовании автора и высоком лингвокультурном уровне его социального окружения на протяжении всей жизни. Кроме того, что Михаил Чехов был талантливым актером, создателем новой театральной системы, он выделялся среди современников как яркая языковая личность, как носитель лучших речевых традиций. Выделяемые ниже синтаксические черты преобладают в книге «Жизнь и встречи» количественно и качественно, однако не представляют собой исчерпывающего списка синтаксических особенностей прозы М. А. Чехова в целом.

Результаты

Следует отметить, что различного рода однородные ряды (элементарные однородные члены предложения, однородные полупредикативные конструкции, однородные придаточные в составе сложноподчиненных предложений) способствуют смысловому насыщению синтаксического строя. Без дополнительных конструктивных преобразований однородность позволяет увеличить семантическую емкость предложения, двукратно, трехкратно и т. д. умножая его лексический состав. Михаил Чехов активно пользуется такими возможностями синтаксиса, соединяя в подобном семантическом умножении информационное расширение и добавление экспрессии. Например: *«Еще не было произнесено ни одного слова со сцены, но зритель уже встречал Варламова, Давыдова, Далматова, Стрельскую смехом, слезами, негодованием, восторгом, состраданием, гневом!»* [15, с. 185]; *«Малоросс, от природы философ, он всегда чего-то искал, куда-то стремился, всех любил, бе-*

седовал с птицами, понимал небеса, был чист душой и честен» [15, с. 167]; «Он стал как-то бесцельно метаться, меньше работал, душевно ослаб и стал делать ненужные, ничем не оправданные вещи» [15, с. 176]; «И Белый “взрывался”, кричал, ненавидел, гремел и грошил!» [15, с. 239]; «Ум, знание, работа и техника поведут театр вперед» [15, с. 187].

Обратим внимание, что в первом из приведенных примеров роли однородных рядов дифференцированы: объектный ряд, образованный фамилиями, расширяет информационное поле предложения, а обстоятельственный ряд образа действия, образованный существительными непосредственной и опосредованной эмоциональной семантики, интенсифицирует экспрессивность. Сказуемые ряды (как во втором, третьем и четвертом примерах) повышают динамичность нарратива, образуют сгустки сюжетной и грамматической предикации: жизнь героев предстает как на убыстренной скорости видеоизображения в кинематографе. Подлежащий ряд в пятом примере способствует переводу беллетристических рассуждений автора в теоретически обобщающую плоскость: здесь, безусловно, проявляются качества Михаила Чехова – создателя собственной театральной концепции.

В других случаях однородные подлежащие ряды, наоборот, придают прозе М. Чехова художественность, добавляя в нее подробности творческого наблюдения, детали эстетического восприятия мира и человека, видимых автором как состоящие из множества частей целостности: «Сила его взгляда и голоса, его рост, атлетическая фигура пугали меня. Физические, душевные и умственные силы его казались мне безграничными» [15, с. 165]. В размышлениях театральной тематики однородные предикаты, как и в сюжетном нарративе, сгущают, концентрируют картину действий, только не физических, а психологических: «Я уже успел влюбиться в роль и видел Фому Фомича в своем изображении с такой ясностью, что угасить его, забыть и разлюбить было делом нелегким» [15, с. 197] (глагол влюбиться, по К. Изарду, относится к числу самых частых маркеров психологического действия [1, с. 410]).

Ряды однородных членов в тексте М. А. Чехова иногда приобретают особое стилистическое звучание. Происходит это в том случае, когда ему нужно показать, например, возвышенность чьей-либо натуры, совершенство помыслов, отсутствие меркантильных или низменных интересов и т. д. В таком случае ряд однородных членов бывает коротким, но семантически предельно точно подобранным, как бы «пригнанным» в своих немногочисленных компонентах. Например, в рассуждениях о Боге, который для молодого Чехова мало что значил, он вспоминает один из разговоров со своим учителем Станиславским: «Я ответил ему какой-то атеистической пошлостью, и он **с сожалением и легким презрением** взглянул на меня. Этого взгляда я не забыл еще и сейчас» [15, с. 217].

Однородные ряды в идиостиле М. Чехова почти не ограничены в количественном отношении, что свидетельствует о речевой свободе автора, не скованного профессиональными писательскими стереотипами, ориентированными на воспринимающее сознание читателя. Он не задается вопросом «Как это будет прочитано?», стремясь к точности, исчерпанности передачи собственной мысли или впечатления. Поэтому его однородный ряд может быть, например, восьмичленным, как в следующем случае с именными частями составного именного сказуемого: «...**тотчас же он сам становился тяготением, весом, ударом, толчком или скрытой силой зерна, увяданием, ростом, цветением**» [15, с. 240].

Иногда однородные элементы создают собственные микрокомпозиции внутри большой текстовой композиции книги «Жизнь и встречи». Примером такой микрокомпозиции является трехчленная группировка однородных компонентов, выстроенная по принципу восходящей градации. Например: «Федор Федорович Шаляпин

хорошо знал своего отца как художника, **много беседовал** с ним и **глубоко проникал** в его душу» [15, с. 270]; «**Нельзя передать то, чего не понимаешь, нельзя передать стихийную силу таланта, можно передать только школу**» [15, с. 273].

Во втором примере однородными компонентами выступают подчинительные части безличных конструкций – придаточное предложение и два прямых дополнения. Семантическую доминанту представляет собой последний компонент, который фиксирует своеобразную «вершину» развития авторской мысли об обучении технике актерской игры. По более простой (в структурном отношении) схеме построена микрокомпозиция в первом примере: здесь воспроизводится трехкомпонентный градационный ряд «обстоятельство + сказуемое». Однако семантически также доминирует последний из компонентов, указывающий на необходимость осмысления феноменов искусства, которым должно завершаться знакомство с ним и наблюдение за его проявлениями.

Однородность на уровне предложенческих конструкций проявляется в тексте как параллелизм. Он тоже присущ прозе Михаила Чехова. Здесь также присутствуют характерные идиостиллю автора трехчленные микрокомпозиции. Приведем пример подобного параллелизма конструкций с различным эмоционально-чувственным звучанием, когда создается ироничный эффект: «**Миша, вы не трагик. Трагик плюнет – и все дрожит, а вы плюнете – и ничего не будет**» [15, с. 253].

На уровне словосочетания у Михаила Чехова проявляется склонность к построению различного рода нестандартных синтаксических комбинаций, которые не присущи узуальному употреблению. Вот два характерных примера: «**Гамлет принял смерть как знающий: он перешел спокойно, с ясным сознанием, как бы осторожно сложив с себя свое тело**» [15, с. 178]; «**Я не то чтобы верил моим наставникам, но как-то уж слишком они пригнетали меня к земле**» [15, с. 193]. Как свидетельствуют современные словари, у глагола *сложить* в значении 'отказаться, отречься от чего-либо, считать себя свободным от чего-либо' [13, т. 20, с. 148] присутствует валентность предложного родительного падежа с *себя*, однако отсутствует валентность винительного падежа *тело*. По нормам традиционной сочетаемости *сложить* можно *бремя, тяжесть, чин, звание, власть, венец, корону* и т. п. [12, с. 611]. Предложенная М. Чеховым сочетаемость является абсолютно новаторской и расширяет область синтаксического функционирования базовой (управляющей) глагольной лексемы.

Слово *пригнетать* по своей основной семантике 'придавливать, прижимать гнетом, чем-либо тяжелым сверху' имеет валентность *к земле* [12, с. 512], однако метафорическое распространение физического воздействия, узуально относимого к разряду трудовых действий [2, т. 20, с. 267], на человека можно считать новацией идиостиля М. Чехова.

В рассматриваемой книге достаточно четко проявляется тенденция к нестандартности, необычности сочетаний слов. Языковой почерк М. Чехова отличается тягой к инвертированности, к выделению лексической семантики того или иного элемента с помощью его необычного синтаксического положения и т. п. Например, в характеристике постояльца в родительском доме автор подчеркивает качества путем разрыва составного именного сказуемого инвертированным подлежащим; здесь же наблюдается инверсия определяемого слова и определения-прилагательного, введенная для акцентирования степени проявления качества: «**Тож же бородатый, то же скромный и радостный, но был он бродяга и пьяница горький**» [15, с. 167]. В приводимом ниже примере инверсия дополнения, выведенного в начальную позицию простого предложения, служит для подчеркивания результатов деятельности героя повествования: «**Много добра сделал он**» [15, с. 250]. Понимание инверсии

мы основываем на традиционных синтаксических теориях: [3, с. 40], [5, с. 54], [4, с. 677] и т.п.

В отдельных частях текста словосочетания той или иной структуры приобретают особую значимость и особое звучание. Например, в рассуждении о театральных системах Станиславского и Вахтангова Чехов использует атрибутивные по семантике словосочетания с зависимым словом существительным в родительном падеже: *психология режиссера* и *психология актера*. Эти словосочетания становятся идейным центром сравнения двух систем и помогают читателю разобраться в достаточно сложных эстетических проблемах. Ту же роль выполняют субстантивированные причастия, употребляемые Михаилом Чеховым как дополнения. Говоря о Вахтангове, он пишет: «Он мог переключиться по желанию из **показывающего в делающего** и наоборот» [15, с. 199].

Тяготение к необычному и непривычному в синтаксисе проявляется в идиостиле М. Чехова также посредством различного рода отсечений компонентов от целого предложения. Применительно к заявленному феномену в книге «Жизнь и встречи» можно говорить о парцелляции и именительном темы. Парцелляции в воспоминаниях М. Чехова используются преимущественно для того, чтобы семантически выделить отсеченный синтаксический фрагмент (иные по характеру парцелляции в исследуемой книге нами не обнаружены). В отличие от художественных текстов, Чехов в своем беллетристическом произведении не наделяет парцелляцию комическими эффектами, – наоборот, она у него всегда высоко патетична. Вот один из ярких примеров: «Часто Сулер тосковал. **По-своему, по-особенному**» [15, с. 224]. Предложения в форме именительного темы выполняют у М. Чехова наиболее органично свойственную им роль зачина какого-либо изолированного рассказа внутри более обширного повествования: «**Репетиция**. Я знакомлюсь с режиссером Е. П. Карповым и труппой театра» [15, с. 230].

Вообще, как уже отмечалось, Михаил Чехов отдавал предпочтение дробной композиции, вставляя в архитектуру целостной по замыслу и направлению «внутреннего развертывания» книги определенные относительно завершенные фрагменты. Авторский «большой текст», представляющий собой мемуарное повествование, нередко перемежается частями, представляющими собой композиционные вставки, имеющие структуру и динамику развития, относительно независимые от общих. Отметим, что композицию мы понимаем в соответствии со структуральными и тартускими традициями: [8, с. 328–335], [14, с. 15–16], [6, с. 243–245]. Например, самостоятельным композиционным фрагментом рассуждающего типа является часть текста, посвященная кругу чтения мемуариста и его духовным учителям, к творческому наследию которых он обращался в юности. Михаил Чехов сообщает о том, что у него было три наставника, которые первые годы молодости существовали с ним неотлучно. Фраза: «*Они были моими наставниками*» [15, с. 192] является зачином достаточно протяженного рассуждения. Первым из наставников Михаил Чехов называет Чарльза Дарвина, характеризуя его влияние на собственное мировоззрение тем, что Дарвин приучал его видеть в основе человеческого существования только «тело со всем тем, что унаследовано от родителей» [15, с. 192]. Вторым наставником был Зигмунд Фрейд, показывавший «подсознательное человеческой души со всей нечистотой и сексуальными ее импульсами» [15, с. 192]. Наконец, третьим наставником Чехов называет Артура Шопенгауэра, который пленял его юность «очарованием тоски и пессимизма» [15, с. 193].

Показательным является то, что этот рассуждающий композиционный фрагмент построен автором таким образом, что сказуемыми в большинстве предложений выступают глаголы с семантикой реальной коммуникации. Это создает впечатление действительного общения между героем и его духовными наставниками. Подобные

сказуемые «оживляют» текст и передают впечатления реального диалога между Михаилом Чеховым и названными выше учеными и философами. Приведем ряд таких грамматических основ со сказуемыми реальной коммуникации: **Шопенгауэр ругался с Фихте и Гегелем, но своих почитателей очень любил; Шопенгауэр настаивал на этом; я вел беседы со своими наставниками; наставники были сильнее меня и быстро подавляли мои бунтарства; философы вернулись ко мне и завладели моей душой** и др.

Другим типом относительно завершенной самостоятельной композиции внутри текста М.А. Чехова является локальное (частное) повествование. Подобных фрагментов в воспоминаниях в силу особенности жанра достаточно много. Остановимся на одном из них, посвященном рассказу о работе Михаила Чехова со Станиславским. Этот фрагмент текста окрашен добродушным юмором и содержит интересные для читателя наблюдения автора над великим режиссером. Открывается этот фрагмент своеобразной фразой-экспозицией, которая затем планомерно разворачивается сюжетно и композиционно. Экспозиционная фраза такова: «*Станиславский сам следил за моим актерским развитием и уделял мне немало времени, занимаясь со мной системой*» [15, с. 195]. В дальнейшем Чехов показывает, насколько Станиславский был увлечен своей ролью педагога, наставника, творческого руководителя. В частности, одной из таких сюжетных зарисовок является то, что даже во время еды Станиславский не прекращал свои занятия с учеником, постоянно давая ему наставления и не замечая, что тот не успеваешь есть.

Другим забавным фрагментом является рассказ о том, что Станиславский удалял из помещения во время занятия всех посторонних, включая горячо любимую им жену. Нужно отдать должное юмористическому таланту рассказчика, позволяющего нам услышать из уст Станиславского такую фразу, обращенную к М. П. Лилиной: «*Маруся, уйди, пожалуйста, ты все равно ничего не понимаешь...*» [15, с. 195]. Множество мелких фактов из повседневной жизни и многообразной деятельности Станиславского, помещенных в данном композиционном фрагменте, придают воспоминаниям Чехова достоверность и делают их чрезвычайно любопытными и познавательными для читателя.

Обсуждение результатов

Говоря о достоверности мемуарной фактологии сочинения М. А. Чехова, нужно отметить частотное и умелое введение им в повествование прямой речи лиц, активно задействованных или просто упомянутых в книге. Эта синтаксическая особенность диктуется самим жанром. Однако можно выделить ряд особенностей конструкций с прямой речью, относящихся уже не к жанру, а к идиостилю автора. В частности, способностью перволичного нарратива наделены автором не только люди, но и предметы, ситуации, складывающиеся обстоятельства и т. д. Обычно такая особенность характерна сказке и детской прозе: [7, с. 22], [9, с. 118], [11, с. 41]. Однако актерская природа таланта М. Чехова проявлялась, безусловно, и в одушевлении всего окружающего людей мира. Вот, например, фрагмент рассказа о бродяге, взятом в чеховский дом дворником и оттого чувствующем себя необыкновенно важным: «*После завтрака ему подавали большую кастрюлю жидкого кофе, и он долго со вкусом занимался ею. Не только лицо, но и затылок и спина выражали: “дворник фрыштыкает”*» [15, с. 170]. В другом фрагменте от первого лица воспроизводится состояние зрительного зала и каждого конкретного человека, находящегося в нем: «*И все, что видел и слышал зритель потом, следя за их игрой в течение вечера, все вызывало в душе его чувство: “Да, да, я так и предвидел, так это и должно было быть!”*» [15, с. 186].

Нередко в функции прямой речи используются гипотетические фразы, которые приписываются неодушевленным предметам, неким философским категориям,

отвлеченным сущностям. Это используется Чеховым для того, чтобы показать, насколько театральные репетиции и процесс внутреннего саморазвития занимали молодого актера, поглощая его целиком и задействуя все его интеллектуальные и душевные силы. Мир гипотетический, неживой, абстрактный в формах прямой речи начинает говорить с героем, становится его собеседником, спутником. Например: «*Когда же я думал, что все-таки, может быть, существует разумная Мировая Душа, какой-то голос говорил мне: “А ты уверен, что Мировая Душа не сошла с ума?”*» [15, с. 202]. Аналогичный пример: «*Но Любовь в его сердце, Любовь все же вела его вниз, через красивую ложь Люцифера, через видения, мечты, идеалы, вниз, вниз, к земле – привела и сказала: “Ты – человек, ты – добрый Идальго...”*» [15, с. 204].

Структура диалога может передаваться предложениями с прямой речью без слов автора, следующих друг за другом и разделяющихся тире. Так, например, представлен полилог актеров во время репетиции: «*Могли бы вы, если вам не совсем неудобно, на шаг отступить...*» – «*О, с восторгом! Вот так?*» – «*Прекрасно, прекрасно!*» – «*Очень рад*». – «*Могу я просить вас привстать и слегка поклониться, как я...*» – «*Ага! Я понимаю вашу идею!*» [15, с. 231].

Структура рассуждения в воспоминаниях Чехова часто поддерживается риторическими фигурами (вопросами и восклицаниями). В этом отношении его текст является классическим по устройству, но оттого несколько не проигрывает в своей выразительности, потому что выразительность эта достигается не вычурностью или броскостью примеров, а разносторонностью, точностью и классичностью построения фразы. Вот один из фрагментов рассуждения в тексте: «*Есть что-то похожее в лице Добужинского и его декорациях на сцене. Но что же это?.. И вдруг я понял! Декорации в их композиции, в деталях и в целом, в формах, красках, пропорциях – страшно красивы! Вот разгадка! Так же красивы, как он сам!*» [15, с. 199]. Обратим внимание на то, что составное именное сказуемое *страшно красивы* выполняет в этом восклицательном предложении особую интенсифицирующую роль. И, несмотря на разговорность самой конструкции, она несколько не снижает впечатление от восторженной оценки Чеховым замечательного художника.

Риторические вопросы придают тексту философскую направленность. Они, как правило, начинают и последовательно структурируют размышления и развитие мыслей автора. Вот один из таких риторических вопросов: «*Разве в наши дни не выковывается мудрость для будущего?*» [15, с. 190].

Риторические фигуры сопровождают рассуждающие фрагменты воспоминания М. Чехова на протяжении всего текста. Как правило, они выступают блоками, повторяются, расширяются и разветвляются. Вот показательный пример: «*Полная людей атмосфера “Сверчка на печи”, юмор “Потопа” – что дают они голодным, дичающим людям? Неабстрактное, ничего не чувствующее “человечество” историков и политических деятелей занимало меня, но конкретнее, живые люди... Не проходим ли мы мимо действительности с нашим утонченным искусством?*» [15, с. 211].

Различного рода антитетические конструкции используются автором для того, чтобы достоверно изобразить какие-либо сложные явления или обстоятельства, в которых он пребывал или в которых оказывались встреченные им на жизненном пути люди. Например, рассказывая об отношении Станиславского к актерам и о его желании приободрить отчаявшихся и сбить спесь с зазнавшихся, Чехов дает зарисовку, в которой в качестве антитетического единства выступают реплики Станиславского по отношению к самому мемуаристу. В том случае, когда он играл хорошо, Станиславский говорил: «*Ужасно! Никому не нужно! Три копейки! Надо все сначала репетировать*» [15, с. 216]. Если же Чехов играл плохо, появлявшийся в его гример-

ной комнате режиссер произносил: «Очень хорошо. Просто хорошо. Роль растет. Поздравляю» [15, с. 217].

Антитетические единства являются основой рассуждений М. Чехова о различиях в понимании задач актера между ним и Станиславским. Два основных антитетических конструкта становятся опорой подобных рассуждений. Первым из них выступает «аффективные воспоминания и фантазия»; вторым – «умение вообразить себя в предложенных обстоятельствах» и «стремление забыть себя и представить в своей фантазии соответствующие обстоятельства» [15, с. 220–221].

Различного рода противопоставления, противительные отношения и контрасты нередко выполняют в тексте организующую функцию. Это помогает автору передать сложную атмосферу того переходного, беспокойного времени, на которое пришлось его молодые годы и становление в профессии. Например: «*Театр и актеры шли за массами, угождая их вкусам. Однако многие искренне верили, что идут в первых рядах, считая себя пионерами*» [15, с. 249]. Аналогично: «*Низшее вообще склонно отрицать существование высшего и приписывать себе его силы, способности и качества. Напротив, высшее признает существование своего двойника, но отрицает его рабовладельческие и собственнические инстинкты*» [15, с. 268].

В тексте М. А. Чехова немало сравнений, выполняющих различные синтаксические функции. В первую очередь нужно отметить сравнительные обороты: «*говорил он, всхлипывая, как младенец*» [15, с. 196], «*как у героя Достоевского, в одну секунду в моей голове пронеслось множество мыслей*» [15, с. 256], «*...она повторяла всю ту же серию знакомых театральных приемов, нанизывая их, как бусинки на тонкую ниточку...*» [15, с. 263]). Сравнения могут входить в состав сказуемого («*белые ночи действовали на меня как чары*» [15, с. 200]). Сравнение может оформляться и в виде сочинительной конструкции, где оно выражается не синтаксически, а лексически: «*Репетиция поэтому бывает обычно одна, и **походит она больше на урок танцев, чем на репетицию...***» [15, с. 231].

Идиостиль М. А. Чехова включает в себя разнообразные полупредикативные конструкции. Деепричастные обороты и одиночные деепричастия характеризуют его прозу как речь любого образованного человека своего времени. Деепричастная полупредикация часто перетекает из предложения в предложение и создает «тканевую основу» беллетристического мемуарного текста. Вот один пример подобной «претекающей полупредикации»: «***Появившись первый раз перед большой публикой в качестве “смешного” старичка дядюшки, я неожиданно для себя очутился на середине сцены. Сконфузившись и не имея мужества ни сесть, ни отойти в сторону, стал говорить “хэ-хэ-хэ” (ведь роль была комическая) и переминался с ноги на ногу***» [15, с. 184].

Обособленные определения создают в тексте картину целостного бытия, помогая автору оформить свои мысли полномерно, разнообразно и стилистически полноценно. Подобные конструкции придают фразам особую весомость: «*Даже репетиции Вахтангова, **цельные, художественно завершенные и волнующие, вызвали во мне удивление***» [15, с. 211]. Иногда они включаются в однородные ряды, дающие наибольшую концентрацию авторских ментальных характеристик: «*И во всем, что с ним делалось, виделась ритмы, **то строгие, мощные, гневные, то огненно-страстные, то вдруг тихие, нежные, и что-то наивное, детское, чудилось в них***» [15, с. 240].

Предложения с двукратной полупредикацией дают наиболее полный разворот теоретической мысли автора, связанной с осмыслением опыта коллег как воплощения их театральных систем. Например, о Сулержицком, стоявшем у истоков школы Вахтангова, М. Чехов пишет так: «***Острый, нервный, пронизательный, он***

вместе с Вахтанговым разбирал запутанную психологию “больных людей”, **вводя нас в атмосферу пьесы**» [15, с. 227].

Непредикативные обособления (нечастые у М. Чехова), наоборот, создают картины внутреннего мира человека, его чувств и переживаний, не связанных с интеллектуальными исканиями. Такие конструкции, в отличие от полупредикативных, относятся скорее к чувственной, чем к интеллектуальной сфере. Вот один пример с уточняющим компонентом: «...я спрятался внутренне, ушел в себя, стал еще более труслив и незаметно для себя, **в виде самозащиты**, научился улыбаться тем, кого боялся» [15, с. 167].

Неполные предложения чаще всего выполняют функцию реконструкции действительности, взятой во многочисленных составляющих. Часть из них напрямую названа и определена функционально, часть убрана в подтекст сама по себе или в своем назначении. Например, таково впечатление Чехова от деятельности во МХАТе художника М. В. Добужинского: «Я перевожу взгляд с декораций на самого Добужинского, с Добужинского – на декорации, и мне начинает казаться, что как бы нити тянутся от режиссерского столика к сцене» [15, с. 198]. Аналогично создается картина художественного впечатления, где все составляющие дополняют друг друга, переходят друг в друга и т. д.: «Звук превращался в фигуру и образ. Красота – в чувства. Движение – в мысль» [15, с. 240].

Идиостиль М. А. Чехова отличается обширным составом полипредикативных синтаксических конструкций, среди которых ведущую (в количественном отношении) роль играют бессоюзные сложные предложения. Эти структуры весомы в чеховском тексте как «квантитативно», так и «квалитативно» [10, с. 91]. Разнообразные конструкции бессоюзных сложных предложений в книге «Жизнь и встречи» включают все типы отношений между частями, например: «Это было понятным для тех, кто мог видеть: Белый жил в мире, отличном от мира людей, его окружавших, и мир обычный, принятый всеми, он отрицал» [15, с. 238] (отношения пояснения). Как правило, подобные конструкции идеально «обслуживают» мемуарный нарратив, поскольку позволяют при экономии связующих средств (и дополнительного грамматического приспособления частей) объединить большое количество повествовательных компонентов. При этом логические связи между ними продолжают оставаться достаточно разнообразными: причинными, пояснительными, уступительными противительными и т. д. Так, в приводимом ниже предложении объединены семь нарративных событийных компонентов: «Под его “магическим” влиянием то тут, то там – на полу, на столах, на полках с книгами – вспыхивали разноцветные огни, закипали сами собой жидкости в стеклянных сосудах, образовывались красивые кристаллы в колбах, из банок поднимались густые пары и, рассеиваясь, исчезали под потолком, в бутылочках происходили небольшие взрывы, горели куски проволоки, и все это я приписывал необыкновенной и непонятной мне силе отца» [15, с. 173]. Перед нами не просто некий фрагмент действительности, отразившийся в памяти автора, – это сама развивающаяся действительность, которая дает представление о роде занятий человека вообще, на протяжении длительного времени.

Большинство частей бессоюзных сложных предложений в идиостиле М. Чехова представляют собой осложненные конструкции, которые также воплощают многоаспектную реальность в ее разнообразных проявлениях. Например: «Получив пятачок, он выражал свою благодарность по-своему, одним жестом, без слов: взмахнув рукой вверх, он с чувством хватался за шею и затем, подбросив бороду снизу, ковырнув в воздухе около уха и завернувшись большим пальцем в затылок, делал паузу» [15, с. 168]. Здесь поясняемая и поясняющая части бессоюзного слож-

ного предложения осложнены рядом однородных членов и деепричастными оборотами.

Стилю М. Чехова свойственны различного рода добавочные замечания и синтаксические конструкции, выделяемые скобками. Они делают повествование более насыщенным, потому что наряду с наполнением событийного нарратива показывают еще и авторское отношение к происходящему, имея форму эмоциональных или ментальных ремарок. Вот несколько характерных примеров:

о поведении одного из актеров: «*Потом он расхохотался, не разжимая губ, постоял еще, раздул ноздри и не без эффекта вышел из уборной. (Отелло, догадался я.)*» [15, с. 236];

о поведении самого автора: «*Я слегка поклонился и красиво развел руками (дескать, весь к вашим услугам), и тут же почувствовал, что нечаянно съмитировал Станиславского*» [15, с. 255];

о театральности жизненных ситуаций: «*Приехал Станиславский. Рейнгардт встал... (нет, мал, ужасно мал!) и медленно, очень медленно (молодец!) пошел к двери*» [15, с. 282];

о прочтении текста пьесы во время театральной репетиции: «*К тексту мы подошли, например, по-новому: через движение. (Я говорю не о смысле, не о содержании текста, но о способе произнесения слов со сцены.) Мы рассматривали звуковую сторону слова как движение, превращенное в звук*» [15, с. 251];

о ходе мыслительной работы над созданием новой техники актерской игры: «*Я был близок к его решению и прежде, но теперь правильность его подтвердилась для меня непосредственным переживанием. (В несколько более слабой степени оно было знакомо мне.)*» [15, с. 268].

Заключение

Синтаксические явления в наибольшей степени характеризуют особенности идиостиля М. А. Чехова. Даже лексика, которая весьма ярко окрашивает языковую манеру любого автора, зачастую реализует творческий потенциал Михаила Чехова именно через синтаксис: парцелляции, ряды однородных членов, одиночные полупредикативные конструкции, инверсии, пропуски в неполных предложениях и др.

Стилистические искания М. А. Чехова не нарушают синтаксической правильности языка, а заключаются в поиске необычно, непривычного, нечастотного построения в рамках нормы и богатых возможностей русского синтаксиса. Структура его текста включает закономерные повторения отдельных синтаксических явлений (трехкомпонентных перечислительных рядов; прямой речи, не отнесенной к конкретным лицам; предложений с двумя полупредикациями), что создает особые микрокомпозиции внутри единой и целостной большой текстовой композиции. Несмотря на то, что в жанровом отношении рассмотренная книга М. А. Чехова «Жизнь и встречи» относится к мемуарной беллетристике, ее синтаксис вполне можно охарактеризовать как художественный. Не вызывает сомнения целесообразность и плодотворность изучения синтаксических черт всего литературного наследия Михаила Чехова.

Список источников и литературы

1. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003. 460 с.
2. Большой академический словарь русского языка (БАС). Т. 1–24. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.
3. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 272 с.

4. Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. С. 606–914.
5. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка : учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высш. школа, 1991. 432 с.
6. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016. 470 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: URSS : Ленанд, 2019. 400 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2015. 701 с.
9. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие для студ. вузов. М.: Флинта : Наука, 2002. 423 с.
10. Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities: интервью и дискуссии (2015–2021). М.: Изд-во МГУ, 2022. 190 с.
11. Романов Д. А. Поэтика подробностей: лингвостилистический анализ повести С. Т. Аксакова «Семейная хроника» // Русский язык в школе. 2016. № 9. С. 37–43.
12. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. Изд. 3-е. М.: Астрель, 2002. 814 с.
13. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ) : в 17 т. М.: Наука, 1948–1965.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 350 с.
15. Чехов М. А. Жизнь и встречи // Путь актера. М.: АСТ, 2019. С. 165–360.

References

1. Izard, C 2003, *Psikhologiya emotsiy* (The Psychology of Emotions), Piter Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
2. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* (Large academic dictionary of the Russian language) 2004–2021, vol. 1–24, Nauka Publ, Moscow, Saint-Petersburg. (In Russ.)
3. Babaytseva, VV & Maksimov, LYu 1981, *Sintaksis. Puntuatsiya* (Syntax. Punctuation), Prosveshcheniye Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Beloshapkova, VA 1997, 'Sintaksis' (Syntax), in VA Beloshapkova (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk* (Modern Russian language), Azbukovnik Publ, Moscow, pp. 606–914. (In Russ.)
5. Valgina, NS 1991, *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* (Syntax of modern Russian language), Vysshaya shkola Publ, Moscow. (In Russ.)
6. Ginzburg, LYa 2016, *O psikhologicheskoy proze* (About psychological prose), Azbuka Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
7. Kovshova, ML 2019, *Linguokulturologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok* (Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings), Lenand Publ, Moscow. (In Russ.)
8. Lotman, YuM 2015, *Struktura khudozhestvennogo teksta* (The structure of a literary text), Azbuka Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
9. Nikolina, NA 2002, *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* (Poetics of Russian autobiographical prose), Flinta Publ, Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Pilshchikov, IA 2022, *Sem besed o filologii i Digital Humanities* (Seven conversations about philology and Digital Humanities), Izdatel'stvo MGU Publ, Moscow. (In Russ.)
11. Romanov, DA 2016, 'Poetika podrobnostey: lingvostilisticheskiy analiz povesti S.T. Aksakova «Semeynaya khronika»' (Poetics of details: linguistic and stylistic analysis of the story by S.T. Aksakov "Family Chronicle"), in *Russkiy yazyk v shkole* (Russian language at school), vol. 9, pp. 37–43. (In Russ.)
12. Denisov, PN & Morkovkin, VV (eds) 2002, *Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* (Dictionary of combinability of words in the Russian language), Astrel Publ, Moscow. (In Russ.)
13. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (Dictionary of modern Russian literary language) 1948–1965, vol. 1–17, Nauka Publ, Moscow. (In Russ.)

14. Uspenskiy, VA 2000, *Poetika kompozitsii* (Poetics of composition), Azbuka Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
15. Chekhov, MA 2019, '*Zhizn i vstrechi*' (Life and meetings), in *Chekhov M.A. Put aktera* (Chekhov M.A. The actor's path), AST Publ, Moscow, pp. 165–360. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 07.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 07.10.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-163-171>

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАНИЯХ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗНАКОВ ЗАПЯТАЯ И ТИРЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

**Наталья Михайловна
Старцева**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nstarceva@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9225-1821>

Аннотация. Проблемы современной пунктуационной системы на сегодняшний день справедливо считаются одними из наиболее актуальных, они вызывают споры не только среди лингвистов, но и среди журналистов и просто обычных носителей языка, интересующихся его проблемами. Сложность русской синтаксической системы, ее многоплановость и вариативность делает постановку знаков препинания задачей непростой, многоаспектной, требующей при решении учета структурно-семантических характеристик каждой конкретной единицы. Статья рассматривает вопросы сочетания знаков препинания в русской письменной речи. Различные комбинации пунктуационных единиц встречаются регулярно, и таких комбинаций насчитывается много, однако в научной литературе пока нет их классификации. Основной акцент сделан на описании самого распространенного сочетания пунктуационных знаков – запятой и тире, которые могут быть употреблены как пара знаков, поставленных по отдельным правилам, или как единый знак. Наблюдения за оформлением синтаксических конструкций, взятых из художественных произведений разного времени (от А. С. Пушкина до Е. Г. Водолазкина), показывают те изменения, которые произошли за двести лет в вопросе выбора знаков препинания в тех позициях, где возможно поставить запятую и тире. Кроме того, авторское понимание текста может потребовать специфического оформления той или иной синтаксической конструкции, не всегда совпадающего с действующими пунктуационными правилами. Всестороннему описанию условий употребления запятой и тире посвящена работа замечательного тульского лингвиста А. Н. Карпова «Сочетание знаков препинания в современной русской пунктуации», систематизировавшего основные случаи использования сочетаний знаков и заложившего основу для создания такой пунктуационной классификации.

Ключевые слова: пунктуация, предложение, запятая, тире, авторская пунктуация, вариативные знаки препинания, синтаксические отношения.

Для цитирования: Старцева Н. М. К вопросу о сочетаниях пунктуационных знаков запятой и тире в современной письменной речи // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 163–171. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-163-171>

Сведения об авторе: Н. М. Старцева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-163-171>

ON THE ISSUE OF COMBINATIONS OF PUNCTUATION MARKS COMMA AND DASH IN MODERN WRITTEN SPEECH

Natalia M. Startseva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, nstarceva@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9225-1821>

Abstract. The issues of modern punctuation are rightly considered to be among the most urgent of our time, causing controversy not only among linguists but also among journalists and common native speakers interested in its particular features. The complexity of the Russian syntactic system, its versatility and variability make the formulation of punctuation marks a difficult multidimensional task requiring consideration of the structural and semantic characteristics of each specific unit. The article examines the issues of the combination of punctuation marks in Russian written speech. Various combinations of punctuation units are found regularly, and there are many such combinations but there is no classification of them in the scientific literature yet. The main emphasis is placed on the description of the most common combination of punctuation marks – *comma* and *dash*, which can be used as a pair of signs set according to separate rules or as a single sign. Observations on the design of syntactic constructions taken from works of art of different times (from Alexander Pushkin to Eugene Vodolazkin) show the changes that have occurred over two hundred years in the choice of punctuation marks in those positions where it is possible to put a comma and a dash. In addition, the author's understanding of the text may require a specific design of a particular syntactic structure, which does not always coincide with the current punctuation rules. The work of the remarkable Tula linguist A. N. Karpov "Combination of punctuation marks in modern Russian punctuation" which systematized the main cases of using combinations of signs and laid the foundation for creating such a punctuation classification is devoted to a comprehensive description of the conditions for using commas and dashes.

Keywords: punctuation, sentence, comma, dash, author's punctuation, variable punctuation marks, syntactic relations.

For citation: Startseva, NM 2024, 'On the Issue of Combinations of Punctuation Marks *Comma* and *Dash* in Modern Written Speech', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 163–171, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-163-171> (in Russ.)

Information about the Author: *Natalia M. Startseva* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Startseva N. M., 2024

Введение

Вопросы постановки знаков препинания в русском языке были и остаются очень непростыми, требующими постоянного внимания со стороны специалистов и носителей языка. Дело в том, что русская пунктуация при всей своей гибкости и вариативности все же весьма стабильна и потому отзывается на изменения неохотно. Однако теория и практика использования знаков препинания разошлись сегодня довольно далеко. Объяснить сложившуюся ситуацию можно тем, что оформляют все написанное согласно «Правилам русской орфографии и пунктуации», утвержденным еще в 1956 г., то есть около семидесяти лет назад. В 2006 г. был издан новый свод правил под редакцией В. В. Лопатина «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» [7], где были дополнены и уточнены некоторые правила постановки знаков препинания. Однако это, как можно понять, не устранило несоответствий современной практики письменной речи: сама она серьезно изменилась, а потому пунктуационные правила, сформулированные почти семь десятилетий назад, не соответствуют реальным случаям использования знаков препинания и их комбинаций.

И все же не стоит думать, будто вопросы постановки знаков препинания – это исключительно проблемы, ставшие актуальными в последнее время. Сложными случаями постановки знаков препинания лингвисты активно занимались в течение всей второй половины прошлого века. Одним из таких лингвистов был Александр Николаевич Карпов, профессор, ученый, работавший в Тульском педагогическом институте. Среди его трудов можно отметить статьи, связанные с вопросами русской пунктуации. А в 1984 г. он издал учебное пособие «Сочетание знаков препинания в современной русской пунктуации». Ученый видел необходимость помочь «молодым учителям в их работе, связанной с изучением в школе современной русской пунктуации» [5, с.3].

Автор полагает, что есть необходимость в описании и анализе различных сочетаний пунктуационных знаков, так как данный вопрос на момент публикации книги не был описан в лингвистических трудах. Если о сочетании двух знаков препинания можно найти информации в справочной литературе, то о сочетаниях трех и более знаков мало кто писал. А. Н. Карпов видел свою задачу не только в указании возможных сочетаний пунктуационных знаков в реальных ситуациях оформления письменной речи, но и в создании классификации, определяющей все возможные случаи употребления подобных сочетаний.

Размышления о связи сложных синтаксических построений и их письменного оформления можно найти и в других работах ученого, например, в статье «Функции периода в его отношении к содержанию и композиции текста произведения» [4, с. 77].

Исследование

Знаки препинания традиционно используются для того, чтобы выделить на письме те или иные синтаксические единицы, которые участвуют в создании структуры предложения. Принципы пунктуации описаны в разных источниках, и во многом взгляды исследователей пересекаются. Обратимся, например, к статье Т. Я. Анохиной «Из истории знаков препинания»: «Система современной пунктуации складывалась в течение длительного времени и к настоящему времени подчиняется трем принципам: структурному (нормативность, официальные правила), смысловому (индивидуально-авторские знаки), и интонационному (естественные речевые паузы), основным из которых является все-таки структурный принцип: он обеспечивает пунктуации определенную стабильность, а два других дают возможность передать все богатство и разнообразие смысловых оттенков и эмоций» [1, с. 233].

Безусловно, грамматическое членение предложения соотносится с его логической организацией, однако совпадают элементы структуры не абсолютно. В таком случае главным фактором, определяющим наличие или отсутствие пунктуационного знака, будет логическая организация предложения, так как любой автор стремится к тому, чтобы быть понятым правильно. Размышляя об этом, А. Н. Карпов приводит примеры из произведений Л. Н. Толстого. Так, в предложении «*Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, – отдал Дине*» [5, с. 38] автор выделяет с помощью запятых словосочетание «*еще лучше*», делая акцент на том, что новая игрушка превосходила предыдущие. Определительный оборот относится к существительному «*кукла*», внося в предложение атрибутивно-присоединительную семантику обособленной конструкции. Если словосочетание «*еще лучше*» не выделять в предложении запятыми, то слово «*лучше*» будет относиться не к существительному, а к глаголу «*сделал*», будет являться наречием и функционировать в предложении как обстоятельство. Следовательно, именно благодаря пунктуационному выделению оборота предложение приобретает тот смысл, который хотел вложить в него Л. Н. Толстой.

Та же логика лежит в основе решения вопроса о наличии или отсутствии запятой в предложениях с согласованными определениями. Их однородность или неоднородность во многом находится в компетенции автора, зависит от его понимания отношений между самими определениями, общей коммуникативно-семантической организации конструкции, в состав которой включены определения. В соответствии с существующими правилами однородными должны быть признаны определения, характеризующие предмет с разных сторон, если они объединены каким-либо общим признаком, а также эпитеты. Очевидно, что такая формулировка правила предполагает довольно свободную его трактовку: принимать решение о том, являются ли два определения однородными в каждом случае будет сам автор, причем не всегда с его решением согласится читающий. Трудности выделения однородности в предложении В. И. Чернов связывает с тем, что «синтаксическая однородность, обычно обнаруживающаяся с предельной строгостью и отчётливостью, может осложняться и видоизменяться в результате воздействия на неё некоторых языковых явлений» [10, с. 87].

Из всего вышесказанного следует, что логико-семантические (даже самые детальные) критерии не всегда надежны для квалификации однородности-неоднородности определений. Явление однородности нельзя толковать только в логико-семантическом плане, вне отношения к интонационно-смысловому членению предложения. В зависимости от конкретного коммуникативного задания интонационные средства могут трансформировать логико-семантические отношения. Покажем это на примере предложений из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»:

После темной звездной ночи наступило яркое, веселое утро [8, с. 43].

...Круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед, очевидно, ни на чем не останавливаясь, хотя в его движениях оставалась прежняя медленность и размеренность [8, с. 43].

Князя Андрея поразило необычайное, презрительное спокойствие, с которым Сперанский отвечал старику [8, с. 107].

То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой [8, с. 118].

Во всех приведенных примерах определения становятся однородными именно в конкретном контексте, помогая решению авторской задачи. Причем если прилагательное *яркий* и *веселый* или *счастливый* и *благодарный* относятся к разряду качественных прилагательных, которым свойственно выступать в роли эпитетов, то прилагательное *ястребиный* в прямом значении притяжательное, а *детский* – относительное. Находясь в одном ряду с качественными прилагательными, эти сло-

ва тоже приобретают значение непосредственного признака: *ястребиный* – зоркий, внимательный, острый; *детский* – искренний, естественный, открытый. Такое смещение семантики дает возможность понимать такие определения как однородные.

Знаки препинания ставятся между определениями на основании смыслового принципа пунктуации, однако сам выбор не лишен субъективности, что вполне соответствует современным пунктуационным правилам. По мнению А. Н. Карпова, «конкретные смысловые оттенки, фиксируемые в тексте, могут варьироваться вследствие субъективного восприятия (выражения) их» [5, с. 10].

Ученый в своих работах уделял большое внимание проблемам постановки нескольких знаков препинания в одном ряду. Такое явление А. Н. Карпов называет объективной необходимостью оформления различных текстов и их частей. Речь идет не о выделительных парных знаках (кавычки, скобки, запятые, тире). Сочетания знаков возникают в конкретных конструкциях и напрямую зависят от содержания предложения, выбранной автором структуры и интонации. Безусловно, пунктуация вторична, она полностью подчиняется содержанию предложения и помогает так оформить его на письме, чтобы автор смог адекватно передать информацию, а читающий сумел воспринять ее без потери смысла.

Чаще всего среди сочетаний знаков препинания в русской пунктуации можно выделить запятую и тире, так как ситуаций, где может произойти «встреча» данных знаков, много. Следует вспомнить, что в русском языке наиболее распространенным знаком препинания является запятая. По словам И. В. Потапчук, само слово «запятая» встречается в текстах, написанных на русском языке, уже в XV в. [6, с. 249]. История тире как знака препинания гораздо короче. Высказывалось мнение, что его ввел в русскую письменную речь Н. М. Карамзин, однако в отечественной печати тире можно найти уже в шестидесятые годы XVIII в. Н. М. Карамзин только способствовал закреплению данного знака на письме. «Впервые знак тире под названием “молчанка” описан в 1797 г. в «Российской грамматике» А. А. Барсова» [6, с. 250].

Анализируя тексты, написанные на русском языке в XIX в. и в первой половине XX в., можно заметить, что запятая и тире иногда выступают в предложениях как единый знак. Такие случаи описаны в справочной литературе, в том числе в «Правилах русской орфографии и пунктуации», утвержденных в 1956 г. Академией наук СССР. Если говорить о едином знаке запятая плюс тире во второй половине XX – начале XXI в., то на основании справочника В. В. Лопатина «Правила русской орфографии и пунктуации» [7] единый знак запятая и тире может быть в различных видах сложных предложений.

Наиболее актуальным стоит считать наличие такого сдвоенного знака в сложноподчиненных конструкциях, если они соответствуют определенным структурно-семантическим характеристикам. Так, запятая и тире как единый знак ставится в сложноподчиненном предложении, если такое предложение построено в виде периода, делящегося на две части, которые произносятся с повышением и понижением тона. И тогда единый знак запятая и тире может быть поставлен на месте такого деления. В справочнике приведены следующие примеры: *Если зашумела старая листва под ногами, если покраснелись веточки разные, если вербы развернулись, если заговорили деревья разных пород ароматом своей коры, – то значит, есть в березах движение, и нечего портить березу* (Пришвин); *Что горько мне, что тяжело было и что внушало прибыль сил, с чем жизнь справляться торопила, – я все сюда и заносил* (Твардовский) [7, с. 293].

В подобных предложениях главная часть обычно носит обобщающий характер, завершая перечисление, представленное вопереди стоящих придаточных. Видимо, в 2006 году актуальность такой пунктуации не вызывала сомнений, так как в

справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» нет никаких помет, говорящих о том, что такой вариант пунктуационного знака устарел.

В других типах сложных предложений запятая и тире как единый знак тоже встречаются. Примеры сложносочиненных предложений, зафиксированные в справочнике: *Оскалив зубы, староста стал драть кнутом по чем попало, – и от боли, и от ужаса Аверкий проснулся весь в слезах* (Бунин); *На очереди были полицейские пункты, – и там о Давиде никто ничего не слышал* (Пришвин). Однако такое «разделение частей сложносочиненного предложения несколько устарело» [7, с. 299].

Кроме того, запятую и тире как единый знак можно встретить в бессоюзном сложном предложении. Описано два таких случая. Первый – при присоединении второй части, когда на нее падает особое логическое ударение: *Смотреть наружу не было смысла, – тьма ночи налетала все более густыми волнами* (Паустовский); *Даже вода взволновалась, – вот до чего взыгрались лягушки* (Пришвин); *В саду, в горах сверкали белые лампочки, – было похоже на иллюминацию* (Паустовский) [7, с. 284]. Однако и такой случай употребления единого знака запятая и тире определяют как утрачивающий свою активность на современном этапе развития языка. Действительно, если обратиться к текстам художественной литературы, то можно отметить снижение частотности употребления запятой и тире ко второй половине двадцатого века. Например, в произведениях Максима Горького таких примеров в разы больше, чем в произведениях любого автора, чьи книги были написаны и изданы в 70–80-х годах прошлого века.

Сегодняшняя пунктуационная система воспринимает запятую и тире, поставленные рядом, как сочетание двух знаков, каждый из которых выполняет в оформлении конструкции собственную функцию. Дело в том, что для тире не действует принцип поглощения, как, например, для двоеточия. А функционально запятая и тире – это два наиболее многоаспектных знака препинания, иногда выступающие в аналогичных ситуациях (выделение обособленного приложения, вводных и вставных конструкций и т. п.)

А. Н. Карпов в книге «Сочетание знаков препинания в современной русской пунктуации» выделяет более двадцати случаев употребления в ряду этих знаков [5, с. 13–42]. Хотелось бы остановиться на наиболее частотных случаях, проиллюстрировав примерами не только из классической литературы XIX – XX в., но и из романа Е. Г. Водолазкина «Брисбен», изданного 2019 году. Будучи филологом по образованию, Е. Г. Водолазкин в своих произведениях демонстрирует прекрасное владение русским языком, знает его законы и особенности, в том числе и в области русской пунктуации.

1) Прямая речь стоит перед словами автора, если конструкция является повествовательной. – *Просто неловко было спрашивать, – объясняет Катя* [2, с. 47]; *Принимай работу, – предлагает автор* [2, с. 309].

2) Подлежащее и именная часть сказуемого выражены именами существительными, после подлежащего находится какой-либо обособленный оборот: *Красота, исполненная ума, – необычайная сила, она движет миром, она делает историю, строит судьбы; она, явно или тайно, присутствует в каждом событии* [3, с. 64].

3) Подлежащее и именная часть сказуемого выражены именами существительными или сказуемое опущено, а к подлежащему относится придаточное предложение (чаще всего субстантивно-атрибутивное или местоименное): *Не всякий, кто в тигровой шкуре, – храбрец* (Пословица); *А кроме того (однажды сказал он), главное, чего не хватает музыке, – это тишины* [2, с. 255].

4) Выделение вставной конструкции и одновременное разделение частей сложного предложения: *Это не значило, что она тут же отправляется в Ав-*

стралию – предстояло решить много рутинных вопросов, – но курс был взят [2, с. 261].

5) Внутри конструкции, которая выделена с помощью двух тире, есть обособленные обороты или придаточные части: *Но Глебовы слова – независимо от того, серьезно ли они были сказаны, – Катю поразили: сама возможность отъезда куда-то не приходила в голову [2, с. 278]; На открытых пространствах – там, где лес отступал от дороги, – гулял ветер, и поверхность луж покрывалась рябью [2, с. 98]; Старцев едва нашел ворота, – уже было темно, как в осеннюю ночь, – потом часа полтора бродил, отыскивая переулок, где оставил своих лошадей [11, с. 323].*

6) В сложном предложении с разными видами связи: *Я видел, на какой лопате вы играете, – так мы не покорим мир [2, с. 374].*

7) Предложение с однородными членами в препозиции и вводным компонентом «словом» перед следующей частью предложения, содержащей обобщающее слово или обобщающее словосочетание: *Мужчины пили, спорили и хохотали, – словом, ужин был чрезвычайно весел (Пушкин) [5, с.17].*

Если говорить о знаках препинания при обобщающих словах, то можно заметить, что в современном русском языке даже при наличии обобщающего компонента в препозиции наблюдается замена двоеточия на тире. На эту пунктуационную тенденцию обращал внимание еще А. Б. Шапиро в шестидесятых годах прошлого века. Он писал, что «многие современные авторы воздерживаются от употребления двоеточия при обобщающих словах и заменяют их во всех случаях тире, хотя для такой замены нет серьезных оснований» [12, с. 158]. В свою очередь А. Н. Карпов замечает, что такое замещение знаков не следует считать отражением авторской пунктуации. Это отражение системных изменений в оформлении письменной речи. Лингвист писал: «И все-таки предпочтительнее пунктуационный вариант. Сохраняющий двоеточие, так как оно более точно указывает на отношение между обобщающим словом и однородными членами, нежели тире» [12, с. 25].

Иногда сочетания знаков препинания в текстах XIX в. являются избыточными с точки зрения законов современной русской пунктуации. Например, в рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник» можно найти такое предложение: *Рванулся он, скинул с себя татар, – да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове [9, с. 308].*

Пунктуационные знаки запятая и тире в данном предложении соседствуют исключительно по воле автора, так как в соответствии с правилом достаточно одного из этих двух знаков. Видимо, здесь предпочтительнее тире, которое не только сигнализирует о том, что предложение является сложным, но и делает акцент на семантике конструкции: быстрая смена событий, динамика происходящего, напряженность ситуации для главного героя.

Еще более это очевидно в предложении *Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу [9, с. 308].* Если предыдущая конструкция была сложной, то данная представляет собой простое предложение, осложненное однородными сказуемыми. Между сказуемыми *ударилась* и *навалилась* вообще не требуется знака препинания, а у автора снова сочетание запятая плюс тире, наличие которого объясняется только авторским желанием выделить / отделить второе действие субъекта (лошади), подчеркнуть именно его значимость. С точки зрения актуальных пунктуационных норм такое сочетание знаков будет являться ошибочным.

Типичность для толстовского текста подобного пунктуационного оформления предложений очевидна. Только в рассказе «Кавказский пленник» их насчитывается более двадцати. Можно отдельно сказать о случаях, когда внутри одного предложе-

ния встречается два примера употребления сочетания запятая плюс тире на месте одного знака препинания: *Только выскакал, глядь, – а перед самым им, на десяти-ну места, стоят татары верхами, – человек тридцать* [9, с. 308].

В первом случае позиция перед союзом *а* (запятая разделяет части сложносочиненного предложения, а тире, видимо, подчеркивает динамику действия, напряженность момента), во втором случае логичным знаком является тире, выделяющее обособленное распространенное приложение, стоящее в конце предложения, а запятая здесь – лишний знак.

И в современном русском языке в художественной речи можно найти много примеров, когда сочетание запятой и тире ставится по воле автора текста, чтобы сделать акцент на второй части конструкции, перед которой ставится тире. *Можно было позвонить, не слишком на кнопку нажимая, – и в тоне звонка появлялась робость* [2, с. 36] – запятая закрывает обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом, а вот для тире нет обязательности, оно потребовалось автору для выражения отношений следствия во второй части сложносочиненного предложения. В романе «Брисбен» можно заметить более десяти примеров предложений, где сочетание знаков запятая и тире поставлены автором не в соответствии с традиционными правилами пунктуации. Автор стремится сделать акцент на той части предложения, которую отделяет с помощью тире (и при комбинации с запятой, и без нее): *В этот раз, сев за парту Кислицына, учительница робко улыбнулась – изображая, очевидно, улыбку учащегося* [2, с. 19]; *Можно было позвонить, не слишком на кнопку звонка нажимая, – и в тоне звонка появлялась робость* [2, с. 19]; *Оставалось лишь слушать, что Глеб и делал, – новым слухом* [2, с. 160]. Подобные примеры авторского употребления сочетания знаков запятая и тире или одиночного тире можно найти в произведениях современной литературы.

Выводы

Существующая система постановки знаков препинания вполне логична и способна обслуживать письменную речь для ее адекватного графического оформления. Она традиционно опирается на три ведущих принципа – семантический (смысловой), грамматический и интонационный, что позволяет успешно решать различные по сложности задачи пунктуационного оформления текстов. Однако в области сочетания знаков существующие правила стоит дополнить и расширить, как и в случаях «поглощения» одного знака другим.

Сочетания знаков препинания А. Н. Карпов называет «пунктуационными схемами», каждая из которых оформляет определенную пунктуационную ситуацию. В таких схемах возможны пропуски знаков, если происходит их наложение друг на друга. Автор предлагает установить типологию сочетаний разных знаков препинания (от двух до восьми единиц в ряду). Описание каждого отобранного типа сочетаний позволит в значительной степени облегчить пишущим решение той или иной пунктуационной задачи.

Опираясь на выводы, сделанные А. Н. Карповым, на анализ примеров современного употребления сочетаний знаков препинания, стоит задуматься о разработке полноценной классификации случаев употребления пунктуационных сочетаний, причем начать следует именно с пары запятая плюс тире, учитывая частотность и многовариантность таких случаев.

Список источников и литературы

1. Анохина Т. Я. Из истории знаков препинания // Известия Московского государственного технического университета «МАМИ». 2009. № 1 (7). С. 230–233.
2. Водлазкин Е. Г. Брисбен. М.: АСТ, 2019. 410 с.
3. Гончаров А. Н. Обыкновенная история. М.: Худож. лит., 2024. 234 с.

4. Карпов А. Н. Функции периода в его отношении к содержанию и композиции текста (произведения) // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка : сб. ст. / ред. А. Н. Карпов [и др.]. Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1981. С. 67–79.
5. Карпов А. Н. Сочетание знаков препинания в современной русской пунктуации : учеб. пособие / науч. ред. Г. С. Галкина. Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1984. 88 с.
6. Потапчук И. В. Дозорные письменной речи // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 2. С. 248–251.
7. Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
8. Толстой Л. Н. Война и мир // Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1937. 361 с.
9. Толстой Л. Н. Кавказский пленник // Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 21. М.: Гослитиздат, 1957. 692 с.
10. Чернов В. И. О синтаксической однородности компонентов предложения // Русский язык в школе. 1985. № 5. С. 86–90.
11. Чехов А. П. Ионыч // Собр. соч. : в 12 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 8. 558 с.
12. Шапиро А. Б. Современный русский язык. Пунктуация : учеб. пособие для пед. ин-тов. 2-е изд., стер. М.: URSS : ЛЕНАНД, 2006. 292 с.

References

1. Anokhina, TYa 2009, 'Iz istorii znakov prepiniya' (From the history of punctuation marks), *Izvestiya MGPU «MAMI»*, vol 1 (7), pp. 230–233. (In Russ.)
2. Vodolazkin, EG 2019, *Brisben* (Brisbane), Izdatel'stvo AST Publ, Moscow. (In Russ.)
3. Goncharov, AN 2024, *Obyknovennaya istoriya* (The Same Old Story), *Khudozhestvennaya literatura Publ, Moscow*. (In Russ.)
4. Karpov, AN 1981, 'Funktsii perioda v ego otnoshenii k sodержaniyu i kompozitsii teksta (proizvedeniya)' (Functions of the period in its relation to the content and composition of the text (work)), in *Aktual'nye voprosy leksiki i grammatiki sovremennogo russkogo yazyka* (Topical issues of lexicon and grammar of the modern Russian language), Tul.gos.ped.in-tut im. L. N. Tolstogo Publ, Tula, pp. 67–77. (In Russ.)
5. Karpov, AN & Galkin, GS (ed.) 1984, *Sochetanie znakov prepiniya v sovremennoi russkoi punktuatsii* (Combination of punctuation marks in modern Russian punctuation: study guide), Tul.gos.ped.in-tut im. L. N. Tolstogo Publ, Tula. (In Russ.)
6. Potapchuk, IV 2017, 'Dozornye pis'mennoi rechi' (Sentinels of written discourse). *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)* (Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)), vol 2, pp. 248–251. (In Russ.)
7. Lopatin, VV (ed.) 2009, *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* (Rules of Russian orthography and punctuation: a complete academic reference book), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
8. Tolstoy, LN 1937, 'Voina i mir' (War and Peace), in *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t.* (Complete Collected Works: in 90 vols), vol 9, *Khudozhestvennaya literatura Publ, Moscow*. (In Russ.)
9. Tolstoy, LN 1957, 'Kavkazskii plennik' (), in *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t.* (Complete Collected Works: in 90 vols), vol 21, *Goslitizdat Publ, Moscow*. (In Russ.)
10. Chernov, VI 1985 'O sintaksicheskoy odnorodnosti komponentov predlozheniya' (On syntactic homogeneity of sentence components), *Russkii yazyk v shkole* (Russian language at school), vol. 5, pp. 86–90. (In Russ.)
11. Chekhov, AP 1954–1957, 'Tonych' (Ionych), in *Sobranie sochinenii* (Collected Works), vol. 8, *Goslitizdat Publ Moscow*. (In Russ.)
12. Shapiro, AB 2006, *Sovremennyi russkii yazyk. Punktuatsiya: ucheb. posobie dlya ped. in-tov* (Modern Russian language. Punctuation: textbook for pedagogical high schools), rev., 2nd edn, *URSS Publ, LENAND Publ, Moscow*. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 25.11.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 25.11.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 81-11.81'33

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182>

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЕРЕДИНЫ XIX В. В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО МЕТОДАМИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

**Елена Викторовна
Пронина¹**

**Дмитрий Дмитриевич
Пронин²**

¹Тулский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Россия, alepro@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)

Москва, Россия, DDPronin003@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0001-0521-1849>

Аннотация. В статье анализируется художественный текст первого произведения Л. Н. Толстого «Детство» в синхроническом аспекте с помощью методов компьютерной лингвистики. Показывается, каким образом с помощью цифровых технологий возможно установить неологические образования, наблюдая при этом картину развития литературного языка XIX в., становление нормы, расширение спектра грамматических и лексических инструментов языка.

Методически исследование строится на «наложении» набора уникальных слов текста повести «Детство» на опорный текст, наиболее близкий к эпохе его создания, – Словарь живого великорусского языка В. И. Даля. В исследовании дается подробное обоснование такой возможности.

Автоматическое составление списков уникальных слов словаря и рассматриваемого произведения производится при помощи программы на языке python. Описан алгоритм работы программы, включающий в себя: предобработку текста, токенизацию, лемматизацию, ручную верификацию.

В результате сопоставления выявлено 134 уникальных образования, являющихся неологическими феноменами. Осуществлена их ручная проверка по Национальному корпусу русского языка, дифференциальному словнику «Словаря русского языка XIX века», цифровой платформе «Социолит».

В статье проанализированы лексические новообразования Л. Н. Толстого, интерпретированы окказионализмы, впервые в истории русского литературного языка нового времени употребленные Толстым слова, 2 гапакса «Детства», а также слово, с развившемся в языке того времени и зафиксированным новым значением. Таким способом проводится исследование вклада писателя в описание картины формирования словарного состава русского литературного языка, отражающего изменения в духовной, социальной и материальной жизни российского общества середины XIX в.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, синхронический анализ, Л. Н. Толстой, неология, лексикология, окказионализм, неологизм, гапакс.

Для цитирования: Пронина Е. В., Пронин Д. Д. Исследование неологических тенденций развития русского литературного языка середины XIX века в творчестве Л. Н. Толстого методами компьютерной лингвистики // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 172–182. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182>

Сведения об авторе: Е. В. Пронина – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.;

Д. Д. Пронин – студент, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. 2-я Бауманская, д. 5, с. 1.

© Пронина Е. В., Пронин Д. Д., 2024

Scientific Article
UDC 81-11.81'33
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182>

THE STUDY OF NEOLOGICAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE MID-NINETEENTH CENTURY IN THE WORKS OF LEO TOLSTOY USING METHODS OF COMPUTATIONAL LINGUISTICS

*Elena V. Pronina*¹

*Dmitry D. Pronin*²

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, alepro@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russia, DDPronin003@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0001-0521-1849>

Abstract. The article analyzes the artistic text of Leo Tolstoy's first work "Childhood" in a synchronic aspect using the methods of computational linguistics. The paper shows how digital technologies can be used to establish neologic formations, while observing a picture of the development of nineteenth-century literary language, the formation of norms, and the expansion of the range of grammatical and lexical tools of the language.

Methodologically, the study is based on the "superimposition" of a set of unique words from the text of the story "Childhood" on the reference text closest to the time of its creation – the Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dahl. The study provides a detailed justification for this possibility.

A Python program is used to automatically create lists of unique words from the dictionary and the work. The paper describes the algorithm of the program including: text preprocessing, tokenization, lemmatization, and manual verification.

The comparative results revealed 134 unique entities that are neologic phenomena. The authors have carried out their manual verification using the National Corpus of the Russian Language, differential vocabulary of the Dictionary of the Russian Language of the 19th Century, and the *Sociolit* digital platform.

The article analyzes the lexical neoplasms of L. N. Tolstoy, interprets occasionalisms, words used by Tolstoy for the first time in the history of the Russian literary language of the new time, 2 hapaxes of "Childhood", as well as a word with a new meaning developed in the language of that time and fixed. In this way the authors conduct a study of the writer's contribution to describing the picture of the vocabulary formation of the Russian literary language, reflecting the changes in the spiritual, social and material life of Russian society in the middle of the nineteenth century.

Keywords: computational linguistics, synchronic analysis, Leo Tolstoy, neology, lexicology, occasionalism, neologism, hapax.

For citation: Pronina, EV & Pronin, DD 2024, 'The Study of Neological Trends in the Development of the Russian Literary Language of the Mid-nineteenth Century in the Works of Leo Tolstoy Using Methods of Computational Linguistics', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 172–182, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182> (in Russ.)

Information about the Authors: *Elena V. Pronina* – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia;

Dmitry D. Pronin – Student, Bauman Moscow State Technical University, 2nd Baumanskaya str., 5, building 1, Moscow, Russia.

Посвящение

Круг научных интересов профессора Александра Николаевича Карпова был весьма широк. Ученый занимался исследованием идиостиля Л. Н. Толстого, исторической лексикологией. Инновацией лексикографии стал дескриптивный «Пчеловодческий словарь» (1997). Александр Николаевич был открыт всему новому, передовому в лингвистической науке, что отражалось в его лекциях, которые бережно хранит память. В связи с этим позволительно и оправданно посвятить данное исследование, выполненное в русле начинающей развиваться в России научной дисциплины – компьютерной лингвистики, – его памяти и 100-летию юбилею.

Введение

В настоящее время в науке наблюдается становление новой цифроцентрической парадигмы. Самые яркие и перспективные результаты исследования достигаются на стыке фундаментальной и цифровой науки, что позволяет углубить и обогатить прежний взгляд на традиционные вещи и получить более объективные результаты. Не исключением является и история русского литературного языка. Новые методы исследования позволяют делать более глубокие, измеряемые объективные выводы, касающиеся вопросов развития национального литературного языка XIX века, нашедшего отражение в произведениях писателей– создателей образцового корпуса текстов, в которых складывается и запечатлевается языковая норма. В связи с этим следует обратиться к творчеству Л. Н. Толстого – мастера слова и создателя многих тенденций, являющихся лингвистическими новациями литературного языка нового времени.

Интересно обратить внимание на первое произведение Толстого «Детство», написанное в 1852 году, в котором прослеживается становление стиля начинающего писателя, образованность и начитанность которого позволяют говорить о высочайшей языковой культуре владения языком. Повесть писалась более года и четыре раза заново редактировалась автором, который пристально следил за текущей журналистикой, а значит, использовал «живой» язык того времени, понятный образованному читателю, поэтому произведение закономерно исследовать в плане отражения актуальных лексических, словообразовательных и грамматических процессов развития языка середины XIX века.

Целью исследования является выявление в толстовском тексте неологизмов квантитативными методами современной компьютерной лингвистики «наложением» текста единственного близкого по времени лексикографического источника на текст повести.

Материалы и методы

Несомненно, что уже в первой редакции «Детства» мы находим проявление тех особенностей художественного творчества Толстого, которые органически были ему свойственны на всем протяжении его жизни. «Работа над четвертой и последней редакцией “Детства” была начата Толстым 30 мая 1852 года в Пятигорске и закончилась там же 3 июля того же года. К сожалению, полного представления о том, в чем состояла работа Толстого над последней редакцией его повести, мы не можем себе составить, так как рукопись этой редакции не сохранилась, а в “Современнике” повесть была напечатана с большими цензурными пропусками и смягчениями и с рядом исправлений, сделанных редакцией журнала. Художественная отделка, которой подверглась повесть в последней редакции, выразилась прежде всего в сокращении текста, в удалении всего того, что являлось отступлением от хода рассказа и замедляло действие» [2].

Под названием «История моего детства» повесть опубликована в журнале «Современник» для регулярно читающей публики. Данный факт еще раз подчеркивает «живой» характер еще не зафиксированной словарями нормы в синхронии.

По языку «Детства» объективно для нашего времени, можно судить о состоянии литературного языка середины XIX века. Другими словами, в «Детстве» Толстой выступает своеобразным зачинателем всеобщих языковых тенденций, сразу признанных нормативными, ставших академическими.

Лексикография середины XIX века претерпевает период своего научного становления, причем одним из направлений ее развития является именно привлечение текстов периодических изданий для фиксации языковых фактов. Тем не менее, издание нового академического словаря литературного языка будет осуществлено лишь в самом начале 1890-х годов академиком Я. К. Гротом. В предисловии «Словаря русского языка» отмечается: «В прежнем академическом словаре выписки из книг делались очень редко, и притом большею частью из памятников старинной письменности; при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его, и источником для них служат все первоклассные и некоторые второстепенные писатели» [9]. Таким образом, по мнению С. А. Эзерини, впервые русская лексикография начинает использовать лексическое богатство классической литературы и материалы периодических изданий несколькими десятилетиями позже издания «Детства» [15].

Таким образом, самым близким по времени лексикографическим источником к «Детству» является Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, в соотношении с которым можно измерять употребление Толстым новых слов, типов словообразования и грамматических новаций. В словаре содержится около 200 тысяч слов, из них 63–72 тысячи – это общеизвестные в XIX веке слова, не попавшие ранее в другие словари.

Словарь Даля концептуально, по его собственному замечанию, представляет «живой язык». До В. И. Даля такой задачи перед собой никто из лексикографов не ставил. В. И. Даль включил в словарь ту речь, которую активно использовал в языковой практике русский народ. «Языковая ситуация в России XIX века была сложной и характеризовалась языковым дуализмом: большим разрывом между книжно-письменным русским языком, в котором остро ощущалось влияние старославянского и церковнославянского начал, и бытовым разговорным русским языком, на котором говорили в повседневной жизни простые люди. Русская знать как наиболее образованная часть социума предпочитала говорить между собой на французском языке... В. И. Даль сам последовательно демонстрировал отказ от иностранных слов в своих научных работах и художественных произведениях» [10, с. 50].

Целью исследования является выявление в толстовском тексте неологических тенденций методами компьютерной лингвистики наложением текста единственного близкого по времени лексикографического источника на текст повести. Текст словаря при этом считается опорным текстом, причем словарь берется не в заглавных формах словарных статей, а во всем многообразии слов. Разницу, относящуюся к тексту Толстого, полученную путем наложения анализируемого и опорного текстов, предлагается считать нелогическим феноменом и для более точных выводов верифицировать, сопоставив с национальными платформами корпусов русского языка. Другими словами, факты первых употреблений проверяются на основании текстового (цитатного) материала, имеющегося в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [6], дифференциальном словнике «Словаря русского языка XIX века», составленного на базе Большой картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН, картотеки «Словаря русского языка XIX века» [8], а также на базе цифровой платформы «Социолит» в рамках проекта «Русская литература в социальном измерении» НИУ ВШЭ [11]. Таким способом проводится исследование вклада писателя в описание картины формирования словарного состава русского литературного языка, отражающего из-

менения в духовной, социальной и материальной жизни российского общества середины XIX века. Исследование имеет основой суждение о том, что несмотря на, а иногда и вследствие того, что речь персонажа специально обработана автором – создателем произведения в соответствии с определенными ограничениями стиля и жанра, язык художественного произведения может служить достаточным иллюстративным материалом для исследования тенденций неологических процессов языковой продуктивности.

До цифровых методов анализа художественного текста для выявления неологизмов применялся хронологический и/или антропоцентрический подход. Хронологический подход объективно определял неологизм с момента первой фиксации в словаре, а также руководствовался критерием «субъективной новизны слова: ощущением слова как новой лексической единицы носителем языка» [1]. Развитие новых областей филологической науки, в частности компьютерной лингвистики, сегодня позволяет пополнить методический аппарат исследования языковых новаций методами, применение которых способствует более детальной интерпретации результатов.

Для «пересечения» опорного текста словаря с анализируемым текстом устанавливается следующий порядок: предобработка текста, токенизация, лемматизация, ручная верификация.

Предобработка текстов включает в себя удаление знаков пунктуации, некириллических символов и приведение всех кириллических символов к нижнему регистру (прописные буквы).

Следующим шагом является автоматическое составление списков уникальных слов словаря и рассматриваемого произведения (токенизация), производимое при помощи программы на языке python. Под уникальным словом понимается набор символов, отделенный пробелами и встречающийся в тексте один или несколько раз, но рассматриваемый как отдельная единица независимо от частоты его появления. Например, если в тексте встречаются слова *дом, дерево, дом, река, дерево*, то уникальными словами будут *дом, дерево и река*. Эти слова составляют список уникальных слов данного текста, независимо от того, сколько раз они встречаются в тексте. Стоит отметить, что список уникальных слов опорного текста формируется из всех встречаемых в нем слов, а не только из тех слов, которым дается толкование. Это позволяет отразить состояние языка на момент издания словаря в полной мере, так как некоторым словам, используемым в словарных статьях, в самом словаре не дается толкование.

Так как с большой долей вероятности редкие слова, неологизмы, гапаксы являются низкочастотными для современного словаря или, возможно, авторскими (окказиональными), с целью минимизации риска их пропуска, автоматическая лемматизация (приведение слов к начальной форме) в процессе формирования списков не производится.

С некоторой долей вероятности в список уникальных слов может попасть слово, которое применено в большом количестве падежей в анализируемом тексте и в меньшем количестве – в опорном. В таком случае заключительным шагом анализа является ручная верификация результатов: каждое слово полученного списка приводится к начальной форме вручную и его первое, возможно, раннее употребление проверяется по НКРЯ, Словарю русского языка XIX века ИЛИ РАН, платформе «Социолит» или другому корпусному хранилищу.

Затем производится филологическая интерпретация полученных результатов, с точки зрения языковых инноваций на фоне развития языка.

Описанный метод выделения неологизмов любого свойства легко масштабируется и может быть применен не только к отдельным произведениям, но и к целым

корпусам текстов, отобранным по определенному признаку, по заданным поисковым параметрам. Выбор корпуса для анализа не ограничивается одним или несколькими словарями. Он может быть сформирован целесообразно задачам исследования.

Результаты

Путем цифрового сопоставления повести Л. Н. Толстого «Детство» [12] с Толковым словарем живого великорусского языка В. И. Даля [3], представленным во всем многообразии его словесного оформления, выявлено 143 уникальных несовпадения, предположительных случаев употребления лексических и грамматических неологизмов для языкового узуса середины XIX века.

Для истории русского литературного языка большой интерес представляют многочисленные словообразовательные новшества: употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, суффиксов, придающих слову абстрактное значение, грамматические новации: уже в первом произведении Толстой выступает как лидер среди писателей-современников по употреблению атрибутивной формы глагола – причастий. По данным А. И. Радченко, Л. Н. Толстой лидирует среди писателей XIX века по употреблённой причастий.

Однако особое внимание следует обратить на зафиксированные при помощи методов компьютерной лингвистики факты употребления в повести и индивидуально-авторских образований, неологизмов или редких лексем.

Впервые у Толстого появляется, вводится в литературный язык наречие *вполуоборот* в значении 'повернувшись наполовину', созданное писателем по существующей в языке XIX века словообразовательной модели приставочным способом от наречия *полуоборот*, образованного, в свою очередь, лексико-синтаксическим способом (сращения с усечением производящей основы *половина*): «*Подле нее вполуоборот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло еще более строгое выражение, как только вошел Карл Иваныч*» [12, глава II, с. 28]. НКРЯ подтверждает факт первого употребления лексемы. *Вполуоборот* является гапаксом повести «Детство».

Позже Толстой повторно употребляет лексему в романах «Война и мир» (1867–1869), «Анна Каренина» (1878). Кроме текстов Толстого лексема встречается только в художественных текстах И. А. Гончарова, в романе «Обломов» в 1859 году. Все последующие употребления относятся уже к концу XIX века: у П. Д. Боборыкина в романе «Василий Теркин» (1892) и у Н. Г. Гарина-Михайловского в повести «Детство Темы» (1892).

Таким образом, можно заключить, что наречие *вполуоборот* является лексической новацией Толстого и именно благодаря ему вошло в русский литературный язык нового времени.

В «Детстве» расширяет свои лексические возможности заимствованное из греческого языка слово *диалог* в контексте: «*Карл Иваныч был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод, и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов, чтобы означить то место, до которого мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же так был расстроен, что решительно ничего не мог делать. Долго бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слез, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать...*» [12, Глава IV, с. 28]. Из контекста ясно, что речь идет о процессе учения. Карл Иваныч преподавал детям Иртеньевых немецкий язык.

Согласно данным НКРЯ вплоть до начала XIX века слово *диалог* употреблялось в русском языке в значениях:

– *философская беседа* («Диалоги» Платона, Лукиана, Сократа, в церковно-богословской сфере, в частности «Диалоги» митрополита Стефана (Яворского) в проповедях (1700–1722));

– *формат драматургического письма, сценический диалог* (публицистические тексты конца XVIII – первой трети XIX века, в частности в периодических изданиях: «Московской Журналь» (1791), журнал энциклопедический «Московский наблюдатель» (1837); в литературном письме А. В. Дружинина 1850 года, опубликованном в шестом томе его собрания сочинений (1865) [4]);

– *тип учебного текста при обучении иностранному языку*. Фиксацию такого значения находим у Л. Н. Толстого впервые в литературном языке нового времени. В приведенном контексте слово репрезентует учебный дискурс, т. е. является семантическим неологизмом. Кроме того, писатель свидетельствует об использовании практико-ориентированного метода обучения иностранному языку, в частности немецкому, несмотря на то что, по свидетельствам историков лингводидактики, на протяжении XIX века ведущая роль в обучении отводилась грамматико-переводному методу. Подтверждает факт употребления слова *диалог* в таком значении и С. Т. Аксаков в «Биографии Михаила Николаевича Загоскина», однако уже в конце 1852 года (тогда как повесть «Детство» была опубликована в журнале «Современник» № 9 в сентябре 1852 года): «Тогда же Загоскин написал несколько “Разговоров в прозе”, очень веселых и забавных, вроде учебных разговоров или диалогов» [6].

Если говорить о широте лингвистического кругозора и языковом чутье молодого Толстого, следует отметить употребление им слов, еще не вошедших в активный словарь носителя языка.

В начале XIX века из немецкого языка заимствовано слово *клякса* в значении ‘пятно’ (*der Klecks* – производное от *klecken* ‘пачкать’ [14]). В повести «Детство» оно употреблено во множественном числе: «Когда дошло дело до чистописания, я от слез, падавших на бумагу, наделал таких клякс, как будто писал водой на оберточной бумаге» [12, глава IV, с. 28]. Заслуживает внимания грамматическая история слова: в середине XIX века в русском языке оно употребляется в женском роде, несмотря на исконный мужской (зафиксировано НКРЯ у А. Ф. Вельтмана в «Приключениях, почерпнутых из моря житейского. Саломея», 1848, и у М. В. Авдеева в романе «Тамарин», 1851). Тогда как употребление в мужском роде, как ни странно, фиксируется лишь ближе к концу XIX века в статьях журнала «Современник» и письмах М. Е. Салтыкова-Щедрина (1863, 1881 – 1882), а также в романе М. К. Йогеля «Между вѣчностью и минутой» (1880).

Дискуссия

Таким образом, при всех обвинениях молодого Толстого в чрезмерном увлечении заимствованиями (по свидетельству Н. Н. Гусева, «язык повести далеко не совершенен...» [2]), в «Детстве» можно отметить степенность и разумный характер Толстого-стилиста в этом отношении. Хороший пример этому – употребление слова *себялюбец*: «Прочтя эту записку, в которой Карл Иваныч требует, чтобы ему заплатили все деньги, издержанные им на подарки, и даже заплатили бы за обещанный подарок, всякий подумает, что Карл Иваныч больше ничего, как бесчувственный и корыстолюбивый себялюбец, и всякий ошибется» [12, глава XI, с. 28]. В. И. Даль в Словаре живого великорусского языка посвящает отдельную словарную статью лексеме *эгоизм*, объясняя значение французского заимствования при помощи исконно русских слов: «ЭГОИЗМ м. лат. себялюбие, самотность или самотство; забота об одном лишь самом себе, без вниманья к другим. Эгоистический, -чный, к сему относящ. Эгоист м. -тка ж. себялюб, самотник, себятник, кто добр к одному себе, а до других ему нужды нет. Самотник говорит: было бы мне хорошо, а там – хоть волк траву ешь! | Эгоистка, легкий экипаж, линейка с сиденьем

для одного (Наум.)» [3]. Толстой же предпочитает образованное лексико-синтаксическим способом сложное праславянское по происхождению слово *себялюбец*, активно употребляемое с начала XIX века (когда, очевидно, заимствование и произошло) следующими авторами: Ф. Н. Глинкой в «Письмах русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год» (1812 – 1817), А. А. Бестужевым-Марлинским в «Письмах из Дагестана» (1831), Ф. М. Достоевским в «Бедных людях» (1846). Обращает на себя внимание вкус и языковое чутье Толстого как хранителя национального в языке.

Отнюдь не исключением, а еще одним ярким примером этому является использование «народной» сельскохозяйственной, однако отсутствующей в Словаре Даля лексемы *унавоживание*: «Я помню из них три: немецкую брошюру об унавоживании огородов под капусту – без переплета, один том истории Семилетней войны – в пергаменте, прожженном с одного угла, и полный курс гидростатики» [12, глава I, с. 28]. Слово *навоз* – общеславянское по происхождению – 'то, что навезено в качестве удобрения' [14]. Вне всяких сомнений активно употреблялось в национальном языке в земледельческом дискурсе как знак-инструментатив номинации способа возделывания земли и производства сельскохозяйственной продукции. Писатель первым употребил его в тексте художественного произведения как деталь предметной изобразительности, призванной углубить психологизм: ребенок в своем чистом мировосприятии точно, документально помнит всё, даже кажущиеся несущественными для нас, взрослых, детали, в частности названия книг, стоящих на «собственной» полочке Карла Ивановича.

До Толстого слово использовалось А. М. Разумовым, переведившим трактат В. Крафта по математической и физической географии с немецкого языка (1764). Употребил это слово в дневниковых записях отчетов по экспедициям ученый-испытатель И. И. Лепехин («Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства», 1768 – 1769). Являясь лексикографом, одним из составителей Словаря Академии Российской (1789 – 1794), ученый не посчитал нужным включить лексему в корпус слов, очевидно, ввиду того, что посчитал его узкоспециальным, не используемым образованным активным носителем национального языка. Слово актуализируется в 1841 году Ф. В. Булгариным в статье «Управление имением» (1841), свидетельствуя тем самым о совершенствовании в XIX веке функциональной разновидности литературного языка, обслуживающего сферу науки. Переводы фундаментальных научных трудов, примеры систематического описания европейских авторов, а также оригинальные сочинения российских учёных, дали импульс к формированию русской научной и специальной терминологии. Толстой как человек открытый всему новому и интересующийся вопросами хозяйствования запечатлел слово *унавоживание* в своем первом произведении из «живого» русского языка, несмотря на то что брошюра на полочке Карла Ивановича была издана на немецком языке. После «Детства» слово расширяет свои функциональные возможности: в публицистическом дискурсе его употребляет М. Е. Салтыков-Щедрин в письмах (1868 – 1870), в художественной литературе – А. И. Эртель в романе «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889), высоко оцененном Толстым, написавшим к одному из изданий романа предисловие.

Заключение

Таким образом, наряду с употреблением актуальных для середины XIX века определенного количества заимствованных слов, Толстой использует живые народные слова, подтверждая тем самым факт мастерского владения всеми регистрами и богатствами национального языка. Кроме того, в первом своем произведении Тол-

стой является создателем определенных лексических новаций, продолжившим свое развитие в языке XIX века.

Подобное цифровое синхронно-диахроническое рассмотрение языка повести позволяет проследить ее состав, а также выявить основные тенденции системной языковой динамики в процессе формирования в XIX веке единой общенациональной формы словоупотребления, т. е. складывания литературного письменного языка нового времени. Современные методы дают возможность сделать синхронический языковой срез середины XIX века по конкретному произведению. В таком аспекте каждое произведение можно рассматривать как фрагмент языковой действительности своего времени, который на фоне всего художественного творчества XIX века помогает делать объективные выводы относительно диахронии языка. Заметный вклад подобные исследования вносят и в исследования особенностей идиостиля писателя.

Исследование может быть полезно в качестве дополнения к материалам «Словаря русского языка XIX века», составленного на базе Большой картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН, картотеки «Словаря русского языка XIX века», в которой, как видно по состоянию сайта, произведения Л. Н. Толстого не представлены.

Список источников и литературы

1. *Гугунава Д.* Актуальные области исследования в неологии // Проза.ру : рос. лит. портал. URL: <https://proza.ru/2002/12/18-52> (дата обращения: 14.10.2024).
2. *Гусев Н. Н.* Л. Н. Толстой: материалы к биографии с 1828 по 1855 год. Глава 8. Первая повесть Толстого «Детство» // Лев Толстой : сайт. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-materialy-1828-1855/pervaya-povest-tolstogo-detstvo.htm> (дата обращения: 14.10.2024).
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Электрон. версия печ. изд. URL: https://librebook.me/tolkovi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka?ysclid=lz9w73lucy568601335 (дата обращения: 14.10.2024). Доступ на сайте LibreBook.
4. *Дружинин А. В.* Собрание сочинений // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/ (дата обращения: 14.10.2024).
5. *Калиновская В. Н.* Типы лексических новаций в русском языке XIX века: универсальные словообразовательные модели "в действии" // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2008. № 3. С. 16–24.
6. Национальный корпус русского языка. М., 2003–2024. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).
7. *Радченко А. И.* Причастия как функционально-речевые единицы (на материале произведений русской прозы // Культура и текст. 2022. № 3 (50). С. 167–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichastiya-kak-funktsionalno-rechevye-edinitsy-na-materiale-proizvedeniy-russkoj-prozy> (дата обращения: 17.10.2024).
8. Словарь русского языка XIX в. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. Электрон. изд. URL: <https://xix.iling.spb.ru> (дата обращения: 14.10.2024).
9. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1891–1895. Электрон. копии печ. изд. URL: <https://www.prlib.ru/section/1904108?ysclid=m2daqz7fsg863019556> (дата обращения: 14.10.2024). Доступ на портале Президентской библиотеки.
10. *Соболева И. А.* Жизнь слова русского в «Толковом словаре живого великорусского языка» // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2022. № 2 (76). С. 49–54.
11. Социолит : [цифровая аналитическая платформа]. URL: <https://sociolit.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

12. Толстой Л. Н. Детство : [текст произведения] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. [Б. м.], 1996–2024. URL: <https://ilibrary.ru/text/1179/p.1/index.html?ysclid=m1s5rnp91658636719213> (дата обращения: 01.08.2024).
13. Феликсов С. В. Имена существительные религиозной семантики на -ник в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 2. С. 201–212.
14. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004. 398 с.
15. Эзериня С. А. Публицистика и русская лексикография XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 174–185.

References

1. Gugunava, D 2002, 'Aktualnye oblasti issledovaniya v neologii' (Current areas of research in neology), *Proza.ru*, viewed 14 October 2024, <https://proza.ru/2002/12/18-52> (In Russ.)
2. Gusev, NN 1828-1855, 'L. N. Tolstoy. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god. Glava 8. Pervaya povest' Tolstogo «Detstvo»' (Leo Tolstoy. Materials for a biography from 1828 to 1855. Chapter 8. Tolstoy's first story "Childhood"), *Lev Tolstoy*, viewed 14 October 2024, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-materialy-1828-1855/pervaya-povest-tolstogo-detstvo.htm> (In Russ.)
3. Dahl, VI (ed) 1863-1866, 'Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka' (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), *LibreBook.me*, viewed 14 October 2024, https://librebook.me/tolkovi_slovar_jivogo_velikoruskogo_jazyka?ysclid=lz9w73lucy568601335 (In Russ.)
4. Druzhinin, AV 1865, 'Sobranie sochineniy' (Collected works), *Lib.ru: "Klassika"*, viewed 14 October 2024, http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/ (In Russ.)
5. Kalinovskaya, VN 2008, 'Tipy leksicheskikh novatsiy v russkom yazyke XIX veka: universalnyye slovoobrazovatelnyye modeli "v deystvii"' (Types of lexical innovations in the Russian language of the 19th century: universal word-formation models "in action"), *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy` instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, no. 3, viewed 14 October 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-leksicheskikh-novatsiy-v-russkom-yazyke-xix-veka-universalnyye-slovoobrazovatelnyye-modeli-v-deystvii> (In Russ.)
6. *Russian national corpus* 2003–2024, viewed 14 October 2024, <https://ruscorpora.ru/> (In Russ.)
7. Radchenko, AI 2022, 'Prichastiya kak funktsionalno-rechevye edinitcy (na materiale proizvedeniy russkoy prozy' (Participles as functional speech units (based on the material of works of Russian prose), *Kultura i tekst*, no.3 (50), viewed 17 October 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/prichastiya-kak-funktsionalno-rechevye-edinitcy-na-materiale-proizvedeniy-russkoy-prozy> (In Russ.)
8. *Slovar russkogo yazyka XIX v. SPb* (Dictionary of the Russian language of the 19th century. St. Petersburg ILI RAN, 2024), viewed 17 October 2024, <https://xix.iling.spb.ru> (In Russ.)
9. *Slovar russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk* (Dictionary of the Russian language compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences) 1891–1895, FGBU «Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. Yel'tsina», vol. 1 (A–D), St. Petersburg, viewed 17 October 2024, <https://www.prlib.ru/section/1904108?ysclid=m2daqz7fsg863019556> (In Russ.)
10. Soboleva, IA 2022, Zhizn slova russkogo v «Tolkovom slovare zhivogo velikoruskogo yazyka (The life of the Russian word in the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language), *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki*, no. 2 (76), pp. 49-54, viewed 17 October 2024, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49513769&ysclid=m2dau8bk1c588460148> (In Russ.)
11. *Sociolit.ru* 2024, viewed 14 October 2024, <https://sociolit.ru/> (In Russ.)

12. Tolstoy, LN 1853, *Detstvo. Tekst proizvedeniya* (Childhood. The text of the work), viewed 14 October 2024, <https://ilibrary.ru/text/1179/p.1/index.html?ysclid=m1s5pnp91658636719213> (In Russ.)
13. Feliksov, SV 2023, 'Imena sushhestvitelnyye religioznoy semantiki na -nik v russkom yazyke XVIII veka (na materiale leksikograficheskikh proizvedeniy grazhdanskoj pechati)' (Nouns of religious semantics in the Russian language of the 18th century (based on the material of lexicographic works of the civil press), *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, no. 2, viewed 14 October 2024, <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-suschestvitelnye-religioznoy-semantiki-na-nik-v-russkom-yazyke-xviii-veka-na-materiale-leksikograficheskikh-proizvedeniy> (In Russ.)
14. Shanskiy, NM & Bobrova TA, 1963, *Shkolnyy etimologicheskij slovar russkogo yazyka* (School etymological dictionary of the Russian language), viewed 14 October 2024, <https://gufo.me/dict/shansky> (In Russ.)
15. Ezerinya, SA 2020, 'Publitsistika i russkaya leksikografiya XIX veka' (Journalism and Russian lexicography of the 19th century), *Slayanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* (Slavic Historical Lexicology and Lexicography), vol. 3, pp. 174-185, viewed 14 October 2024, <https://shll.iling.spb.ru/ru/node/191?ysclid=mopkaouk1a530752910> (In Russ.)

Вклад авторов:

Пронина Е. В. – написание статьи, научное редактирование текста.

Пронин Д. Д. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Elena V. Pronina – writing an article, scientific text edition.

Dmitry D. Pronin – collection and processing of material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2024

Одобрена после рецензирования: 21.12.2024

Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 17.10.2024

Approved after reviewing: 21.12.2024

Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 81.33+811.11

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-183-192>

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЛЕНТ МЕССЕНДЖЕРОВ КАТЕГОРИИ «НОВОСТИ И СМИ»

**Виктория Ивановна
Иванова ¹**

^{1,2} Тульский государственный университет

Тула, Россия

¹ vik26620009@yandex.ru

**Анна Александровна
Буряковская ²**

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1339-4304>

² annaburya@hotmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены структурные, синтаксические, лексические особенности новостных лент мессенджеров. Относительная новизна данного средства коммуникации, высокая востребованность у пользователей различной языковой и культурной принадлежности обусловили интерес к его изучению с лингвистической точки зрения.

Эмпирической базой работы послужили тексты лент категории «Новости и СМИ». С целью исследования лингвистических особенностей языкового материала применялись лингвистические и общенаучные методы.

В статье представлены характеристики оформления новостей, отражающие не только специфику языка в цифровых медиа, но и влияние на восприятие аудиторией информации о политических событиях. Отмечено, что способы адаптации текстов для читателя, представляющего культуру языка перевода, определяются с учетом характерных черт электронных источников.

Проведенный анализ источников категории «Новости и СМИ» позволил выделить некоторые лингвистические и экстралингвистические особенности оформления новостей: экономия языковых средств (лексических, синтаксических); неологический бум, создание аббревиатур; визуальное воздействие на реципиента; интерактивность в коммуникации; агрегирование информации; применение хэштегов и ключевых слов; отсутствие сложных синтаксических конструкций; использование особых средств выражения эмоций; использование средств создания позитивного настроения аудитории.

В работе уделено внимание синтаксическим особенностям языка новостных лент. Синтаксис современных мессенджеров функционален и достаточно прост. Речь о преобладании простых синтаксических конструкций, достаточно частом использовании неполных предложений, большом количестве атрибутивных словосочетаний.

Авторами отмечено, что новостные ленты мессенджеров, являющиеся новым типом дискурса, отражают в цифровом пространстве коммуникативные процессы, происходящие в современном обществе, и оказывают значительное влияние на медийную аудиторию.

Ключевые слова: новостная лента мессенджеров, цифровое пространство, коммуникационные процессы, языковые особенности, способы перевода.

Для цитирования: Иванова В. И., Буряковская А. А. К вопросу о языковых характеристиках лент мессенджеров категории «Новости и СМИ» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 183–192. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-183-192>

Сведения об авторах: В. И. Иванова – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Тульский государственный университет, 300012, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 92;

А. А. Буряковская – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода, Тульский государственный университет, 300012, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 92

Scientific Article
UDC 81.33+811.11
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-183-192>

LANGUAGE OF NEWS AND MEDIA MESSENGER FEEDS

*Viktorii I Ivanova*¹

*Anna A. Buryakovskaya*²

^{1, 2} Tula State University

Tula, Russia

¹ vik26620009@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-1339-4304>

² annaburya@hotmail.com

Abstract. The article examines the structural, syntactic, and lexical features of messenger newsfeeds. The relative novelty of this means of communication and its high demand among users of various linguistic and cultural backgrounds have led to interest in its study from the linguistic point of view.

The empirical basis of the work are the texts of *News and Mass media* feeds. In order to study the linguistic features of language material, linguistic and general scientific methods were used.

The article presents the characteristics of news design, reflecting both the specifics of the language in digital media, and the impact on the audience's perception of information about political events. It is noted that the ways of adapting texts for the reader representing the culture of the target language are determined taking into account the characteristic features of electronic sources.

The analysis of sources of the *News and Media* category allowed us to identify some linguistic and extralinguistic features of news design: saving language resources (lexical, syntactic); neological boom, creation of abbreviations; visual impact on the recipient; interactivity in communication; aggregation of information; use of hashtags and keywords; lack of complex syntactic constructions; the use of special means for expressing emotions; use of means for creating a positive attitude of the audience.

The paper pays attention to the syntactic features of the newsfeed language. The syntax of modern messengers is functional and quite simple: predominance of simple syntactic constructions, frequent use of incomplete sentences, and a large number of attributive phrases are noted.

The authors noted that messenger newsfeeds, which are a new type of discourse, digitally reflect the communicative processes taking place in modern society and have a significant impact on the media audience.

Keywords: messenger newsfeed, digital sphere, digital space, communication processes, language features, translation methods.

For citation: Ivanova, VI & Buryakovskaya, AA 2024, 'Language of News and Media Messenger Feeds', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 183–192, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-183-192> (in Russ.)

Information about the Authors: *Viktorii I. Ivanova* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Chair of Linguistics and Translation, Tula State University, 92, Lenin Prospect, Tula, 300012, Russia; *Anna A. Buryakovskaya* – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Translation, Tula State University, 92, Lenin Prospect, Tula, 300012, Russia.

© Ivanova V. I., Buryakovskaya A. A., 2024

Посвящение

Статья посвящается памяти А. Н. Карпова. Разделяя позицию Александра Николаевича, для проведения лингвистического исследования авторы обратились «не столько к абстрактным лингвистическим построениям, сколько к живому конкретному речевому материалу, к изучению его содержательных /смысловых/, коммуникативных и выразительных возможностей» [6, с. 18]. Отдавая дань традиционным канонам литературного языка, структурным, синтаксическим основам построения классических текстов, нельзя не признать следующее. Для того, чтобы идти в ногу со временем, понимать молодое поколение и быть понятными для них, надо изучать языковые особенности, характерные для современных средств и способов коммуникации. Но изучать, базируясь на методологии классиков, и отдавая дань их вкладу в филологическую науку.

Введение

Сегодня одним из наиболее значимых инструментов обмена информацией, формирования общественного мнения выступают социальные медиа. Так, популярной и востребованной онлайн-платформой является мессенджер Телеграм, пользователи которого имеют возможность создания и ведения каналов для размещения контента различной направленности.

Изначально мессенджер Телеграм был разработан на русском языке, но в последующем большое распространение получили официальные англоязычные телеграм-каналы. В силу популярности английского языка в мире, большой численности англоязычной аудитории, они являются важными инструментами коммуникации, представления новостей, распространения информации различной направленности.

С лингвистической точки зрения официальные англоязычные телеграм-каналы представляют собой интересное явление для исследования в контексте их языковой специфики.

Актуальность работы обусловлена относительной новизной телеграм-каналов как средства коммуникации, представляющего интерес для изучения с лингвистической точки зрения, их высокой востребованностью у пользователей различной языковой и культурной принадлежности.

Лексический, стилистический, синтаксический анализ лингвистического контента официальных англоязычных телеграм-каналов позволит определить тенденции и изменения, которые могут происходить в различных сферах коммуникации в цифровом пространстве.

Целью данной работы выступает изучение языковых особенностей официальных англоязычных телеграм-каналов, анализ влияния этих особенностей на коммуникативные процессы в цифровом пространстве.

Неоспорим тот факт, что в настоящее время телеграм-каналы стали для пользователей значимым средством коммуникации и распространения информации. Люди имеют возможность оперативно узнавать новости, участвовать в различных дискуссиях, а также следить за теми или иными событиями в режиме реального времени. Причина стремительного развития и популярности телеграм-каналов объясняется рядом особенностей, отличающих их от традиционных медиа и других социальных платформ.

В качестве таких особенностей выступают, в частности, высокая степень анонимности, возможность создания частных сообществ, гибкость и вариативность представления контента. Телеграм-каналы могут являться платформой для различных типов контента, включая новости, аналитику, развлекательные ресурсы, личные блоги. Возможность оперативного получения информации напрямую без посредников повышает популярность этого мессенджера.

С лингвопрагматической точки зрения интересными для изучения являются вопросы выбора формата представления информации, стиля и языка общения, стратегий привлечения внимания аудитории, а также некоторые этические вопросы. Изучение вышеназванных аспектов будет способствовать пониманию причин популярности телеграм-каналов, позволит оценить их влияние на медийное пространство и общество в целом.

Материалы и методы

С целью исследования лингвистических особенностей англоязычных телеграм-каналов применялись лингвистические и общенаучные методы.

Применен метод научного описания иллюстративного материала, метод анализа, синтеза, проведения аналогий, выдвижения и проверки гипотез, метод систематизации. Применялись метод компонентного, контекстуального, сопоставительного и интерпретационного анализа.

При обобщении данных, полученных методом сплошной выборки, учитывались общенаучные методы анализа и классификации данных. С помощью проведенных сопоставительного и интерпретационного анализов в эмпирическом материале было обнаружено то, что ускользает при его традиционном диахроническом изучении.

Эмпирической базой данной работы послужили тексты англоязычных телеграм-каналов категории «Новости и СМИ», рассказывающих о событиях в странах БРИКС [15], Узбекистане [16], странах Африки [12], странах Ближнего Востока [14], Ливане [11], Кении [13], палестино-израильском конфликте [17], [18], а также телеграмм-канал [10] и сайт [20] российского телеканала RT. Представленные в статье выводы являются обобщением проанализированного материала.

Результаты

Являясь новым типом медиадискурса, телеграм привлекает внимание научной общественности. Несмотря на относительную новизну в качестве объекта лингвистического исследования, телеграм-каналы изучаются лингвистами с различных точек зрения

Так, исследователями рассматриваются вопросы коммуникации в телеграм-каналах. Изучая особенности политической коммуникации в русскоязычных политических сообществах, О. В. Попова предлагает авторскую типологию телеграм-каналов с точки зрения экспертной, доминирующей или манипулятивной функции. С учетом стиля сообщения, наличия / отсутствия обратной связи, формата коммуникации аудитории с автором постов предлагаются модели позиционирования авторства канала. Исследователем приводятся примеры использования приемов снижения стиля речи, цифровой демагогии, театрализации, манипулятивного креатива, сценарных перформансов и т. д. в популярных политизированных интернет-каналах. Обращается особое внимание на усиление эмотивности, экспрессивности, манипулятивности, иллогичности, эксцентричности, интерактивности текста в сравнении с классической моделью политического информирования аудитории [7, с. 215–229].

Изучая коммуникативные стратегии блогеров, Т. А. Баяндина выделяет средства мультимодальности, персонифицирования, интимизации, диалогизации коммуникации, используемые для привлечения целевой аудитории и увеличения числа подписчиков [2, с. 65–68].

Особое внимание в работах уделяется изучению манипулятивных средств привлечения подписчиков. Так, Е. А. Глазкова в своей работе приводит примеры манипуляции с опорой как на положительные, так и на негативные эмоции получателя информации [3, с. 60–63]. Необходимый эмоциональный фон обеспечивается использованием лексических единиц, выражающих оценку, наличием восклица-

тельных предложений и т. д. В манипулятивных целях применяется прием создания интриги, когда подписчик видит часть сообщения, чтобы узнать финал интригующей истории, вынужден подписаться на канал. Используется также призыв к целевому действию, когда имплицитное сообщение как бы подталкивает к совершению действия («Подпишитесь и будьте успешными в чем-либо»).

Интересным представляется рассмотрение дидактического потенциала телеграм-каналов: как в процессе преподавания школьных дисциплин, так и в процессе повышения квалификации работающих специалистов. Так, С. А. Хаустовым предложено дидактическое решение по использованию телеграм-канала для школьного курса биологии: представлен пример обучающего канала, подтверждена возможность повышения доступности и персонализации обучения [9, с. 56–64]. Другие исследователи представляют опыт ведения профессионально ориентированного телеграм-канала для преподавателей русского языка как иностранного [8, с. 31–38]. Сделан вывод об эффективности использования телеграм-канала для непрерывного обучения педагогов.

Широким является спектр анализируемых лингвистических особенностей дискурса телеграм-каналов.

Рассматриваются стилистические средства продвижения контента сообщества бренда [1, 2024, с. 175–178]. Для обеспечения более продуктивной коммуникации между брендом и аудиторией, для усиления ее интереса авторы ленты телеграмм-канала прибегают к эмотивному языку и метафорам, экспериментируют с разными стилями.

Анализируется феномен лингвистической креативности: оригинальное использование дискурсивно обусловленных средств выразительности. Речь идет о паратекстовых компонентах публикаций – никнейме и слогане, направленных на идентификацию, информирование и выделение канала среди других [4, с. 40–60]. Лингвокреативные техники в наименовании каналов выражаются в использовании лексических, словообразовательных, и синтаксических ресурсов в зависимости от запросов коммуникантов. Средства лингвокреативности обновляют арсенал коммуникативных форм, логических и оценочных характеристик речевого взаимодействия.

Исследуя особенности аргументации в аналитических текстах, К. Л. Зуйкина изучает качественно-количественные характеристики контента в популярных общественно-политических телеграм-каналах и описывает современные модели аргументации в политической сетевой коммуникации: реалистическую, рефлексивную, критическую, субъективную [5, с. 63–77].

Любой телеграм-канал, как и новостной сайт, чаще всего имеет определенную общественно-политическую направленность. Однако формат представления информации зачастую может отличаться.

Наиболее распространенным вариантом представления информации является дайджест, предполагающий сжатое изложение материала при соблюдении стилистических требований конкретного СМИ. В дайджестах отмечается ограниченное комментирование изложенного при выражении редакционной позиции.

В том случае, если исходный текст, опубликованный на страницах СМИ, не соответствует требованиям стиля или формата и требуется его глубокая редакция, при формировании ленты производится рерайт материала. Однако зачастую в случае с лентами телеграмм-каналов рерайт сводится к простому сокращению. В таком случае в ленте размещается лид материала, опубликованного на сайте:

Uganda accuses US of subversion after envoy tries to visit Wine's house
(https://web.telegram.org/k/#@sputnik_africa)

Некоторые СМИ полностью дублируют свои материалы на разных платформах, изменяя только их названия, ориентируясь на правила конкретной платформы и характеристики аудитории. Характеристика аудитории (пол, возраст, социальный статус и т. д.) определяют и необходимость прагматической адаптации текста в тех случаях, когда автором слишком явно выражена субъективная оценка сообщаемого. В таких случаях информацию, которая может привлечь внимание читателя, но не будет эксплицитно отражать авторскую позицию, можно вывести на передний план, например, используя ее в подзаголовке.

Исследование характеристик оформления новостей в телеграм-каналах позволяет понять, какие стратегии применяются для привлечения внимания аудитории, формирования ее мнения и влияния на общественное мнение.

В синтаксисе стоит отметить такие особенности как преобладание простых синтаксических конструкций, достаточно частое использование неполных предложений, большое количество атрибутивных словосочетаний.

Распространенные предложения характерны в тех случаях, когда являются вербальной составляющей сообщения, включающего фото- и видеоматериалы при отсутствии другого текста: *Additional enemy forces fired machine gun bursts towards the southern outskirts of the town* (<https://web.telegram.org/k/#@LebUpdate>).

Являясь прежде всего источником информации для молодежи, телеграмм-каналы отражают все современные тенденции медийного языка, в частности – «неологический бум», которому сейчас подвержены как русский, так и английский языки.

Рассмотрим некоторые примеры неологизмов, зафиксированных в лентах телеграм-каналов за последние три года [19].

Неологизм	Его значение в английском языке
<i>Altcoin</i>	<i>Any coin that is not Bitcoin in a digital currency.</i>
<i>Bleisure</i>	<i>Business trip with leisure. See also Bizcation.</i>
<i>Flexitarian</i>	<i>Someone who is flexible about whether they are a Vegetarian or not.</i>
<i>Furlough</i>	<i>A temporary laying-off of employees, usually because there is insufficient work to occupy them.</i>
<i>Mascne</i>	<i>Mask acne - acne caused by wearing a mask.</i>
<i>Quarantini</i>	<i>A cocktail that can be made with things you've already got in your house, and is best enjoyed with a quarantine partner or neighbour.</i>

Некоторые из них, такие, как *altcoin*, *mascne*, при определенных пояснениях будут понятны русскоязычной аудитории, поскольку являются частью жизни любой страны. В то же время такие неологизмы, как *quarantini*, *flexitarian*, являются больше частью реальности какого-то сообщества, объединенного общими интересами. Единицы типа *furlough*, *anthropause* могут встретить непонимание у русскоязычной аудитории при поморфемной передаче, поскольку называют сложные экономические явления, отношение к которым в русском языке традиционно передается описательными словосочетаниями, подчеркивающими их роль в жизни общества.

Стоит отметить и такую интересную особенность в текстах телеграм-каналов англоязычных средств массовой информации, как использование разговорной лексики.

Анализируя ленту англоязычных телеграмм-каналов и аналогичные публикации в лентах российских СМИ, мы пришли к выводу о необходимости интердискур-

сивного анализа соответствующих материалов. Прежде всего анализу подверглись трансформации, происходящие с материалами, опубликованными на двух языках.

Стоит обратить внимание на заголовки постов в лентах телеграмм-каналов, поскольку интертекстуальные включения, цитаты и аллюзии не равносильно эффективны в английском и русском языках. Зачастую редакции СМИ приходится изменять образы, лежащие в заголовках постов, при сохранении основного текста.

Ленты телеграмм-каналов СМИ становятся и источником новых аббревиатур. Так появилось сокращение *WFH*, обозначающее *work from home* – «работать из дома».

Обсуждение результатов

С лексической точки зрения средства массовой информации характеризуются эмоционально-экспрессивной окраской. Они содержат разговорные, иногда просторечные и жаргонные элементы. Это обусловлено интерактивностью интернет-изданий, так как присутствует постоянная обратная связь с читателем. Журналист и читатель должны общаться «в одном регистре», различия могут дистанцировать журналиста от читателя. Для языка СМИ характерна постоянная актуализация: в материалах интернет-СМИ фигурирует все больше неологизмов, а также фразеологизмов, придающих материалам средств массовой информации особую выразительность.

Характерность оформления новостей в телеграм-каналах является интересным объектом исследования, поскольку она отражает не только специфику языка в цифровых медиа, но и влияние технологий на форматирование и восприятие информации о политических событиях.

Проведенный нами анализ англоязычных телеграм-каналов категории «Новости и СМИ» позволил выделить некоторые лингвистические и экстралингвистические особенности оформления новостей в телеграм-каналах.

1) Экономия языковых средств (лексических, синтаксических). Лаконичная формулировка мысли позволяет выделить в сообщении ключевую информацию, упростив тем самым содержание. В определённой мере язык телеграм-каналов близок к разговорной речи либо к телеграфному языку.

2) Неологический бум, создание аббревиатур, что является отражением тенденций современного медийного языка.

3) Визуальное воздействие на реципиента. Использование медиаконтента, сопровождение новостей фото, видео, графикой позволяет представить информацию в более привлекательной для пользователей форме. У большинства людей преобладает зрительный анализатор.

4) Интерактивность в коммуникации. Взаимодействие с подписчиками (публикация опросов, предложение выразить свое мнение и т. д.) позволяют авторам телеграм-каналов поддерживать постоянную связь с аудиторией пользователей.

5) Агрегирование информации. Этот процесс подразумевает объединение и обобщение данных из разных источников. Публикация, наряду с собственными материалами, данными из других источников, позволяет подписчикам быть более широко осведомленными.

6) Применение хэштегов и ключевых слов. Данный прием упрощает и ускоряет поиск необходимой информации, предоставляя подписчикам возможность оперативно получать интересующие их сведения.

7) Отсутствие сложных синтаксических конструкций. Достаточно частое использование неполных предложений.

8) Более свободное сочетание синтаксических конструкций в зависимости от формата поста.

9) Выражение эмоций посредством репостов, комментариев, эмодзи. Использование средств выражения эмоций позволяет пользователям выражать свои чувства, быть более открытыми, что является важным психологическим фактором в общении.

10) Использование юмористических форматов, мемов. Это использование подчинено той же цели – созданию позитивного настроения аудитории. Данный прием особенно актуален для работы с молодой аудиторией. Он позволяет создать определенное настроение вокруг некоторых событий.

Заключение

Таким образом, телеграм-каналы можно определить как новый тип дискурса, оказывающий значительное влияние на медийную аудиторию. К этому интересному для лингвистического исследования феномену обращаются ученые, его можно изучать с различных точек зрения.

Определив лингвистические особенности телеграм-каналов англоязычных средств массовой информации, мы отметили основные способы их трансформации для публикации на аналогичных русскоязычных ресурсах. Исследование лингвистических особенностей телеграм-каналов позволяет выявить причины их популярности и оценить их влияние на медийное пространство и общество в целом.

Список источников и литературы

1. Анализ эффективности стилистических способов формирования, продвижения и экономического развития сообщества бренда в телеграм-каналах российских блогеров / П. А. Анищенко, М. А. Козлова, В. В. Макарова [и др.] // Финансовая экономика. 2024. № 7. С. 175–178.
2. Баяндина Т. А. Коммуникативные и языковые особенности медиатекстов блогеров-обзорщиков в телеграм-каналах // Актуальные проблемы современной филологии : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 17 апреля 2024 г. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2024. С. 65–68.
3. Глазкова Е. А. Манипуляции для привлечения подписчиков в тематические каналы сети «Телеграм» // Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций – 2023 : сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14 апреля 2023 г. М.: РГГУ, 2023. С. 60–63.
4. Дускаева Л. Р., Иванов Л. Ю. Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Т. 20, № 1. С. 40–60.
5. Зуйкина К. Л., Морозова А. А. Модели аргументации в текстах общественно-политических телеграм-каналов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 6. С. 63–77.
6. Карпов А. Н. Поликомпонентные единства с идентичными элементами в русской монологической речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Карпов Александр Николаевич. Тула, 1983. 439 с.
7. Попова О. В. Особенности коммуникации политизированных сообществ в русскоязычных телеграм-каналах // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 2. С. 215–229.
8. Телеграм-канал как средство lifelong learning для преподавателя РКИ / Е. В. Косарева, Т. И. Попова, К. А. Шукина [и др.] // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 3 (11). С. 31–38.
9. Хаустов С. А. Создание дидактического телеграм-канала для обучения биологии в школе на углубленном уровне // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 2 (47). С. 56–64.
10. RT News : телеграм-канал. URL: <https://t.me/rtnews> (дата обращения: 01.06.2024).
11. Lebanese News and Updates : телеграм-канал. URL: <https://t.me/lebupdate> (дата обращения: 15.10.2024).

12. Sputnik Africa : телеграм-канал. URL: https://t.me/sputnik_africa (дата обращения: 15.10.2024).
13. The Nairobiian : телеграм-канал. URL: <https://t.me/nairobianoofficial> (дата обращения: 15.10.2024).
14. Middle East Spectator : телеграм-канал. URL: https://t.me/middle_east_spectator (дата обращения: 15.10.2024).
15. BRICS News : телеграм-канал. URL: <https://t.me/bricsnewspaper> (дата обращения: 15.10.2024).
16. Kun.uz English : телеграм-канал. URL: <https://t.me/kunuzen> (дата обращения: 15.10.2024).
17. HAMAS-ISRAEL WAR : телеграм-канал. URL: <https://t.me/hamasw> (дата обращения: 15.10.2024).
18. Israel Hamas | Live 24/7 : телеграм-канал. URL: https://t.me/s/israel_hamas_hezbollah_ircg (дата обращения: 15.10.2024).
19. GPB : [сайт консалтингового агентства эффективной коммуникации] / Grant Pearson Brown Consulting Ltd. London, 2021–2022. URL: <https://www.gpb.eu> (дата обращения: 15.06.2024).
20. RT : [офиц. сайт российского информ. агентства RT News] / АНО «ТВ-Новости». М., 2005–2024. URL: <https://swentr.site/> (дата обращения: 05.07.2024).

References

1. Analysis of the effectiveness of stylistic methods of formation, promotion and economic development of the brand community in the Telegram channels of Russian bloggers / P. A. Anishchenko, M. A. Kozlova, V. V. Makarova [et al.] // *Financial Economics*. - 2024. – No. 7. – pp. 175-178.
2. Bayandina, T.A. Communicative and linguistic features of media texts of review bloggers in telegram channels / T. A. Bayandina // *Actual problems of modern philology : materials of a scientific and practical conference with international participation, Krasnoyarsk, April 17, 2024*. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2024. – pp. 65-68.
3. Glazkova, E.A. Manipulations to attract subscribers to the thematic channels of the Telegram network / E. A. Glazkova // *New trends in journalism and media communications - 2023 : Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 14, 2023*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2023. pp. 60-63.
4. Duskaeva, L.R. Linguocreativity in the creation of a telegram channel paratext / L. R. Duskaeva, L. Y. Ivanova // *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*. 2023. Vol. 20, No. 1. pp. 40–60.
5. Zaikin, K.L. Models of argumentation in the texts of socio-political telegram channels / K. L. Shchukina, A. A. Morozova // *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*. 2024. vol. 23, No. 6. pp. 63-77.
6. Karpov A.N. Multicomponent unities with identical elements in Russian monological speech. Diss. Doctor of Philology, 02/10/2011. – Tula, 1983. – 439
7. Popova, O.V. Features of communication of politicized communities in Russian-language telegram channels / O. V. Popova // *Political expertise: POLITEX*. - 2023. – Vol. 19, No. 2. – pp. 215-229.
8. Telegram channel as a means of lifelong learning for an RCT teacher / E. V. Kosareva, T. I. Popova, K. A. Shchukina [et al.] // *Professorial Journal. Series: Russian language and Literature*. – 2022. – № 3(11). – Pp. 31-38.
9. Khaustov, S.A. Creation of a didactic telegram channel for teaching biology at school at an in-depth level / S. A. Khaustov // *Educational resources and technologies*. 2024. № 2(47). Pp. 56–64.
10. The feed of the telegram channel "Rasha Today News" [Electronic resource]. – URL: <https://tlgrm.eu/channels/@rtnews> (Accessed 06/01/2024)

11. The feed of the telegram channel "Lebanon News" <https://t.me/s/lebupdate> (Accessed 10/15/2024)
12. The feed of the telegram channel "Sputnik Africa" https://web.telegram.org/k/#@sputnik_africa (Accessed 10/15/2024)
13. The feed of the Nairobi telegram channel <https://t.me/s/nairobiofficial> (Accessed 10/15/2024)
14. The Middle East Spectator telegram channel feed https://t.me/s/middle_east_spectator (Accessed 10/15/2024)
15. The feed of the telegram channel "Brics News" <https://t.me/s/bricsnewspaper> (Accessed 10/15/2024)
16. News of Uzbekistan telegram channel feed <https://t.me/s/@kunuzen> (Accessed 10/15/2024)
17. The feed of the Hamas-Israel War telegram channel <https://t.me/s/hamasw> (Accessed 10/15/2024)
18. Israel Hamas Live telegram channel feed https://t.me/s/israel_hamas_hezbollah_ircg (Accessed 10/15/2024)
19. Website of the effective communication consulting agency [Electronic resource]. – URL: <https://www.gpb.eu>. (Accessed 06/15/2024)
20. The website of the Russian news agency RT News [Electronic resource]. – URL: <https://swentr.site/> (Accessed 05.07.2024)

Вклад авторов:

Иванова В. И. – написание статьи, научное редактирование текста.

Буряковская А. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Viktoriiia I. Ivanova – writing an article, scientific text edition.

Anna A. Buryakovskaya – collection and processing of material, writing an article.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 31.10.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024

Научная статья

УДК 811.161

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-193-204>

ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ ОПЫТА РАБОТЫ)

**Нелли Александровна
Красовская**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Аннотация. В предлагаемой статье автор обращается к одному из важных вопросов, связанных с изучением лингвистического потенциала региона. Мы считаем уже известным в дидактике фактом обращение к региональным лингвистическим особенностям при изучении русского языка в школе и вузе носителями языка. Но в методике преподавания русского языка как иностранного долгое время речь шла только об изучении лингвострановедения в целом. Однако в последние десятилетия лингвисты, педагоги, методисты все активнее говорят о том, что без обращения к особенностям изучения лингвистического своеобразия региона студентам-иностранцам очень сложно на должном уровне сформировать у себя коммуникативную, культурологическую компетенции, сложно пройти все этапы социокультурной адаптации.

Обращение к разным сторонам лингворегиионоведения существенным образом может обогатить студента-иностранца, сделать его пребывание в России особенно на первом этапе более комфортным и интересным.

Следует также говорить о том, что изучение лингворегиионоведения – это прекрасный шаг к усвоению большого и интересного объема информации, связанного с культурой и историей конкретного региона России. Если же принять во внимание культурное и языковое многообразие Российской Федерации, то, конечно, можно утверждать, что, знакомясь с каждым отдельным регионом, студенты более глубоко узнают всю страну с ее традициями, языками, историей.

Автор статьи делится результатами своей работы в том, как удачнее преподнести студентам-иностранцам сведения лингворегииональной направленности, на какие возможные содержательные блоки можно разделить подобную информацию. Помимо этого, в статье уделено внимание вопросу обращения к изучению лингворегиионоведения в том случае, если студенты не находятся в стране изучаемого языка, а также если студенты, изучающие русский язык, сами являются носителями иного славянского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингворегиионоведение, культура региона, история региона, онимы, диалекты, региолекты.

Для цитирования: Красовская Н. А. Лингворегиионоведение в аспекте изучения русского языка как иностранного (некоторые обобщения опыта работы) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 193–204. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-193-204>

Сведения об авторе: Н. А. Красовская – доктор филологических наук, доцент, директор института русского языка как иностранного, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Красовская Н. А., 2024

Scientific Article

UDC 811.161

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-193-204>

LINGUOREGIONAL STUDIES IN THE ASPECT OF STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (SOME GENERALIZATIONS OF WORK EXPERIENCE)

Nelly A. Krasovskaya

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, nelli.krasovskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4260-7620>

Abstract. In the proposed article, the author addresses one of the important issues related to the study of the linguistic potential of the region. The appeal to regional linguistic peculiarities in the study of Russian at school and university by native speakers is already a well-known fact in didactics. But in the methodology of teaching Russian as a foreign language, for a long time, it was only about studying linguoregional studies in general. However, in recent decades, linguists, teachers, and methodologists have increasingly been talking about the fact that without turning to the peculiarities of studying the linguistic uniqueness of the region, it is very difficult for foreign students to develop communicative and cultural competencies at the proper level, and it is difficult to go through all the stages of sociocultural adaptation.

With the help of linguoregionology, a foreign student can significantly enrich knowledge and feel more comfortable in Russia, especially at the first stage. According to the author, the studying linguoregional studies is a great step towards mastering a large and interesting volume of information related to the culture and history of a specific region of Russia. Taking into account the cultural and linguistic diversity of the Russian Federation, the author argues that students learn more deeply about the whole country with its traditions, languages, and history by getting to know each individual region. The article presents the results of the author's work on how to best present linguoregional information to foreign students and what possible content blocks such information can be divided into. In addition, the article pays attention to the issue of turning to the study of linguoregional studies in the event that students are not in the country of the language being studied, as well as if students studying Russian are themselves native speakers of another Slavic language.

Keywords: Russian as a foreign language, linguoregional studies, regional culture, regional history, onyms, dialects, regionallecets.

For citation: Krasovskaya, NA 2024, 'Linguoregional Studies in the Aspect of Studying Russian as a Foreign Language (Some Generalizations of Work Experience)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 193–204, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-193-204> (in Russ.)

Information about the Author: *Nelly A. Krasovskaya* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of the Institute of Russian as a Foreign Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

© Krasovskaya N. A., 2024

Посвящение

Александр Николаевич Карпов был одним из самых ярких преподавателей Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Его жизнь – это служение науке, Родине, ученикам, близким людям. С одной стороны, в сферу научных интересов Александра Николаевича Карпова входили проблемы, связанные с диалектами и социолектами. С другой стороны, многие аспиранты А. Н. Карпова работали преподавателями русского языка как иностранного. Настоящая статья – это своего рода посвящение А. Н. Карпову как педагогу и как патриоту.

Введение

В настоящее время изучение регионов приобретает колоссальное значение, так как именно языковое, культурное и историческое своеобразие разных территорий Российской Федерации во многом составляет живую картину всей страны, ее многообразной культуры, разнообразной и глубокой истории.

Например, говоря об изучении русского языка иностранцами, о постижении ими русской культуры и русской истории, невозможно говорить в целом, вообще о русской культуре, о русской литературе, о русском языке, не останавливаясь на деталях, конкретных примерах, текстах, памятниках и т.д. Бесспорно, иностранный студент при первом знакомстве с русским языком может выучить слова *матрёшка*, *валенки*, *Сибирь*, *Москва* и другие, но в этом случае это будет, скорее, общее лингвострановедческое знакомство, то есть студент может знать определенные слова, которые являются в некотором роде символами страны в целом.

Неоднократно лингвисты, педагоги, методисты говорили о том, что глубоко изучить что-то возможно только через усвоение деталей, через проникновение в суть более узких фактов культуры и истории.

Именно поэтому мы полагаем, что важной частью изучения русского языка как иностранного может стать не только знакомство с лингвострановедением, но и освоение лингворегионоведения.

Материалы и методы

Так, об обращении к вопросам лингворегионоведения в рамках изучения русского языка как иностранного прежде всего пишут исследователи и педагоги, которые работают в провинциальных вузах, в отдаленных регионах нашей огромной страны, либо в регионах, которые характеризуются языковым и иным своеобразием. Например, Антонова Л. Н. в диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук отмечает: «Обучение иностранных граждан ведётся по учебникам, отражающим реалии Москвы и Санкт-Петербурга и формирующим общестрановедческую компетенцию. Однако для удовлетворения коммуникативных потребностей и успешной адаптации иностранных учащихся необходимо также ознакомление с местными реалиями. Таким образом, необходимо учитывать региональный компонент при обучении РКИ. При этом в научной терминологии нет единого определения понятия “региональный компонент”, что также требует уточнения» [1; 4]. В своих размышлениях исследователь дает определение важному понятию регионального компонента: «Под *региональным компонентом* ... понимается совокупность знаний, отражающих культурные, этнические, исторические, природные, экономические особенности конкретного региона» [1; 7]. Мы в целом не можем не согласиться с таким определением, но считаем, что именно в плане языковой и речевой компетенции его нужно наполнять несколько иным смыслом. Однако задачи, о которых говорит исследователь, выглядят вполне убедительно: «Включение регионального компонента в содержание обучения РКИ должно решать следующие задачи:

- способствовать формированию коммуникативной компетенции иностранных обучающихся;

- знакомить инофонов с реалиями региона пребывания, тем самым активизировать социокультурную и лингвокультурную адаптацию;
- сформировать речевую культуру иностранного студента с учётом языковой ситуации региона пребывания;
- повысить учебную мотивацию иностранцев к изучению русского языка;
- развивать межкультурную компетенцию, содействовать успешному межкультурному общению;
- прививать толерантность к иноязычной культуре» [1; 10]. На наш взгляд, к этим задачам можно добавить и развитие познавательного и творческого интереса, формирование креативного мышления студентов-иностранцев, изучающих русский язык.

Надо отметить, что достаточно серьезные наблюдения, связанные с возможностями формирования ряда компетенций у иностранных студентов в процессе знакомства с вопросами лингворегиеоноведения, поднимают в своих работах Игнатович Т. Ю. и Биктимирова Ю. В. Они пишут: «...обучение иностранных студентов лингворегиеоноведению на основе лингвокультурологического подхода к содержанию лингворегиеоноведческих дисциплин и коммуникативно-ориентированного и социокультурного подхода в методике преподавания РКИ способствует углублению, расширению и конкретизации знаний в области страноведения, в том числе региеоноведения, повышению уровня лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций учащихся и адаптации студентов-иностранцев в новой языковой среде и в целом в социуме региеона» [3, с. 90].

О подобных проблемах и вопросах размышляют и исследователи из Иркутского региеона. Чупановская М. Н. и Маклакова Т. Б. указывают на то, что «введение региеонального компонента – важный этап работы в иностранной аудитории... Приобщение иностранных студентов к театральному искусству и региеональной художественной литературе помогает понять особенности менталитета и языковой личности сибиряка» [12, с. 352]. Значимость изучения региеональных особенностей отмечают Трёмбовецкий И. В. и Евтюгина А. А., они пишут о том, что «по занимаемой территории Российская Федерация является самым крупным государством в мире, и в такой обширной стране языковые особенности варьируются от Камчатки до Урала, от Урала до европейской части. Потому иностранному студенту, приезжающему в Россию учиться, придется не только осваивать русский язык, но и знакомиться с культурой страны» [11, с. 146].

Следует также подчеркнуть, что проблемы лингворегиеоноведения как одного из аспектов обучения русскому языку студентов-иностранцев отражены и в словах Вербицкой Л. А., которая в докладе на конгрессе РОПРЯЛ подчеркивала: «...направление, также именуемое лингвистической региеоналистикой, представляет собой интегративный подход к исследованию языка и культуры...» [2; 9].

Мы полагаем, что лингворегиеоноведение может по-разному преломляться в рамках изучения русского языка как иностранного.

Студенты, находящиеся в момент изучения русского языка как иностранного на территории России, могут проживать не только в столичных городах, к которым прежде всего относится Москва и Санкт-Петербург, но и в городах, которые сами расположены в региеоне, относящемся к территории того или иного диалекта или региолекта. В речи горожан в таком случае достаточно отчетливо проявляются местные диалектные или региолектные особенности.

Так, студенты-иностранцы, проживающие на территории южнорусского наречия, например, в городе Туле, в городах Курск, Орел, Белгород, Ростов-на-Дону, обращают внимание на то, что жители этих городов произносят звук [г] как [γ], а оглушают его не в звук [к], а в звук [х]. Действительно, уже на уровне А2 студент-

иностранец вполне может отличить региональные особенности фонетических систем русского языка. Студенты-иностранцы способны обращать внимание на акающее и окающее произношение в разных областях нашей страны, на проявления яканья и еканья, например. Но такие детали студенты могут воспринимать только в том случае, если они сами находятся на территории диалектного окружения, то есть если они учатся на территории изучаемого языка, в нашем случае русского, и находятся в языковой среде, характеризующейся наличием диалектных особенностей. Надо отметить, что в ряде случаев уловить диалектные особенности произношения или, например, постановки ударения студенты могут, даже прислушиваясь к речи преподавателей. Например, многие преподаватели, не являясь специалистами в области лингвистики (хотя можно указать и на примеры лингвистов), а относясь к преподавателям других дисциплин, нарушают нормы литературного произношения и используют в речи звуки, которые можно отнести к территориально маркированным.

Грамматические диалектные особенности также могут быть в значительной мере восприняты иностранными студентами в процессе непосредственного общения с жителями тех территорий, где в данный момент студенты находятся. Так, мы можем наблюдать, что студенты-иностранцы, которые находятся на территории распространения южнорусских говоров, обращают внимание на разрушение формы среднего рода, то есть замечают достаточно устойчивые сочетания типа *своя ведро* (обращаем внимание при фиксации выражения только на особенности согласования по роду – Н. К.), *моя окно*, или на употребление местоимения *она* вместо местоимения *оно* при дейктических заменах: *ведро – она, пальто – она, радио – она*.

Лексические черты и регионализмы, если они встречаются в речи горожан или жителей данного региона, конечно, непонятны иностранным студентам, поэтому требуют дополнительных пояснений. Например, студенты-иностранцы, которые учатся в Туле, задают вопросы относительно того, что обозначают слова *жамка, аржаной, казюки*.

Действительно, если иностранные студенты, осваивающие русский язык, находятся на территории распространения данного языка, особенно если они проживают в определенном регионе, достаточно удаленном от центра, то вопросы, связанные с диалектной, в ряде случаев теперь уже региональной формой языка, которая так или иначе проявляется в речи местных жителей, возникают у них достаточно регулярно. Следовательно, эти вопросы требуют пояснений и получения студентами дополнительной информации, освещающей диалектные особенности русской речи. И становится понятно, что невозможно не знакомить студентов, находящихся на территории распространения изучаемого языка, с разнообразием диалектных (региональных) форм данного языка.

Студенты, изучающие русский язык и являющиеся носителями других славянских языков, могут задаваться многими вопросами, связанными с диалектными или региональными формами русской речи, если они в той или иной степени связаны исторически с их родным языком. Это может происходить потому, что, изучая свой родной язык, знакомясь с его историей, студенты волей-неволей постигают и ряд особенностей истории русского языка как славянского языка, которые очень часто находят свое отражение в русских диалектных чертах. Например, студенты, которые изучают русский язык в университетах Республики Сербской (Босния и Герцеговина) в курсе того, что местные жители, говоря на сербском языке, на месте древнего Ъ произносят дифтонгическое сочетание, близкая особенность характерна для ряда русских говоров. Студентов этих же вузов, обучающихся на философском и филологическом факультетах, также интересует сопоставительный анализ лексических единиц, которые используются в сербском языке и встречаются в русских говорах, например *торба, ятровка* и др. Об этом мы уже писали (см. Красовская Н. А. [4; 5;

б)). Таким образом, можно говорить о том, что студентам-иностранцам, находящимся на инославянских территориях и владеющим иными славянскими языками, также интересно обращаться к русским говорам, потому что факт знакомства с русскими диалектами погружает их в мир истории славянских языков.

Можно отдельно касаться вопроса постижения диалектных языковых фактов, которые встречаются на страницах художественных произведений. Очень многие русские классики и в XIX, и в XX веках использовали в своих произведениях диалектные и региональные языковые черты. Вспомним тексты И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, С. А. Есенина, М. А. Шолохова, В. М. Шукшина и мн. др. Понять смысл их произведений можно, будучи знакомым с определенным количеством диалектных лексических единиц, зная в общих чертах отличительные особенности тех или иных русских диалектов.

Например, трудно представить себе, что у студентов-иностранцев, которые знакомятся с рассказом Л. Н. Толстого «Филипок», не возникнет вопроса о том, почему имя заглавного героя произносится с сочетанием [хв]. У студентов и школьников, а таких достаточно много, например, в Республике Сербской (Босния и Герцеговина), возникают вопросы по ряду лексических единиц, когда они осваивают текст «Анны Карениной» Л. Н. Толстого.

То есть знакомство с лингворегионоведением должно быть связано прежде всего с изучением диалектных или региолектных особенностей русского языка. Мы понимаем, что изучить все диалектные особенности русского языка студентам-иностранцам невозможно, но понимать основные черты, признаки многие русских говоров бывает просто необходимо либо для более внимательного знакомства с текстами художественных произведений, либо для более глубокого изучения истории славянских языков, либо для более дифференцированного отношения к местным языковым проявлениям.

На наш взгляд, знакомство в этом случае может происходить как фрагментарное, например, только изучение фонетических диалектных особенностей южнорусских говоров при их сравнении с литературной нормой или с наиболее значимыми особенностями фонетики северно-русского наречия. Это может быть фрагментарное освоение ряда особенностей, которые, например, встречаются в речи того или иного писателя или поэта. Но в этом случае педагог-наставник должен хорошо представлять себе языковые особенности именно этого писателя или поэта, знать особенности введения региональных и диалектных черт в тексте произведений этого автора. Таким образом, можно говорить о том, что выборочное, фрагментарное, точно продуманное освоение диалектных особенностей русского языка студентами-иностранцами в ряде случаев бывает необходимо и вплетается в общую последовательную систему языковой подготовки инофонов.

Следующей стороной обращения к лингворегионоведению, по нашему мнению, является освоение региона через систему онимов и примыкающих к ним явлений. В данном случае мы можем говорить, с одной стороны, как о связи таких языковых явлений с культурой и историей региона, так и о языковом своеобразии лингвистической характеристики региона на синхронном срезе, представленной в совокупности явлений, которые, например, можно в целом включить в понятие лингвистического ландшафта региона. Такое большое направление содержит в себе целый комплекс отдельных явлений, которые достаточно условно делятся на ряд блоков, интересных и полезных иностранному студенту. По нашему мнению, такими блоками, или направлениями, могут быть:

- изучение топонимии, гидронимии, ойконимии региона (официальной и неофициальной);

- изучение урбонимов, эргонимов (как части городского или пригородного пространства, которое создается человеком и в которое обычно и попадает студент-иностранец), например, «Магнит», «Красное и Белое», «Лента» и др. названия продуктовых и специализированных магазинов, которые вначале очень смущают иностранцев;
- изучение названий праздников, исторических событий, крупных городских и региональных мероприятий;
- обращение к названиям городских и региональных СМИ;
- обращение к городским лозунгам, слоганам, устоявшимся городским выражениям;
- обращение к естественному письменному языку горожан (небольшие объявления, ситуативные выражения и надписи);
- знакомство с лексическими и фразеологическими единицами, которые составляют культурное пространство того или иного региона, связаны с брендами и историческим контекстом региона;
- знакомство с современным устройством региона: его административным делением, градообразующими предприятиями и их названиями;
- знакомство с базовыми единицами тех производств, которые считаются ключевыми для данного региона;
- знакомство с региональными писателями и поэтами, их творчеством;
- знакомство с гимном региона, ключевыми для понимания традиций края песнями, танцами, фольклорными произведениями;
- знакомство с иными городскими объектами, которые входят в общее культурное пространство региона (театры, выставки, культурные пространства и др.).

В зависимости от специфики региона и истории его формирования указанные блоки могут расширяться или сужаться, естественно, что те или иные блоки могут выглядеть более масштабными в зависимости от особенностей города, края, региона.

Способы изучения блоков, которые названы выше, могут быть самыми разными. Безусловно, ведущими из них являются те, которые связаны с непосредственным наблюдением, с непосредственным изучением на месте существования данного языкового факта. Непосредственное наблюдение должно постоянно сопровождаться аналитической и пояснительной работой, поиском правильного толкования тех или иных наблюдаемых лексических материалов, все это студент-иностранец может осуществить только с помощью преподавателей или в процессе выполнения ряда поисковых научных работ.

Для тех студентов, которые не находятся на территории изучаемого языка, но в силу различных причин заинтересованы в знакомстве с той или иной территорией, способы ее изучения должны быть максимально насыщенными различным материалом и максимально приспособленными для знакомства с указанными территориями. В этом случае мы можем говорить о проведении виртуальных экскурсий по городским пространствам, о знакомстве с аутентичными фрагментами из городской публицистики или художественных произведений, которые описывают указанное пространство. Естественно, что первоочередную роль в данном случае играют различные специально подготовленные учебные пособия, которые и призваны репрезентировать материал региона.

Результаты

Можно остановиться на некоторых наших разработках, которые мы пытаемся реализовать в рамках сотрудничества со странами Западных Балкан, в частности в рамках сотрудничества с Республикой Сербской (Босния и Герцеговина). Так, мы полагаем, что в учебных материалах должны отражаться лингворегионоведческие све-

дения в нескольких направлениях. Остановимся подробнее на каждом из разрабатываемых направлений.

Во-первых, для преподавателей РКИ из Республики Сербской (Босния и Герцеговина) был разработан курс повышения квалификации «Лингворегионоведение в аспекте РКИ», объем курса 36 часов. В рамках курса были актуализированы следующие тематические блоки: «Диалектные особенности русского языка в аспекте РКИ», «Усадьбы и музеи как отражение культурно-исторической специфики региона», «Работа с лингворегионоведческим текстовым материалом на занятиях РКИ», «Работа с культурно-маркированной лексикой на продвинутом этапе обучения РКИ». Таким образом, были актуализированы сведения теоретического характера, а также был сделан акцент на особенностях методического преломления указанной выше проблематики. Надо отметить, что учителям и преподавателям русского языка в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) неизменно интересно узнавать об особенностях русских диалектов, слушать аутентичные записи на русском языке, проводить сопоставление русских говоров и сербских говоров. Для вузовских преподавателей русского языка такая информация становится толчком для проведения научной работы, научного поиска.

Содержательная информация курсов повышения квалификации также интересна преподавателям русского языка, потому что она дает возможность обратить более глубокое внимание на дидактический материал, способствующий усвоению русского языка и сведений о регионах России. Например, это представление разных способов работы с текстами региональной направленности и, конечно, сами эти тексты. Помимо этого, в курсе повышения квалификации было представлено знакомство с культурно значимой лексикой и способы работы с ней на уроках русского языка. Именно поэтому мы полагаем, что проведение курсов повышения квалификации для учителей и преподавателей русского языка по лингворегиональной тематике вполне оправдано и даже во многих случаях необходимо.

Во-вторых, наша работа в данном направлении в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) происходит и в плане продвижения созданных учебных пособий (см. об этом учебные материалы в [8; 9; 10]), которые могут быть использованы и на курсах повышения квалификации для преподавателей русского языка, и непосредственно на занятиях со студентами и школьниками, которые изучают русский язык. Мы принципиально делаем акцент во многих учебных материалах и пособиях не столько на лингвострановедческом материале, сколько на материале лингворегионоведческом, так как обоснованно полагаем, что обращение к культурным и языковым особенностям того или иного региона является более глубоким обращением к корням и историческим фактам отдельной территории.

В рамках подготовки учебных пособий и иных учебных материалов мы пытаемся последовательно выдержать линию в продвижении лингворегионоведческого материала от уровня А1 до уровня В2. В формировании материала и его подготовке мы учитываем и развитие коммуникативных навыков, и формирование культурологической компетенции обучающихся. Так, мы начинаем излагать элементарные сведения о том, что Тула является городом, что в этом городе следует ориентироваться, то есть уметь передвигаться, находить улицы, адреса, магазины, остановки общественного транспорта. Следуя принципам последовательности и системности в обучении РКИ, о чем неоднократно писали известные лингвисты, например, Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. [7], мы переходим к работе с более сложным материалом, отражающим лексику, репрезентирующую основные тульские бренды: в данном случае можно приводить много примеров использования лексических единиц, устойчивых выражений, отражающих специфику пряничного производства, производства самоваров. На более продвинутом уровне мы останавливаемся на том,

что в Туле производят оружие, оружейное производство является одним из основных в городе. Здесь же уместным является знакомство студентов с названием тульских улиц, связанных с историей производства оружия в тульском регионе, с неофициальным гимном Тулы, с некоторыми терминами, отражающими оружейное производство.

Надо отметить, что уже на уровне А2+ вполне возможно более широкое знакомство с городами и крупными селами тульского региона, с иными промыслами, известными здесь. Именно поэтому мы актуализируем материал, который отражает судьбу древних поселений Тульской области – посёлка *Одоева*, города *Белёва*, города *Богородицка*, поселка *Епифань*, местечка *Жабынь*, музея-усадьбы *Ясная Поляна*, усадьбы *Поленово*, музея *Дворяниново*. В изданных и подготовленных к изданию учебных материалах мы останавливаемся более глубоко на *филимоновской игрушке* и особенностях ее производства, на производстве *белёвской пастилы*, на особенностях возникновения бренда «*Венёвская булка*», на производстве *тульской гармоники* и *тульской городской игрушки*.

На уровне владения языком А2+ мы останавливаемся и на более точной характеристике наименований городских пространств и городских объектов, которые связаны с историей и культурой города и региона, являются значимыми местами для туляков и жителей Тульской области. Например, мы считаем, что важно познакомить иностранных студентов с вокзалами города, потому что вокзалы – это ворота любого населенного пункта. Именно поэтому мы представляем материал, рассказывающий об *автовокзале*, *Московском вокзале*, *Ряжском вокзале*. Знакомим с *Центральным парком города Тулы им. П.П. Белоусова*, с *культурным пространством «Искра»*, с *Тульским государственным музеем оружия*.

Более высокие уровни владения русским языком, уровни В1-В2, могут предполагать усвоение более сложной информации, относящейся, например, к литературной деятельности Л.Н. Толстого, к основным современным производствам, известным в тульском регионе: к военной промышленности, к металлургической промышленности, а также информации, связанной с развитием образования в городе Туле и тульском регионе.

Мы понимаем, что перечень того, что может быть изучено и рассмотрено на занятиях по РКИ и что связано с аспектами лингворегионоведческой направленности, может быть существенно расширен и иначе классифицирован. Наша задача, однако, заключается в том, чтобы лингворегионоведческий материал надлежащим образом адаптировать и приспособить к работе с иностранными студентами.

Скажем несколько слов и о том, что мы использовали разные виды работ при изучении лингворегионоведческого материала. Это такие традиционные формы работы, как чтение текстов, пересказ, ответы на вопросы, так и более оригинальные и современные, например, прокладывание маршрута с опорой на интерактивную карту, подготовка кроссворда, участие в видеоэкскурсии и др. Понятно, что в зависимости от уровня владения языком уровень сложности заданий будет существенно меняться. Но надо отметить, что задания и упражнения также меняются и в зависимости от самого материала, потому что какой-то предполагает более точное и детальное восприятие, а какой-то предполагает больше эмоциональный отклик обучающихся.

Помимо всего сказанного выше, хотелось бы отметить важность изучения материала, который знакомит с тем или иным лингвистическим контекстом региона через широкую проектную деятельность. Так, студенты-иностранцы, изучающие русский язык на протяжении нескольких лет, могут самостоятельно подбирать информацию, связанную с изучением культурных особенностей региона, брендами региона, под руководством педагога, обрабатывать ее, составлять задания и упражне-

ния, делать ссылки, необходимые сноски, небольшое лингвистическое комментирование.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать о том, что знакомство с каждым, отдельно взятым российским регионом через его языковое оформление и его языковое своеобразие весьма полезно и, можно сказать, даже необходимо как для преподавателей и учителей русского языка, находящихся за рубежом, так и для студентов и школьников, изучающих русский язык и находящихся на территории России или за ее пределами.

Лингворегионоведение позволяет рассматривать материал весьма дозированно и в то же время последовательно и системно, в соответствии с принципами методики преподавания русского языка как иностранного.

Самое важное при изучении лингворегионоведения – это всеобъемлющее и глубокое познание региона, его культурных, исторических особенностей, а также уникальных языковых черт, позволяющих педагогам и методистам формировать коммуникативные и культуроведческие компетенции у студентов-иностранцев, помогать обучающимся быстрее проходить этапы социокультурной адаптации.

Безусловно, знакомство иностранных студентов с лингворегионоведением серьезным образом их обогащает, развивает их творческий и поисковый потенциал, заставляет осмысливать лингвистические факты, отражающие специфику региона, на территории которого они находятся.

Список источников и литературы

1. Антонова Л. Н. Лингвострановедческий аспект преподавания РКИ с учетом регионального компонента (на примере Республики Саха (Якутия)) : дис. ... канд. филол. наук : 5.8.2 / Антонова Лина Николаевна. М., 2022. 21 с.
2. Вербицкая Л. А. РОПРЯЛ на современном этапе: проблемы, перспективы, задачи // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 5–10.
3. Игнатович Т. Ю., Бикмирова Ю. В. Лингворегионоведение в преподавании русского языка как иностранного в рамках магистерской образовательной программы // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 86–90.
4. Красовская Н. А. Актуальность фольклорного материала на занятиях по РКИ в сербской аудитории // Молодёжь и духовное наследие эпохи: культура, артефакты, ценности : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Тула, 24–25 апр. 2023 г.). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2023. С. 52–55. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54495050&pff=1>.
5. Красовская Н. А. Использование потенциала текстов русских песен при обучении русскому как иностранному в сербской аудитории // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. 2023. № 3/2. С. 8–10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ujpxir>.
6. Красовская Н. А. Лингвистическая база модели подготовки преподавателя русского языка как иностранного в инославянском окружении // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 4 (16). С. 141–150. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_16/141/.
7. Мумрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Рус. язык, 1990. 268 с.
8. Модель непрерывной подготовки преподавателя РКИ : учеб.-метод. материалы / отв. ред. Н. А. Красовская; авт.-сост. Л. Б. Барулина [и др.]. Тула: Тул. полиграфист 1, 2023. 71 с.
9. Разговарајмо о Русији, разговарајмо о руском језику=Поговорим о России, поговорим о русском языке: Модель непрерывной подготовки преподавателя РКИ : учеб. пособие. Тула: Тул. полиграфист 1, 2024.

10. Тексты современных российских авторов на уроках РКИ : учеб. пособие для владеющих русским языком на уровне В-1–В-2 / отв. ред. Н. А. Красовская; авт.-сост. Л. Б. Барулина [и др.]. Тула: Тул. полиграфист 1, 2023. 153 с.
11. Трёмбовецкий И. В., Евтюгина А. А. Лингворегионоведческий словарь в методике преподавания русского языка как иностранного // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2020. № 9. С. 144–150. Электрон. копия печ. публ. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/32267/1/sprz_2020_9_019.pdf (дата обращения: 01.12.2024). Доступна в Электронном архиве Российского государственного профессионально-педагогического университета.
12. Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б. Региональный компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (лингвокультурный комментарий краеведческого материала Иркутской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 348–352.

References

1. Antonova, LN 2022, *Lingvostranovedcheskiy aspekt prepodavaniya RKI s uchetom regionalnogo komponenta (na primere Respubliki Sakha (Yakutiya))* (Linguistic and regional studies aspect of teaching Russian as a foreign language taking into account the regional component (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
2. Verbitskaya, LA 2018, 'ROPRYAL na sovremennom etape: problemy, perspektivy, zadachi' (ROPRYAL at the present stage: problems, perspectives, tasks), *Mir russkogo slova* (The World of Russian Word), no. 4, pp. 5–10. (In Russ.)
3. Ignatovich, TYu & Bikmirova, YuV, 2020, 'Lingvoregionovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo v ramkakh masterskoy obrazovatel'noy programmy' (The linguo-regional studies in teaching Russian as a foreign language in the framework of the master's educational program). *Mir russkogo slova* (The World of Russian Word), no. 3, pp. 86-90. (In Russ.)
4. Krasovskaya, NA 2023, 'Aktualnost folklornogo materiala na zanyatiyakh po RKI v serbskoy auditorii' (Linguistic basis of the model for training a teacher of Russian as a foreign language in a foreign Slavic environment), *Molodyozh i dukhovnoye naslediyе epokhi: kultura, artefakty, tsennosti: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Youth and the spiritual heritage of the epoch: culture, artefacts, values : proceedings of the XI International Scientific and Practical Conf.), Tula, 24-25 April, TGPU im. L. N. Tolstogo publ, Tula, pp. 52–55. (In Russ.)
5. Krasovskaya, NA 2023, 'Ispolzovaniye potentsiala tekstov russkikh pesen pri obuchenii russkomu kak inostrannomu v serbskoy auditorii' (Using the potential of Russian song lyrics in teaching Russian as a foreign language to a Serbian audience), *Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO». Tul'skoye obrazovatel'noye prostranstvo*, no 3/2. pp. 8–10. (In Russ.)
6. Krasovskaya, NA 2023, 'Lingvisticheskaya baza modeli podgotovki prepodavatelya russkogo kak inostrannogo v inoslavyanskom okruzhenii' (Linguistic basis of the model for training a teacher of Russian as a foreign language in a foreign Slavic environment), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 4 (16), pp. 141–150. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-141-150> (In Russ.)
7. Mitrofanova, OD & Kostomarov, VG 1990, *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo* (Methods of Teaching Russian as a Foreign Language), Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
8. Barulina, LB 2023, *Model nepreryvnoy podgotovki prepodavatelya RKI* (The model of continuous training of a teacher of Russian as a foreign language), ed. N. A. Krasovskaya, Tul. poligrafist 1 publ, Tula. (In Russ.)
9. *Разговарајмо о Русији, разговарајмо о русском језику* (Let's talk about Russia, let's talk about the Russian language) 2024, Tul. poligrafist 1 publ, Tula. (In Serbian)
10. Barulina, LB 2023, *Teksty sovremennykh rossiyskikh avtorov na urokakh RKI: uchebnoye posobiye dlya vladeyushchikh russkim yazykom na urovne B-1–B-2, 2023* (Texts of con-

- temporary Russian authors in RKI lessons: a teaching aid for those who speak Russian at level B-1–B-2), ed. N. A. Krasovskaya, Tul. poligrafist 1 publ, Tula. (In Russ.)
11. Trembovetskiy, IV & Evtyugina, AA 2020, 'Lingvoregionovedcheskiy slovar' v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo' (Linguistic and Regional Dictionary in the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language), *Sotsiokulturnoye prostranstvo Rossii i zarubezhya: obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*, no. 9, pp. 144-150, viewed 1 December 2024, https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/32267/1/sprz_2020_9_019.pdf. (In Russ.)
 12. Chupanovskaya, MN & Maklakova, TB 2019, 'Regionalnyy komponent na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (lingvokulturnyy kommentariy krayevedcheskogo materiala Irkutskoy oblasti)' (Regional component in classes of Russian as a foreign language (linguo-cultural commentary of local history material of Irkutsk region)), *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, no. 3, pp. 348–352. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.12.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 13.12.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024